

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

**НАУЧНЫЙ ЕЖЕГОДНИК
ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Том 18

Выпуск 1

Екатеринбург – 2018

Главный редактор

Виктор РУДЕНКО, директор Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), чл.-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф.

Заместители главного редактора

Философия, политическая наука: **Виктор МАРТЬЯНОВ**, заместитель директора по научной работе Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. полит. наук, доц.

Право: **Валентина ЭМИХ**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук

Международный редакционный совет

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Хоакин Х. АЛАРКОН**, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Ольга МАЛИНОВА**, проф. МГИМО-Университета, (Москва, Россия) д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Юрий ПИВОВАРОВ**, научный руководитель ИНИОН РАН (Москва, Россия), академик РАН, д-р полит. наук, проф.; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Армандо СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания) д-р права, д-р полит. наук; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Редакционная коллегия

Философия: **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, зав. кафедрой философии и политологии Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, профессор Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук.

Политическая наука: **Олег ПОДВИНЦЕВ**, зав. отделом политических институтов и процессов Пермского научного центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.

Право: **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, профессор Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Павел КРАШЕНИННИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. н., проф.; **Наталья ФИЛИППОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), «КиберЛенинку», базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI), а также входит в международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS); ERIH PLUS.

Учредитель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Издается с 1999 г. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России». Т. 1. «Газеты и журналы» 43669. Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-29547 от 14 сентября 2007 г.

ISSN 1818-0566 (Print); ISSN 2312-5128 (Online)

Адрес редакции: 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>

**INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences**

**RESEARCH YEARBOOK
INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences**

Volume 18

Issue 1

Ekaterinburg 2018

Editor-in-chief

Viktor RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

Deputy Editor-in-chief

Viktor MARTYANOV – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia);

Valentina EMIKH – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

International Editorial Council

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia);

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain);

Alexander KOKOTOV – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia);

Vladislav LEKTORSKY – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Olga MALINOVA – MGIMO University (Moscow, Russia);

Mikhail MALYSHEV – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico);

Yuri PIVOVAROV – Institute of Scientific Information on Social Sciences, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Thomas REMINGTON – Emory University (Atlanta, USA);

Cameron ROSS – University of Dundee (Dundee, UK);

Richard SAKWA – University of Kent (Kent, UK);

Saskia SASSEN – Columbia University (New York, USA);

Carole SIGMAN – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France);

Armando ZEROLO DURAN – University of San Pablo (San Pablo, Spain).

Editorial Board

Vladimir DIYEV – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia);

Yuri ERSHOV – Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg, Russia);

Elena STEPANOVA – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia);

Elena TRUBINA – Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

Oleg PODVINTSEV – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia);

Olga POPOVA – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);

Sergey POCELUEV – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);

Olga RUSAKOVA – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

Oleg ZAZNAEV – Kazan Federal University (Kazan, Russia);

Mikhail KAZANTSEV – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia);

Sergey KODAN – Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia);

Pavel KRASHENINNIKOV – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia);

Natalia FILIPPOVA – Surgut State University (Surgut, Russia).

The journal is recommended by the Russian Ministry of Education and Science for publication of scientific results of doctorate theses. It is indexed and referenced in RSCI, Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS); ERIH PLUS; it is included to the RSCI database on the Web of Science platform.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Брянник Н.В.** Динамика правопонимания в античности:
от философии права Древней Греции
к юриспруденции Древнего Рима7
- Лобовиков В.О.** Проблема гомогенности античной греческой
и римской философии права:
Дигесты Юстиниана и гексагон Бланше24

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

- Фишман Л.Г.** Недовоображенное сообщество43

ПРАВО

- Кондрашев А.А., Зенкина А.Б., Роньжина О.В.**
Правовой режим арктических территорий РФ
и предоставление особых прав
коренным (аборигенным) народам59
- Саленко А.В.** Свобода мирных собраний и дети:
законодательство и опыт России и Германии79
- Казанцев М.Ф.** Правовое регулирование в сфере
биологических коллекций: система, состояние, развитие94

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

- N. Bryanic.** Dynamics of legal understanding in Antiquity:
from Philosophy of Law of Ancient Greece
to jurisprudence of Ancient Rome7
- V. Lobovikov.** Problem of homogeneity of Ancient Greek
and Roman Philosophy of Law:
Iustiniani “Digesta” and Blanché Hexagon.....24

POLITICAL SCIENCE

- L. Fishman.** Under-imagined community.....43

LAW

- A. Kondrashev, A. Zenkina, O. Ronzhina.** Legal regime of Arctic territories
of Russian Federation and granting special rights
to indigenous (aboriginal) peoples59
- A. Salenko.** Freedom of peaceful assembly and children:
law and practice of Russia and Germany79
- M. Kazantsev.** Legal regulation in the sphere
of biological collections: system, state, development94

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Бряник Н.В. Динамика правопонимания в античности: от философии права Древней Греции к юриспруденции Древнего Рима // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 1, с. 7–23.

УДК 340.12

DOI 10.17506/ryipl.2016.18.1.723

ДИНАМИКА ПРАВОПОНИМАНИЯ В АНТИЧНОСТИ: ОТ ФИЛОСОФИИ ПРАВА ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ К ЮРИСПРУДЕНЦИИ ДРЕВНЕГО РИМА

Надежда Васильевна Бряник

доктор философских наук,

профессор кафедры онтологии и теории познания департамента философии

Уральского федерального университета

имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина,

г. Екатеринбург, Россия. E-mail: vastas07@mail.ru

Материал поступил в редколлегию 13.07.2017 г.

На рубеже XX–XXI вв. (как и столетием раньше) в России возрождается литература по философии права, которая нацелена на осмысление радикальных изменений в правовой сфере и преодоление кризиса правосознания. В статье обосновывается тезис о том, что в переломные моменты и в области правопонимания, и в правовой практике отечественные и зарубежные исследователи обращаются к римскому праву как вершине античного правопонимания, как основанию правового развития современных государств. Эмпирическим материалом для философского осмысления античного права стали исследования Э. Аннерса, Ж.-П. Вернана, Г.В.Ф. Гегеля, И.А. Покровского, О. Шпенглера, Г. Шершеневича. Авторская позиция заключается в обосновании того, что античность последовательно от греческого к римскому периоду создала все возможные формы философии права, которые возникали либо

из философии, либо из юриспруденции. Приведены аргументы в пользу признания естественно-правовой направленности как общего вектора философии права греческого периода. Философский контекст древнегреческого понимания права определяется космическим законом (*nomos*), который сопрягается с нравственно-этической характеристикой – *справедливостью*, когда все граждане воспринимаются как равные (*isoi*). Четкого разделения на сторонников философии позитивного права и философии естественного права в греческий период античности не произошло. В статье проведен анализ отличительных черт римской юриспруденции, к которым относятся технологичность, прикладной характер и конкретность. Отличительные черты римской юриспруденции обобщены таким понятием, как *позитивность* права. Выявлены причины и следствия трансформации национального гражданского права (*jus civile*) в эпоху империи в право народов (*jus gentium*). Дополнив национальное гражданское право правом народов, римская юриспруденция создала особую форму философии права – это философия позитивного права, вырастающая не из философии, а из юриспруденции.

Ключевые слова: естественное/позитивное право, юридическая техника, римская юриспруденция, правопонимание, философия права.

Актуальность обращения к римскому праву. В области отечественного правопонимания рубежа XX–XXI вв. нельзя не отметить очевидной тенденции – появления и постоянного наращивания литературы (учебной и научной) по философии права¹ (за весь советский период, то есть до 1990-х гг., в стране работ по философии права фактически не было); эта область знания институционально оформляется (созданы институты философии и права в СО РАН и УрО РАН, выходят периодические издания и др.). Объяснение этому лежит на поверхности: в России происходят радикальные изменения не только в социально-экономической, но и в правовой сфере. Новая Конституция (1993), реформы в уголовном (1997), гражданском (1995) и других отраслях права требуют понимания оснований формирующейся правовой реальности, ее сравнения с существующими правовыми системами – все это выходит за пределы конкретных отраслей права и составляет предмет философии права.

Складывающаяся ситуация во многом напоминает происходившее в правоведении на рубеже XIX–XX вв., когда участники тех событий (Н.Н. Алексеев, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, Ф.М. Тарановский, И.А. Ильин и др.) констатировали кризис правосознания (его «затмение» и «разложение», превращение в «больное правосознание» и т.п.) и в этой связи настаивали на возрождении философии права, под которой понимали естественное право, отодвинутое и, казалось бы, подавленное позитивист-

¹ Керимов Д.А. Основы философии права. М., 1992; Малинова И.П. Философия права (от метафизики к герменевтике). Екатеринбург, 1995; Баскин Ю.Я. Очерки философии права. Сыктывкар, 1996; Пермяков Ю.Е. Лекции по философии права. Самара, 1995; Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1997; Тихонравов Ю.В. Основы философии права. М., 1997; Алексеев С.С. Философия права. М., 1998; Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Основы философии права. М., 2002; Афонасин Е.В., Дидикин А.Б. Философия права. Новосибирск, 2006; Малахов В.П. Философия права. М., 2007; и др. (работы приведены в хронологическом порядке их издания).

скими течениями, выступавшими от лица юриспруденции и самой правовой реальности. Причина подобного состояния (которое охватило в то время не только Россию, но и Западную Европу) в том, что «господствующая ... положительная философия признает, что мы ... не имеем ни малейшего понятия о метафизической природе человека, из которой вытекают ... права. И духовная личность, и свойственная ей свобода воли – все это считается метафизическими бреднями, которые надобно выкинуть за борт» (Чичерин 1998: 25). Названная причина кризиса правосознания носит сугубо *теоретический* характер, но она имеет предпосылкой и важные жизненные обстоятельства. Юристы-философы связывают кризис правосознания в России указанного периода с необходимостью проведения глубинных реформ всех сфер жизни общества, которые должны были последовать за отменой крепостного права, но были лишь начаты, а по сути не реализованы.

Что касается Запада, то, с одной стороны, к началу XIX столетия отдельный человек, индивид, с его стремлением к свободе в экономической, политической, религиозной и интеллектуальной жизни становится базисным элементом конституционного устройства государств нового типа. И достижения в *правовой* сфере наряду с научно-техническим прогрессом заложили основы того, что сегодня называют современным типом цивилизации. Ряд исследователей оценивают события, произошедшие в правовой жизни в указанный период, как революцию в праве. Но, с другой – в середине XIX столетия К. Маркс констатирует, что свобода индивида в условиях капиталистического способа производства оборачивается рабством. И если в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», рабство конкретизируется абстрактно-философской категорией «отчуждения», то уже «Манифест Коммунистической партии» (1848) призывает к объединению пролетариев всех стран и к революции. Столкновение названных тенденций и свидетельствует о кризисе правосознания европейских наций. Разве не в «большом сознании» родилась мысль о возможности отмирания права, как и государства, поскольку они якобы буржуазны по своей природе. И этот социальный эксперимент коммунистический режим намеревался реализовать, допуская возможность социального порядка без правопорядка.

В поиске выхода из кризиса как в области теории, так и в правовой практике отечественные и зарубежные исследователи обращаются к римскому праву, явившемуся завершающим этапом и одновременно вершиной античного правопонимания. Причем это характерно как для нынешнего переходного периода в РФ, так и для отмеченного кризисом рубежа предыдущих веков. Ниже приведены аргументы двух юристов-историков (труды которых отделяет более 80 лет) в пользу значимости римского права. Их аргументы об актуальности римского права настолько близки, что может сложиться впечатление, что они оценивают один и тот же период, одни и те же события.

Первый из них, шведский историк права Э. Аннерс, намечает единственно возможный путь развития современной России в направлении «Большой Европы»; римское право, считает он, должно стать отправной точкой и основанием этого движения. Он об этом пишет так: «Цель книги

“История европейского права” заключается в том, чтобы оказать содействие российским юристам в изучении историко-правовых предпосылок образования западноевропейского правового государства, демократии и рыночного хозяйства». Для российского издания он особо подчеркивает: «Я старался ответить на следующие вопросы: почему римское право ... имеет такое большое значение в качестве источника правотворчества и образца даже в настоящее время?» (Аннерс 1994: 3).

Другой интересующий нас автор, И.А. Покровский (один из ярких представителей отечественной школы изучения римского права, которая достигла пика своего развития как раз в последние десятилетия XIX в.), в 1913 г. опубликовал свой труд, который до сих пор считается непревзойденным по глубине анализа в отечественной романистике. Вот что говорится в предисловии с характерным названием «Римское право, его значение в истории правового развития и в современной юриспруденции»: «Все правовое развитие Западной Европы идет под знаком римского права вплоть до настоящего времени. ... Объединяя Европу на практике, римское право объединяло ее и в теоретических исканиях» (Покровский 1999: 14-15). Но И.А. Покровский имеет в виду не только Европу, в первую очередь его интересует Россия. Он пишет: «Мы, русские ... отстали ... в области права. ... И если мы хотим в этом ... отношении сравняться с Европой ... мы должны ... освоиться с основным фундаментом общеевропейского права – с правом римским. Если оно повсеместно является основой юридического образования, то у нас для этого причин еще больше» (Покровский 1999: 15).

Философские оценки античного права: О. Шпенглер и Г. Шершеневич. Среди многочисленных исследований римского права особый интерес представляют *философские* работы, которые достаточно редки. Философское рассмотрение римского права нацелено на раскрытие его смысла; это определение истоков, сравнение с древнегреческим правом, а также выяснение его вписанности в жизненные реалии античной культуры. С учетом названных признаков философского подхода наше внимание привлекли позиции двух авторов: один из них – отечественный юрист-философ Г.Ф. Шершеневич (1863–1912), другой – немецкий мыслитель О. Шпенглер (1880–1936).

Каждый из них, обращаясь к истории права, преследует свои цели. О. Шпенглер, рассматривая этот вопрос, обосновывает концепцию культурно-исторических типов права. Предваряя свой анализ, он отмечает: «Я хотел бы привести *историю римского права* как наиболее яркий пример системы, якобы процветавшей через два тысячелетия в неизменном в основных своих чертах виде, между тем как в действительности в трех разных культурах она прошла три полных процесса развития всякий раз с абсолютно иным смыслом» (Шпенглер 1998: 61). В своем знаменитом произведении он исследует три культурно-исторических типа права – античное, арабское и западноевропейское. К античному типу права он относит греческое и римское право, соотнося их так: «В случае греческого и римского права недостаточно учитывается тот факт, что речь должна идти не об их параллельном, но о последовательном существовании» (Шпенглер 1998: 63). Его

интересует именно их последовательное существование, поскольку особенности правопонимания зависят от политико-экономического наполнения (для него это социальная субстанция) правовых отношений; при переходе от древнегреческого к древнеримскому этапу произошли существенные изменения в «социальной субстанции», повлиявшие на право.

Какие изменения в праве при этой смене этапов обнаруживает Шпенглер? По сути, он фиксирует закономерность античного правопонимания: «До разработки правоведения на греческом языке дело не дошло. Ко времени, когда античность наконец созрела для этой, самой последней среди всех, науки, существовал лишь *один* устанавливавший право город, который мог здесь иметь значение» (Шпенглер 1998: 63). Речь, конечно, идет о Риме, поэтому он и утверждает, что «античная юриспруденция – это наука римлян ... она так и осталась единственной их наукой» (Шпенглер 1998: 68). И он воссоздает историю этого движения, показывая, что «античное правоведение» как «планомерное постижение применяемого права» начинается в период эллинизма.

А вот что собой представляло правопонимание до становления его в качестве правоведения, до римской науки о праве (=юриспруденции) – этот вопрос выпадает из поля зрения Шпенглера. Ответ на него можно найти у другого названного нами автора, проявившего интерес к философии римского права, – Шершеневича. Цель его обращения к истории права, в том числе к римскому праву, определена стремлением понять, когда возникает то, что к началу XX столетия закрепилось в названии «философия позитивного права» (ФПП). Для него это был важный вопрос, поскольку, признавая необходимость возрождения в России философии права, сам он был сторонником именно ФПП, которая, по его мнению, не должна быть оторвана от правовой реальности и конкретных отраслей права, как это было характерно для философии, полагающейся на школы естественного права, – ФЕП. Будем иметь в виду, что оппозиция ФПП и ФЕП становится очевидной и закрепляется терминологически в начале XIX в. Отечественный исследователь в области истории философии права В.С. Нерсисянц указывает: «Первоначально термин “философия права” ... появляется в юридической науке. Его автором является немецкий юрист Г. Гуго ... Выражение “философия права” Гуго использует для более краткого обозначения философии позитивного права» (Нерсисянц 1997: 11). Но надо учитывать, что почти одновременно с Г. Гуго свою работу по философии права издает и Гегель; полное название его работы – «Основания естественного права и науки о государстве. Основы философии права». Мы показываем это различие ФПП и ФЕП с момента введения в оборот самого словосочетания «философия права» только потому, что границы такой области знания, как философия права, а также оппозиция ФПП и ФЕП были определены именно в античном правопонимании.

Философский контекст древнегреческого правопонимания. Шершеневич обосновывает тезис о том, что у древних греков рациональное объяснение всего, что связано с правом, органично вписано в их философские воззрения. Это свойственно и самым ранним мыслителям, включая

пифагорейцев, и софистам, и Платону, и Аристотелю, и др. Причем исключительно в *философском* контексте они рассматривают не только природу государства, права, закона, справедливости и т.п., но и различия частного и публичного, гражданского и уголовного права, принципы судостроительства, признаки правонарушений, преступления и наказания и мн. др. Безусловно, между древнегреческими мыслителями не было единства в плане приближенности их взглядов к правоприменительной практике. Так, если Платон выстраивал *идеальное* государство (Государство, Законы, Политик), которое он тем не менее намеревался реализовать в действительности, то его знаменитый ученик во многом полагался на конкретный жизненный материал (Политика, Этика Никомаха, Риторика и др.) – ведь «школа Аристотеля составила описание 158 конституций государств, а также описание законов различных стран» (Шершеневич 2001: 86). И все-таки даже, казалось бы, сугубо правовой принцип, предвосхищенный Аристотелем (присутствующий и в законодательствах современных государств), – «все, что законом не определено, – запрещено», по мнению Шершеневича, вытекает из философской установки греческого мыслителя.

Тезис Шершеневича о философской детерминации правовых воззрений древнегреческих мыслителей не столь уж и оригинален – достаточно общепризнано, что истоки всех областей *рациональной формы знания* данного периода неразрывно связаны с философией. Важно понять причины данного феномена. Исходить, как нам представляется, надо из положения, согласно которому своеобразие философских воззрений интересующего нас периода обусловлено тем, что «в античности человек захвачен Космосом» (Хайдеггер 1986: 103). Таково метафизическое основание, раскрытое М. Хайдеггером и проясняющее бытийственный статус человека античности, определяющее мир его представлений. Если человек захвачен Космосом, то все в его жизни им и определяется. В подтверждение данного статуса человека и, соответственно, космоса приведем оценку известного специалиста по Древней Греции Ж.-П. Вернана. Он считает, что в VII–VI вв. до н.э. «...выделилась идея космического порядка, покоящегося отныне не на мощи бога ... но на понятии космоса, подчиняющегося закону, правилу (nomos). Nomos устанавливает для всех составляющих природу элементов ... порядок» (Вернан 1988: 224). Все составляющие космическую природу элементы – это и то, что существует само по себе, и то, что создано человеком, и правила человеческого общежития, и человеческая история. Согласно методологии Вернана, *космический порядок коррелирует с социально-политическим и правовым*: «Именно ... образ социального космоса, регулируемого равным для всех законом (isonomia), на заре философии ранние греческие мыслители перенесли на физическую вселенную» (Вернан 1988: 16). Поэтому, как бы ни казалось странным, но есть сходство в идеях одного из первых древнегреческих «физиков» Фалеса и афинского архонта Солона.

Что собой представляет этот порядок, каким образом он может быть выражен? Космический закон (nomos) выражает глубинное мироощущение древнего грека – гармонию, пропорцию, соразмерность, суммируемые пифагорейцами в тезисе «все есть число». В социальной сфере это означа-

ет, что «...все граждане, принимающие участие в жизни полиса, начинают восприниматься как “подобные” (homoioi), а затем, более абстрактно, как “равные” (isoi). ... В политическом плане граждане считают себя взаимозаменяемыми единицами одной системы, законом которой является равновесие, нормой – равенство» (Вернан 1988: 80). Но тогда в чем заключается равенство в *правовой жизни* как важнейшей составляющей социума? «А в том, что существует единый писанный закон, равный для всех граждан, и что все они в равной степени могут участвовать как в судах, так и в собраниях ... Согласие (homonoia) – это “гармония”, установленная посредством столь точных пропорций, что Солон придает им почти числовой характер» (Вернан 1988: 115); здесь уже идеи Солона совпадают с идеями Пифагора.

Философия права Древней Греции: естественное и позитивное право. Поскольку в Древней Греции как рациональное понимание природы, так и обоснование права органично включают в себя *философские* идеи, то применительно к данному периоду, по аналогии с общепринятым концептом «натурфилософия» (=философия природы), вполне оправданно использовать концепт «философия права».

Применяя данное словосочетание к античному правопониманию, попытаемся разобраться в том, что собой представляет философия права Древней Греции. Судя по общей идее «Истории философии права» Шершеневича, уже в этот период в философии права шло активное формирование основных направлений – ФЕП и ФПП. Имеющийся материал подтверждает эту идею.

В переходный период от мифо-религиозных представлений к *рациональному* признанию космического порядка (nomos) последний конкретизируется так: «Этим общим порядком, высшей нормой является dikē (“справедливость”, “законность”) ... ее законодатель (nomothetēs) реализует в законах ... Dikē должна установить между гражданами справедливое равновесие, гарантированную законность, правопорядок (eunomia)» (Вернан 1988: 95). В данной конкретизации закон (nomos) сопрягается с нравственно-этической характеристикой – *справедливостью*. Раскрытие природы закона, представляющего собой справедливость, ведет к идее *естественного права*: «...под именем законов (νομοι) в VI веке понимаются вообще все правила общественного поведения. Их авторитет основывается уже не на Божественном происхождении, как это было ранее (θεμις), а на унаследовании их от ряда предков как результат мудрого опыта, придавшего нормам характер естественности, неизменности» (Шершеневич 2001: 39). В изложенных аргументах мы обнаруживаем, по меньшей мере, две трактовки понятия естественного права: как божественного права и как права, созданного людьми (=человеческого права). Приведенные признаки естественного права – это его неизменность и связь (точнее, неразличимость) с нормами морали. И еще один важный аргумент, проясняющий подобную позицию: «Отличие норм права и нравственности возможно только при отделении государства от общества. В Древней Греции государство – это небольшая городская община, где общественная жизнь почти совпадала с государственной» (Шершеневич 2001: 57-58). Нормы права и нормы морали именно по этой причине, считает Шершеневич, и совпадали.

Почти одновременно идет формирование концепта *позитивного права*. Например, уже старшие софисты, рассуждая об этических категориях и также сближая их с правовыми, делают акцент на том, что те и другие являются собой продукт человеческой деятельности, а вовсе не носят неизменный характер, поскольку по своему происхождению отличаются от законов космоса, от того что составляет его природу. «Добро и зло составляют не нечто данное, а установленное человеческой волей» (Шершеневич 2001: 47); подобный аргумент использовался и по поводу правовых явлений. Так, Шершеневич приводит в качестве примера старшего софиста Архелае, «который утверждал, что различие справедливого и несправедливого основывается не на природе (ου φυσει), а на человеческом установлении (ἀλλα νομψ). Критерием различия добрых и злых поступков является польза их» (Шершеневич 2001: 47). Под субъектом, устанавливающим различия добрых и злых, справедливых и несправедливых поступков, понимаются и отдельный человек, индивид, и государство в целом. Из этого, согласно логике софистов, следует, что «...абсолютного права нет. То, что в одном месте признается законным, в другом воспрещается законом. Нет естественного права (φυσει), существует только положительное право» (Шершеневич 2001: 48).

Мы видим, как уже у ранних софистов выстраивается оппозиция *естественного* (неизменного, необходимо всеобщего для природы или установленного божественной волей, совпадающего с необходимо всеобщим аспектом норм морали) и *позитивного* права (изменчивого, относительно, установленного волей индивида или государственной волей). При этом в своем исследовании Шершеневич показывает, что четкого размежевания на сторонников ФПП и ФЕП в греческий период античности не произошло. Те же софисты, склонные принять позицию ФПП, в целом ряде принципиальных вопросов опираются на положения ФЕП. Они, например, признавали, что «по природе все люди свободны и только человеческим установлением можно превратить людей в рабов» (Шершеневич 2001: 51). Колебание между принципами ФЕП и ФПП прослеживается и на последующих этапах греческой философии. Историк-юрист обращает внимание на то, что ни у Платона, ни у Аристотеля в самой трактовке сущности права нет четкого, однозначно проведенного различия между нормами права и нормами морали. В этой связи приведем одну из оценок, данную мыслителю, который, как никто другой в рассматриваемую эпоху, стремился выработать строгие определения применительно к любой сфере человеческой жизнедеятельности. Речь, конечно, идет об Аристотеле: «Воззрения Аристотеля на сущность права и его отличие от нравственности трудноуловимы... Порой кажется, что Аристотель сливает нормы права с правилами общежития вообще (νομοι) ... иногда Аристотель как будто признает правом только нормы, установленные государством, иногда ссылается на естественное право и им опровергает первые» (Шершеневич 2001: 51).

Если попытаться дать целостную оценку правопонимания античной Греции, то «захваченность» человеческого существования космическим *nomos/dikē* заставляет признать подчиненность человеческих установлений и соглашений, а значит и позитивного права, естественному порядку, соот-

ношение с которым воспринимается как оценка на истинность. Поэтому у нас есть все основания признать *естественно-правовую* направленность в качестве общего вектора философии права рассматриваемого периода. Подтверждение этому мы находим и у тех, кто придерживался методологической установки ФПП (в данном случае примером может быть позиция самого Шершеневича), и у сторонников ФЭП, что неудивительно. Один из ярких представителей отечественной философии права (последовательный сторонник именно естественного права), Н.Н. Алексеев, также на примере софистов показывает, что собой представляла философия права греческой античности и какова ее общая тенденция. Его видение данной традиции таково: «У Антифона ... находим мы целую теорию, противопоставляющую положительное право естественному. Справедливым ... считается то, чтобы граждане не нарушали установленных государством обязательных норм. Однако государственные предписания – произвольны. Но существуют другие, произвольные законы – законы природы ... Государственные законы основаны на соглашении, законы природы возникли естественно» (Алексеев 2001: 36-37).

Отмеченная тенденция нередко служит основанием для отождествления всей древнегреческой философии права со школой естественного права. И когда наряду с философией природы (натурфилософией) речь идет о философии права, под ней, как правило, понимают ФЭП.

Наш *промежуточный вывод* таков. Если представления о праве рассматривать как одну из областей человеческого знания о мире, человеческой истории, технике и пр., то данная область в Древней Греции отвечает общей закономерности неразрывного единства философских и научных знаний. В этом синтезе знаний философская составляющая обеспечивает *функцию объяснения* поставляемого конкретного материала о природе и человеческих отношениях во всем их многообразии. При всей спекулятивности подобных философских построений творческий потенциал древнегреческой философии права далеко не исчерпан. Ярким подтверждением этому может служить следующий пример, описанный Н.Н. Алексеевым: «Пифагорейцы провозгласили принцип содружества и мира... Все в мире связано родственной связью... пифагорейцы делали вывод, что по отношению к животным нельзя поступать несправедливо, так как в них может жить человеческая душа. Между людьми и животными существует правовая связь. Причинивший несправедливость животным должен получить соответствующее возмездие» (Алексеев 2001: 16). Современные цивилизованные государства, в том числе и Россия, только сейчас подходят к признанию прав животных.

Отличительные черты римской юриспруденции: технологичность и ее производные. Имея целью раскрыть *динамику* античного правопонимания, мы рассмотрели только греческий этап; следующим шагом должно быть обращение к римскому праву. При этом, как было ранее отмечено, нас интересует римское правосознание, не идущее в параллель с древнегреческим, а последовавшее за ним; в этом смысле мы можем говорить, что «римское право младше» (Шпенглер 1998: 63). Именно тогда сформировался тот уникальный феномен в истории человечества, с которым,

собственно, и связывают римское право. Историки права по-разному называют данный период – позднеантичное право, последняя стадия «чистого» римского права, эпоха высшего развития римского права как науки, классическая юриспруденция и т.п. Сходятся исследователи в одном – римское право приобрело свои отличительные черты и масштабный характер «вследствие того, что Рим в качестве отдельного города добился господства над античной империей» (Шпенглер 1998: 62).

Попытаемся реконструировать из разных текстов *отличительные черты* римской юриспруденции.

В числе первых следует назвать ее *технологичность*. На это как на существенный отличительный признак указывают все, кто исследует природу римского права. Обратим внимание на то, в каком контексте выделяют данное отличие и что под ним понимают. Так, Аннерс юридическую науку в целом рассматривает как «инженерное искусство», поэтому и история европейского права его интересует с точки зрения того, какие «основные направления развития юридической техники» (Аннерс 1994: 3) были выработаны в Европе. В этой связи он и задается вопросом: «Почему римское право достигло такого высокого уровня юридической техники...?» (Аннерс 1994: 3). Технологичность означает для него выраженность в правовых нормах, которые доведены до «формулярной правовой системы», что позволяло на практике вырабатывать «функционально дееспособные решения сложных проблем» (Аннерс 1994: 107) *гражданского права (jus civile)*. Аннерс подчеркивает технологичность и прикладной характер римской правовой системы в противовес, как он пишет, «спекулятивному (умозрительному) теоретизированию». Его оценки даже терминологически совпадают с теми, которые значительно раньше дает Шпенглер, когда пишет: «Римляне не были ... ни систематиками ... ни теоретиками, а исключительно блестящими практиками. Их юриспруденция – это *опытная наука единичных случаев*, одухотворенная техника, а вовсе не какое-то абстрактное построение» (Шпенглер 1998: 63-64). Технологичность, практичность и конкретность, а не теоретичность и абстрактность – вот набор понятий, позволяющий через противоположения раскрыть специфику правосознания римских юристов.

Шпенглер и сам достаточно технологично разбирает механизм возникновения «нормативно-формульного» права, по ходу добавляя новые отличительные черты. А механизм этот таков: «Вступая на год в должность, римский претор ... сообщает правовые нормы, в соответствии с которыми предполагает действовать. ... претор в каждом отдельном случае формулирует конкретную правовую норму под ... приговор ... Тем самым претор создает “современное право” в строжайшем смысле этого слова – безо всякой длительности» (Шпенглер 1998: 63-64). Но поскольку политико-экономическая субстанция в течение определенного времени все-таки сохраняется, то воспроизводятся и наиболее значимые правовые ситуации, в связи с чем «в Риме постепенно формируется запас формул ... И вот совокупность этих формул ... образует “право”, как оно содержится в позднейшем преторском эдиктовом законодательстве» (Шпенглер 1998: 63-64).

Выходит, по Шпенглеру, римское право – это *текущее, действующее* и в этом смысле всегда *современное* право.

К близкому выводу приходит и Шершеневич, исследуя особенности римского правотворчества: «Римляне обнаруживали понимание лишь ближайших моментов: они хорошо знали, как им следовало поступать в данную минуту», – и далее он конкретизирует: «Их занимала лишь необходимость найти разрешение данному случаю, выдвинутому жизненной волной» (Шершеневич 2001: 107, 109). То есть, по сути, *современность и прикладной* характер римской юриспруденции означают ее *жизненность*.

В свете выделенных отличительных признаков деятельности классических римских юристов вряд ли стоит воспринимать в качестве негативной оценку современных юристов – как «ремесленников» и «технарей», а их деятельности – как сугубо «юридического ремесла».

В контексте выделенного признака – технологичности – и напрямую с ним связанных практичности, жизненности, конкретности, современности, через противоположение, дается и такой признак, как отсутствие *теоретичности*. Это хоть и негативный, но все-таки существенный отличительный признак классической римской юриспруденции, и надо раскрыть, что означает отсутствие в римской юриспруденции теоретического уровня знаний, ее не фундаментальный, а прикладной характер.

Шершеневич этот негативный признак фиксирует признанием того, что римские юристы «совершенно неспособны были к обобщениям. Всякие определения казались им чрезвычайно опасными. Напрасно было бы искать у них определений, например, договора, заблуждения, хотя этими понятиями они пользуются постоянно. Известно, сколько трудностей доставили они тем, кто хотел выяснить, как они понимали владение» (Шершеневич 2001: 118). Аннерс при этом также делает акцент на *понятиях*: «Римские юристы отказались от попыток дальнейшего развития и совершенствования *общей правовой системы*, основанной на формировании абстрактных понятий» (Аннерс 1994: 108). И это, похоже, общая позиция всех, кто изучал историю римского права; подтверждением тому служит и оценка Шпенглера: «Римляне ... никогда ... не предпринимают анализа фундаментального понятия, такого, например, как судебная ошибка. Они скрупулезно различают виды договоров; но понятие договора им неизвестно. Точно так же неизвестна им и теория, к примеру, правовой ничтожности или оспоримости» (Шпенглер 1998: 68).

Завершая ряд этих подтверждений, обратимся к мыслителю, который попытался дать объяснение подобному положению дел. Для Гегеля вопрос о *научности* римской юриспруденции имел принципиальное значение. Для него научное – это, безусловно, *теоретическое* знание, полагающееся на строгое определение *базовых понятий*, через которые дается *объяснение сущности* фундаментальных явлений; важны также *логическая* последовательность и *непротиворечивость*. Очевидно, что данными критериями Гегель ставит под сомнение научность римской юриспруденции. Что касается базовых понятий (личное и вещное право, владение и собственность, договор, обязательство и др.), то мнение Гегеля таково: «Часто говорят ...

о римских ... *правовых понятиях*...; между тем как там нет и речи о понятиях, а есть только ... *рассудочные положения* ... Игнорируя это различие, удается ... поставить ... внешнее явление – на место природы вещей» (Гегель 1990: 63). *Рассудочные* определения правовых понятий не раскрывают *природу* выражаемых ими явлений, а берут эти явления в их конкретных и частных ситуациях. Только на ступени *разума* можно снять единичное и конкретное и подняться до общего, но, согласно Гегелю, требованиям разума римское право никогда не удовлетворяло, что позволяло скрывать присутствующие в нем противоречия. Мыслитель обращает внимание на предостережение, которым руководствовались римские юристы: «*omnis definitio in jure civili periculosa* (всякая дефиниция в гражданском праве опасна. – *Н.Б.*)» (Гегель 1990: 60), считая данное предостережение оправданным, поскольку «чем бессвязнее и самопротиворечивее определения права, тем менее возможны в нем дефиниции» (Гегель 1990: 60). Примеры, приводимые Гегелем, весьма убедительны; так, он замечает, что «в римском праве невозможна дефиниция *человека*, ибо раба нельзя было подвести под это понятие, которое, скорее, нарушается его положением; столь же опасной оказалась бы во многих отношениях дефиниция собственности и собственника» (Гегель 1990: 60).

Расхождение оценки о логичности и непротиворечивости римского права, положения которого якобы по своей обоснованности подобны математической строгости, Гегель также ставит под сомнение, но при этом полагает, что «именно *непоследовательность* римских юристов и преторов следует считать одним из величайших достоинств, которое позволяло им отступать от несправедливых и отвратительных институтов» (Гегель 1990: 67). Подобный аргумент, возводящий нелогичность и противоречивость в достоинство, казалось бы, трудно принять, но в данном случае Гегель убеждает хорошим знанием предмета и яркими примерами; вот один из них: «Согласно неправовому и безнравственному определению римского права, дети были для отца *вещами*, и тем самым он находился в юридическом владении своими детьми ... Здесь ... совершенно неправовое соединение обоих определений – вещи и не-вещи» (Гегель 1990: 102).

Технологичность и ее производные, будучи отличительными чертами римского права, могут быть обобщены таким понятием, как *позитивность* права. Нормативно-формульное право, являясь социальным регулятором жизни древних римлян, предстает как *действующее* и в этом смысле *позитивное* право.

Римское право: *jus civile* и *jus gentium*. Выделенные признаки римского правопонимания – технологичность, атеоретичность, прикладной характер, казалось бы, полностью снимают вопрос о какой-либо связи римской юриспруденции с философией. Провал римского права в этом отношении констатирует исследователь, для которого история *философии* права – вопрос первостепенной важности. Имеется в виду Шершеневич, у которого мы находим в качестве общего вывода тезис о том, что «в области философии права римские юристы ... не проявили ни малейшего творчества» (Шершеневич 2001: 110). Другими словами, они не создали какой-то своей,

оригинальной философии права. Вместе с тем известные римские юристы, такие, например, как Цицерон («О законах», «Об обязанностях» и др.), Гай («Институции»), явно демонстрируют свою приверженность завершающей греческую античность стоической философии. Но необходимо понять, что собой представляет сама *правовая материя*, норма права, другими словами, присутствуют ли в римском законодательстве философские положения?

Ответ на этот вопрос оказывается не таким простым. При рассмотрении отличительных признаков римского права мы сознательно опустили один фактор, который на самом деле оказал значительное влияние на то, что выше мы назвали собственно правовой материей. Таким фактором явилась необходимость распространения римского права в эпоху империи на иностранцев. Суть того, что в связи с этим произошло в римском праве, Шпенглер подытожил так: «...то, что *jus civile* городского претора ... отступает перед *jus gentium*, перед правом “прочих”, находящимся в компетенции *praetor peregrinus* ... отвечает политическому распространению римской мощи. Поскольку в конечном итоге все население античного мира, не обладавшее римским гражданством, принадлежало к этим “прочим”, *jus peregrinum* города Рима фактически становится имперским правом» (Шпенглер 1998: 67). Таким образом, гражданское право расширяется до права «прочих», то есть *права народов*.

Шершеневич, придерживаясь этой же позиции и исследуя существенные различия, которые обозначились между *национальным гражданским правом (jus civile)* и *правом народов (jus gentium)*, в своей аргументации обращает внимание на одно важнейшее обстоятельство. Он показывает, что *jus gentium* вырастает из *торгового* права, суммируя свои выводы таким образом: «В пределах того же государства, рядом с национальным гражданским правом ... сложилось торговое право, построенное на началах космополитических (*jus gentium*). Эта система права образовалась при содействии претора peregrinorum, который разбирал дела между римлянами и иностранцами, и затем стала воздействовать на нормы права, издаваемые городским претором» (Шершеневич 2001: 114). Отсюда следует, что существенные изменения римская юриспруденция претерпела в силу внешних по отношению к национальному праву обстоятельств. Возведение торгового права в право народов и закрепление за *jus gentium* значения именно *права народов* отвечало *космополитическим* устремлениям императорской власти Рима. Этим и объясняется, почему римские юристы опирались на воззрения стоической философии, для которой сам мир есть некое единое государство; отдельные страны – лишь дома в данном мире-государстве; следовательно, правовые нормы должны охватывать поступки всех народов вообще. И это возможно, ведь согласно космополитизму стоиков человеческая природа является отражением вечного разума всей природы.

Закрепление римскими юристами права народов (*jus gentium*) – это зародыш идеи международного права. В Новое время признанный основоположник международного права нидерландский мыслитель Г. Гроций использовал концепт «право народов» для того, чтобы раскрыть смысл естественного права, отвечающего разумной природе человека. Он считал,

что «кроме права естественного, называемого также часто правом народов, почти не встречается право, которое было бы обще всем народам. Ибо ведь зачастую в одной части земного шара действует такое право народов, которое не имеет силы в остальной»¹. Римское *jus gentium* ведь тоже охватывало лишь народы Римской империи. Но это, безусловно, шаг на пути к необходимости признания, согласно духу космополитизма, правового порядка для народов Земли.

Римские юристы оценивали статус права народов неоднозначно, а по мнению Шершеневича, даже двусмысленно: «...оно представлялось им то положительным римским правом, то лишь философским» (Шершеневич 2001: 116); другими словами, его понимали то как действующее, то как не действующее, а всего лишь присутствующее в правосознании юристов. Шершеневич так интерпретирует эту двойственность права народов: «Поскольку *jus gentium* применялось к лицам и отношениям, которых не имело в виду *jus civile* ... оно не было положительным. Такие нормы могли быть рекомендуемы, но не обязательны в юридическом смысле. Но, насколько положения, наблюдаемые у других народов ... являются обязательными для претора peregrinorum, призванного судить римлян с иностранцами по этим именно нормам, *jus gentium* было правом положительным» (Шершеневич 2001: 116).

Приведенные оценки статуса права народов заставляют признать, что, при всей технологичности римского права, в нем в качестве действующих норм присутствуют и такие, которые ориентированы на право народов, а значит связаны с принципами естественного права. Перед нами уникальный пример органичного соединения *позитивного* и *естественного* права; появление такой разновидности ФЕП, которая вырастает из позитивного права. Не случайно поэтому Гегель, сам сторонник естественного права, обосновывая момент взаимосвязи и единства таких, казалось бы, взаимоисключающих феноменов, как позитивное и естественное право, в качестве примера ссылается на римское право в его поздней формации (Кодекс Юстиниана, VI в. н.э.). Гегель пишет: «Представлять себе различие между естественным или философским правом и позитивным правом таким образом, будто они противоположны и противоречат друг другу, было бы совершенно неверным; первое относится ко второму как институции к пандектам» (Гегель 1990: 62). Не вдаваясь в детали, приведем пояснения историка философии права Нерсисянца, который отмечает, что в институциях (1-й части Кодекса) излагаются теоретические основы права, тогда как в основной (2-й) части – Пандектах – нормы действующего права. При этом Гегель явно осознает отличия одного (естественного/философского права) от другого (позитивного права). Так, он настаивает на том, что надо «устранить возможное представление или даже требование, будто посредством систематического развития философского права может быть создан кодекс позитивного права, то есть такой, в каком нуждается действительное государство» (Гегель 1990: 62).

¹ Гроций Г. О праве войны и мира (Цит. по: Альбов, Масленников, Сальников 1998: 87).

Присутствие естественно-правовой/философской тематики в римском правоведении, безусловно, не ограничивалось рассмотренным соотношением *jus civile* и *jus gentium*. Так, согласно Дигестам или Пандектам Юстиниана, один из величайших юристов Римской империи, Ульпиан, утверждал: «Изучающему право надо прежде всего узнать, откуда произошло слово “право” (*ius*). Право получило свое название от “правосудия” (*iustitia*), ибо, согласно превосходному определению Цельса, право есть наука о добром и справедливом. По заслугам нас называют жрецами, ибо мы заботимся о правосудии, возвещаем понятия доброго и справедливого, отделяя справедливое от несправедливого ... Частное право делится на три части, ибо оно составляет или из естественных предписаний, или (из предписаний) народов, или (из предписаний) гражданских. Естественное право (*ius naturale*) – это то, которому природа научила все живое: ибо это право присуще не только человеческому роду, но и всем животным, которые рождаются на земле и в море, и птицам; сюда относится сочетание мужчины и женщины, которое мы называем браком, сюда же порождение детей, сюда же воспитание; мы видим, что животные, даже дикие, обладают знанием этого права. Право народов (*ius gentium*) – это то, которым пользуются народы человечества; можно легко понять его отличие от естественного права: последнее является общим для всех животных, а первое – лишь для людей (в их отношениях) между собой» (Дигесты Юстиниана 1984: 23).

Юристы масштаба Цицерона и Гая, размышляя о природе права, законности и справедливости, свободе и судьбе, правовых и нравственных нормах и др., вписывали эти размышления в позиции, которые уже были известны благодаря древнегреческим мыслителям. Но такого влияния на правотворчество, как *jus gentium*, эти философские воззрения не оказывали.

* * *

Изначально не отделенные от общефилософских воззрений о мире, рациональные представления о праве наряду с натурфилософией образовали особый тип правопонимания – философию права. В древнегреческой философии были заложены критерии различения естественного и позитивного права, при этом в правосознании большинства мыслителей данного периода они не были разведены. Общим вектором представлений о праве в Древней Греции является их естественно-правовая направленность, что выступает основанием для отождествления правопонимания данного периода с философией права и одновременно – естественного права с философией права.

Римская юриспруденция – это позднеантичная форма прикладного научного правоведения, являющего собой технику права. Римское право – действующее, а значит, позитивное право. Дополнив национальное гражданское право правом народов, римская юриспруденция создает особую разновидность философии естественного права, вырастающей не из философии, а из юриспруденции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев Н.Н. 2001. Идея государства. 2-е изд. СПб. : Лань. 368 с.
- Аннерс Э. 1994. История европейского права : пер. со швед. / Ин-т Европы. М. : Наука. 397 с.
- Вернан Ж.-П. 1988. Происхождение древнегреческой мысли. М. : Прогресс. 224 с.
- Гегель Г.В.Ф. 1990. Философия права. М. : Мысль. 525 с. (Филос. наследие ; т. 113).
- Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. (отв. ред.) 1998. История философии права / отв. ред. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. СПб. : Юрид. ин-т, Санкт-Петербург. ун-т МВД России. 640 с.
- Нерсесянц В.С. 1997. Философия права : учебник для вузов. М. : ИНФРА-М – НОРМА. 647 с.
- Дигесты Юстиниана. 1984. Избранные фрагменты / пер. И.С. Перетерского. М. : Наука. 456 с.
- Покровский И.А. 1999. История римского права / вступ. ст., пер. с лат., науч. ред. и коммент. А.Д. Рудокваса. СПб. : Издат.-торг. дом «Летний сад». 560 с.
- Хайдеггер М. 1986. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе / отв. ред. П.С. Гуревич. М. : Прогресс. С. 93-119.
- Чичерин Б.Н. 1998. Философия права. СПб. : Наука. 1998. 656 с.
- Шершеневич Г.Ф. 2001. История философии права. СПб. : Лань. 528 с.
- Шпенглер О. 1998. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М. : Мысль. 606 с.

N. Bryanic. *Dinamika pravoponimaniya v antichnosti: ot filosofii prava Drevney Gretsii k yurisprudentsii Drevnego Rima [Dynamics of legal understanding in Antiquity: from Philosophy of Law of Ancient Greece to jurisprudence of Ancient Rome]*, *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 7–23. (in Russ.).

Nadezda V. Bryanic, Doctor of Philosophy, Full Professor, Chair of Ontology and Theory of Knowledge, Department of Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. E-mail: vastas07@mail.ru

Article received 13.07.2017, accepted 10.10.2017, available online 01.04.2018

DYNAMICS OF LEGAL UNDERSTANDING IN ANTIQUITY: FROM PHILOSOPHY OF LAW OF ANCIENT GREECE TO JURISPRUDENCE OF ANCIENT ROME

Abstract. The research literature on the Philosophy of Law revived in Russia at the turn of XX–XXI centuries (as well as a century earlier) is aimed at the understanding of radical changes in legal sphere and overcoming crisis of perception of justice. The article substantiates the thesis that in critical moments both in area of jurisprudence and legal practice domestic and foreign researchers assert that it is necessary to appeal to Roman Law as the pick point of the Ancient legal understanding, which is regarded as the basis

for legal development in modern Russia. The research papers of E. Annens, J.-P. Vernan, G.V.F. Hegel, I.A. Pokrovsky, O. Shpengler, and G. Shershenevich serves as empirical material for philosophical interpretation of Ancient Law. The author's standpoint is to justify the fact that antiquity (sequentially, from Greek to Roman period) has created all possible forms of Philosophy of Law with its varieties that arose either from philosophy or from jurisprudence. The article argues that the recognition of natural-legal orientation is general vector of Philosophy of Law in Greek period. Philosophical context of Greek understanding of law is determined by cosmic law/nomos, which is associated with the moral-ethical characteristic – justice – when all citizens are perceived as “equal” (*isoi*) ones. Clear division between supporters of Philosophy of Positive Law and Philosophy of Natural Law did not take place in Greek period of Antiquity. The article analyzes distinctive features of Roman jurisprudence, which include technologicalness, applied character, and specification. The distinctive features of Roman jurisprudence are summarized by such notion as positivity of law. The causes and consequences of transformation of national civil law (*jus civile*) in the epoch of Empire into the right of nations (*jus gentium*) are revealed. Complementing the national civil law with the right of nations, Roman jurisprudence creates a particular form of Philosophy of Law – the philosophy of positive law, which arises not from philosophy, but from law.

Keywords: natural/positive law; legal technique; Roman jurisprudence; understanding of law; Philosophy of Law.

References

- Albov A.P., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. (resp. eds.) *Istoriya filosofii prava* [The history of the philosophy of law], St. Petersburg, Yurid. in-t, Sankt-Peterburg. un-t MVD Rossii, 1998, 640 p. (in Russ.).
- Alekseev N.N. *Ideya gosudarstva* [The idea of the state], 2nd ed., St. Petersburg, Lan', 2001, 368 p. (in Russ.).
- Annens E. *Istoriya evropeyskogo prava* [The History of European Law], Moscow, Nauka, 1994, 397 p. (in Russ.).
- Chicherin B.N. *Filosofiya prava* [The Philosophy of Law], St. Petersburg, Nauka, 1998, 656 p. (in Russ.).
- Digesty Yustiniana. Izbrannye fragmenty* [Justinian's digestions: Chosen fragments], Moscow, Nauka, 1984, 456 p. (in Russ.).
- Hegel G.W.F. *Filosofiya prava* [The Philosophy of Law], Moscow, Mysl', 1990, 525 p., *Filosofskoe nasledie*, vol. 113. (in Russ.).
- Heidegger M. *Vremya kartiny mira* [Time of the world picture], P. S. Gurevich (resp. ed.), *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade*, Moscow, Progress, 1986, pp. 93-119. (in Russ.).
- Nersesyanc V.S. *Filosofiya prava : uchebnik dlya vuzov* [The Philosophy of law. Textbook for high schools], Moscow, 1997, 647 p. (in Russ.).
- Pokrovskiy I.A. *Istoriya rimskogo prava* [The History of Roman law], St. Petersburg, Izdat.-torg. dom "Letniy sad", 1999, 560 p. (in Russ.).
- Shershenevich G.F. *Istoriya filosofii prava* [The History of the Philosophy of Law], St. Petersburg, Lan', 2001, 528 p. (in Russ.).
- Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii. T. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy* [The Decline of Europe. Essays on the morphology of the world history. Vol. 2. The world-historical perspectives], Moscow, Mysl', 1998, 606 p. (in Russ.).
- Vernant J.-P. *Proiskhozhdenie drevnegrecheskoy mysli* [The origin of ancient Greek thought], Moscow, Progress, 1998, 224 p. (in Russ.).

Лобовиков В.О. Проблема гомогенности античной греческой и римской философии права: Дигесты Юстиниана и гексагон Бланше // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 1, с. 24–42.

УДК: 340.1(091):16:11:1(091)

DOI 10.17506/ryipl.2016.18.1.2442

ПРОБЛЕМА ГОМОГЕННОСТИ АНТИЧНОЙ ГРЕЧЕСКОЙ И РИМСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА: ДИГЕСТЫ ЮСТИНИАНА И ГЕКСАГОН БЛАНШЕ

Владимир Олегович Лобовиков

доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела права
Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: vlobovikov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8760-0452

Материал поступил в редколлегию 05.05.2017 г.

Предмет этой статьи – запутанная проблема гомогенности древней греческой и римской философии права как системы. Мнение, что обсуждаемая так называемая система есть неоднородная смесь, составленная из качественно различных компонентов, созданных в разные времена разными философами и юристами, является очень крепким и популярным. Очень часто утверждается, что в системе римского права существует концептуальная оппозиция (формально-логическое противоречие) между тремя основными формами права, а именно между обычным правом, естественным правом и правом, преднамеренно установленным людьми. Цель настоящей статьи – детальная разработка некоего прямо противоположного мнения, что в сущности своей древнегреческая и древнеримская философия права является гомогенной (внутренне согласованной) системой. Для обоснования такой, необычной, точки зрения автор применяет методы аналитической философии права. Кроме того, используются методы символической логики и графического моделирования логических взаимосвязей понятий.

С помощью этих методов впервые в мировой научной литературе по древней философии права логические взаимоотношения между тремя вышеупомянутыми значениями слова «право» графически моделируются логическим квадратом и гексагоном, которому Бланше придал статус универсальной схемы организации понятийного знания. Хорошо известные логический квадрат и гексагон Калиновского, предназначенные для графического моделирования логических взаимосвязей между деонтическими модальностями «обязательно», «запрещено», «разрешено», «безразлично», дополняются в этой статье качественно новой, философско-правовой, интерпретацией схемы, именуемой логическим квадратом и гексагоном Бланше. Научным результатом этой статьи является оригинальная организация логических

взаимосвязей между нестандартными модальностями юриспруденции, представленными следующими предложениями: «это закон природы, что р»; «это обычай, что р»; «это позитивный закон (преднамеренно созданный людьми), что р», где р обозначает некое высказывание, описывающее некое положение дел. Обосновывается, что отношение между «это закон природы, что р» и «это обычай, что р» является отношением логической контрарности. Статья демонстрирует, что в предложенной, совершенно новой, философско-правовой интерпретации общеизвестной схемы (логического квадрата и гексагона) все относящиеся к делу логические правила имеют законную силу.

Ключевые слова: римское право; Дигесты Юстиниана; Ульпиан; естественное право; обычное право; позитивное право; гексагон Бланше.

Многочисленные авторы Дигест (или Пандектов) Юстиниана жили в разное время, имели разные специализации в праве как таковом и разные ориентации в философии права. По инициативе императора Юстиниана для эффективной передачи накопленного римскими юристами богатого опыта и обеспечения единообразия юридической практики, а также для выработки единой теории права был создан некий канон: все самые ценные результаты деятельности юристов Римской империи были собраны и «свалены в одну кучу» для последующей систематизации. Таковая действительно осуществлялась. Однако «научным редактированием» император Юстиниан как «руководитель проекта» себя не утруждал, делегировав редакторские полномочия своим многочисленным подчиненным, имевшим различные взгляды. В ходе дальнейшего исторического развития неоднократные переиздания («переписывания») канона и его многочисленные переводы на другие языки также всякий раз сопровождалось его «творческим редактированием». В данном случае вполне естественно ожидать, что дошедшие до нас Дигесты суть колоссальное нагромождение плохо согласующихся друг с другом и в некоторых случаях даже логически несовместимых положений. Кажется очевидным, что, будучи неким привнесенным извне искусственным объединением различных форм римского права и этапов его развития, Дигесты качественно неоднородны. И эта их неоднородность неустранима: она неизбежно вела и ведет к юридическим коллизиям и по сей день (как следствие «рецепции» римского права) множит логические противоречия как в теории, так и на практике. Это именно та проблема логической непротиворечивости и гомогенности системы римского права, о которой пойдет речь в настоящей работе. В данной статье от филологического аспекта проблемы мы отвлекаемся, сосредоточив все свое внимание на ее собственно логическом аспекте. Действительно ли представленный в Пандектах Юстиниана грандиозный синтез качественно различных юридических концепций логически противоречив? Или же он только кажется таковым? Да и возможно ли в принципе построение вполне логичной системы из столь разнородных элементов? Попробуем разобраться.

1. Проблема логической непротиворечивости Дигест Юстиниана и логический гексагон концептуальной оппозиции Робера Бланше.

Руководствуясь методологией *аналитической философии права*¹, начнем с изучения относящихся к делу фрагментов текста Дигест. Естественный язык, на котором написано это грандиозное произведение, как известно, не отличается однозначностью слов и словосочетаний; в нем много омонимов; в частности, даже слово «право» в Дигестах имеет не одно значение, что древние юристы прекрасно осознавали. Например, древнеримский юрист Павел обращал внимание на то, что «слово “право” употребляется в нескольких смыслах...» (Дигесты Юстиниана 1984: 25). Древнеримский юрист Модестин указывал в Дигестах: «Итак, всякое право сотворено соглашением, или установлено необходимостью, или закреплено обычаем» (Дигесты Юстиниана 1984: 34). А вот что писал о естественном праве, установленном *необходимостью*, Цицерон: «Истинный закон – это разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное ... <...> и мы ни постановлением сената, ни постановлением народа освободиться от этого закона не можем. <...> ... на все народы и в любое время будет распространяться один извечный и неизменный закон...» (Цицерон 1966: 33). Такая античная концепция естественного права как *права природы*, установленного всеобщей естественной *необходимостью*, унаследованная римлянами от древних греков², может быть адекватно представлена на языке современной символической логики с помощью алетической модальности «необходимо, что р», традиционно обозначаемой символом □р, где р – некое (истинное или ложное) высказывание. Итак, на уровне искусственного языка модели естественное право как *закон природы*, то есть естественная *необходимость*, адекватно выражается логической формой □р.

Второе из указанных Модестином значений, вкладываемых в слово «право», – это *обычай*, исторически сформировавшийся «сам собой» (непреднамеренно, спонтанно) и претерпевающий постепенные исторические изменения³. (Изменения эти происходят тоже «сами собой», непреднамеренно, спонтанно.) Обычай не есть нечто алетически необходимое. Необычное поведение алетически возможно, но, как правило, так себя не ведут⁴. Поэтому если это именно обычай (обычное право), что р, то ¬□р, где символ ¬ обозначает логическую операцию «отрицание». Договоримся далее в статье выражение «это *обычай* (*обычное право*), что р» обозначать составным символом **Custom-Law-p** (или **Habit-Law-p**), а выражение «это

¹ Аналитическая философия права, обращающая особое внимание на анализ особенностей юридического языка (и правовых актов вообще) хорошо представлена в работах (Альчуррон, Булыгин 2013); (Бентам 1998); (Дидикин 2014а; 2016); (Дидикин, Оглезнев 2012); (Оглезнев, Суровцев 2016); (Кельзен 2015); (Финнис 2012); (Фуллер 2007); (Харт 2007; 2017); (Austin 1995); (Kelsen 1945; 1959; 1974; 1991; 1992).

² Наиболее репрезентативны в этом отношении Аристотель (1983) и Платон (2016).

³ В свою очередь, Фома Аквинский писал об обычном праве: «... custom has the force of law, abolishes law, and is the interpreter of law» (Aquinas 1994: 237).

⁴ Кроме Модестина об обычае как одной из трех основных форм права писали в Дигестах Юлиан, Ульпиан, Гермогениан, Павел, Каллистрат (Дигесты Юстиниана 1984: 33-34).

естественное право (закон природы), что **p**» – составным символом **Nature-Law-p**. Поскольку из **Custom-Law-p** следует, что $\neg p$, постольку **Nature-Law-p** и **Custom-Law-p** не могут быть одновременно истинны¹.

Теперь обратимся к третьему из упоминаемых Модестиним значений слова «право». Согласно приведенной выше цитате в качестве такового выступает у Модестина «соглашение (между людьми)». Однако, судя по контексту, имеется в виду не только соглашение, но и любое право, вполне осознанно (преднамеренно) *созданное* сувереном-человеком или уполномоченной на то группой людей. Это право устно или письменно выражено в человеческом языке и может быть отменено сувереном-человеком или уполномоченной на то группой людей. Оно в каком-то смысле *случайно*, локально (не-повсеместно) и временно (не-вечно), может произвольно изменяться по вполне осознанному решению суверена (суверена-индивида или коллективного суверена, представляющего собой группу людей). Соглашение – репрезентативный конкретный пример (важная разновидность) такого (*человеческого*) права и именно поэтому Модестин его упомянул, но возможен и другой конкретный пример данного права, автором которого выступает или некий отдельный человек (обладающий суверенитетом)², или *человеческий* коллектив (имеющий соответствующий статус)³. Суверен (индивид или коллектив – неважно) «изучает обстановку, принимает решение и отдает *приказ* (команду)» (причем «приказы не обсуждают, а исполняют»). Решение, принятое уполномоченным на то лицом, и приказ (команда), отданный на основании этого решения, тоже есть форма права, установленно-го человеком. Особенно ярко и демонстративно *командная* разновидность *человеческого* права, то есть права, *преднамеренно установленного человеком* (людьми), представлена в позитивистской философии права Джона Остина (Austin 1995). В Дигестах Юстиниана эта разновидность *человеческого* права (*решение*, вынесенное уполномоченным на то человеком) упоминается древнеримским юристом Павлом: «Говорится, что претор высказывает право (выносит решение)...» (Дигесты Юстиниана 1984: 25).

Назовем право, представляющее собой решение и команду (приказ) человека или *соглашение* людей, *позитивным* или алетически случайным правом, *преднамеренно созданным человеком*⁴, и обозначим

¹ Фома Аквинский писал: «...the natural law is not a habit» (Aquinas 1994: 221). Святой Фома придавал привычке (обычаю) вообще и обычному праву в особенности очень большое значение; он посвятил этой теме специальный трактат “Treatise of Habits” (Aquinas 1994: 1-204).

² «То, что решил принцепс, имеет силу закона, так как народ ... предоставил принцепсу всю свою высшую власть и мощь» (Дигесты Юстиниана 1984: 32).

³ Ульпиан в Дигестах утверждает: «Нет сомнения, что сенат может творить право» (Дигесты Юстиниана 1984: 32).

⁴ Именно так («человеческим правом» или «правом, установленным людьми») этот вид права и называл св. Фома (Аквинский 2012; Aquinas 1928; 1994). В его трактате “Treatise of Law” есть специальный раздел “On Human Law” (Aquinas 1994: 226-237). В особенности интересен его «Вопрос 95. О человеческом законе» (Аквинский 1994: 335). Святой Фома противопоставлял «eternal general determinations» (=natural laws) и «temporal particular determinations devised by human reason» (=human laws)

его составным символом **Human-made-Law-p** (или **Positive-Law-p**). Если имеет место **Human-made-Law-p**, то неверно, что **Nature-Law-p**, и неверно, что **Custom-Law-p**. Поскольку может быть так, что имеет место **Human-made-Law-p**, постольку **Nature-Law-p** и **Custom-Law-p** могут быть одновременно ложными. Однако выше уже отмечалось, что **Nature-Law-p** и **Custom-Law-p** не могут быть одновременно истинными. Следовательно, **Nature-Law-p** и **Custom-Law-p** находятся в отношении *контрарности*. По нашему мнению, для философии, методологии и логики права это положение является очень важным.

Общим для **Nature-Law-p** и **Custom-Law-p** является то, что и в первом, и во втором случае неверно, что имеет место **Human-made-Law-p**. Поэтому на основании вышесказанного, используя логические символы \neg (отрицание), $\&$ (конъюнкция), \square (модальность «необходимо») и \leftrightarrow (эквивалентность), можно точно сформулировать и принять следующие дефиниции.

Определение DF-1: **Nature-Law-p** \leftrightarrow (\neg **Human-made-Law-p**) $\&$ \square p).

Определение DF-2: **Custom-Law-p** \leftrightarrow (\neg **Human-made-Law-p**) $\&$ \neg \square p).

Если истинно **Human-made-Law-p**, то ложно **Nature-Law-p** и ложно **Custom-Law-p**. Поэтому если в древнеримском праве, кроме вышеупомянутых Модестином трех основных форм права, больше никаких основных форм права нет (то есть представленный Модестином перечень основных значений слова «право» полон), то можно принять также следующую дефиницию.

Определение DF-3: **Human-made-Law-p** \leftrightarrow (\neg **Nature-Law-p**) $\&$ \neg **Custom-Law-p**).

Логическое следствие¹ из DF-3: (\neg **Human-made-Law-p**) \leftrightarrow ((**Nature-Law-p**) \vee **Custom-Law-p**). (Здесь символ \vee обозначает бинарную логическую операцию «слабая (неисключающая) дизъюнкция».)

Если сформулированные выше дефиниции принимаются, то логические взаимоотношения между обсуждаемыми тремя основными формами права **Nature-Law-p**, **Custom-Law-p**, **Human-made-Law-p**, упоминаемыми Модестином в Дигестах Юстиниана, могут быть графически представлены (промоделированы) с помощью логического квадрата и (включающего его в себя) гексагона (рис. 1)².

(Aquinas 1994: 209-210). Он писал: «...particular determinations devised by human reason, are called human laws» (Aquinas 1994: 210). Кроме того, он полагал, что, в отличие от необходимых законов естественного права, человеческие законы *случайны* (contingent) (Aquinas 1994: 210).

¹ В данной статье подразумевается, что используемая нами логика является классической.

² Идея о том, что (логический) гексагон – универсальная форма логической организации различных по содержанию понятийных систем, была впервые высказана и успешно развивалась в середине XX в. Робером Бланше (Blanché 1957; 1966) и Августинем Сесма (Sesmat 1950–1951). В конце XX и начале XXI в. прогрессивное развитие этой плодотворной идеи привело к возникновению целого научного направления, представленного в работах (Béziau 2003; 2012a; 2012b); (Béziau, Payette 2012); (Béziau, Read 2014); (Kalinowski 1972); (Lobovikov 2016); (Moretti 2009; 2012) и др. Возникло большое и постоянно пополняющееся множество нетрадиционных (неквантификационных) интерпретаций логического квадрата и включающего его в себя гексагона (некоторые авторы называют его гексагоном Бланше).

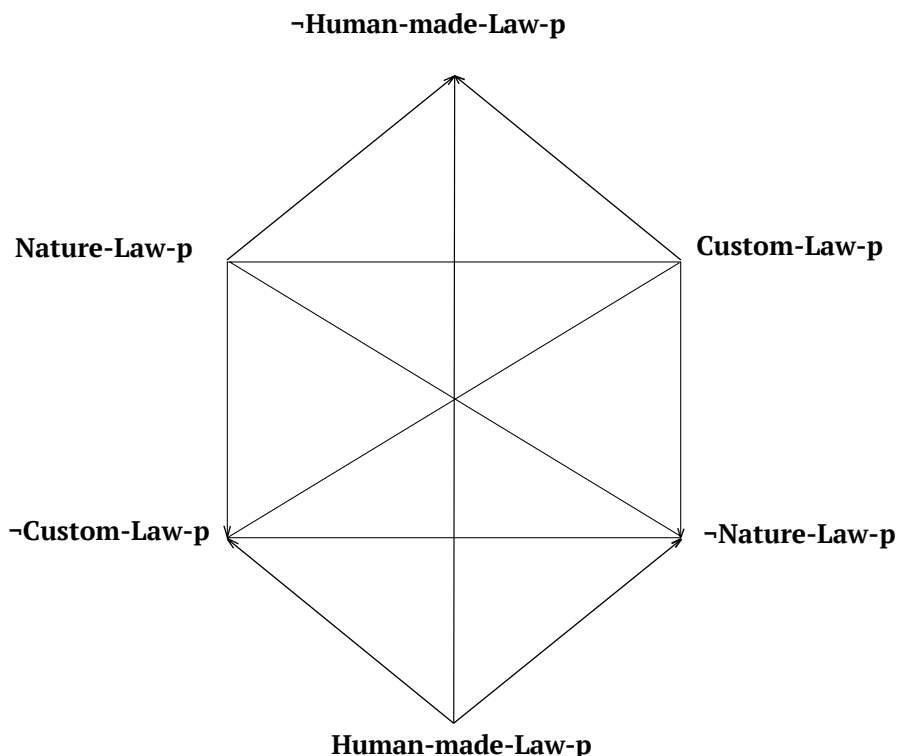

Рис. 1. Квадрат и гексагон оппозиции значений слова «право» в Дигестах Юстиниана

На этом рисунке отношения логического противоречия (контрадикторности) графически моделируются линиями, пересекающими квадрат (гексагон), отношения подчинения (логического следования) – стрелками. Отношение контрарности графически представлено верхней горизонтальной линией квадрата, отношение субконтрарности – нижней горизонтальной линией квадрата.

Предложенная выше система дефиниций и рис. 1 позволяют повсему взглянуть на некоторые сложные и остро дискуссионные логико-философские проблемы как общей теории права в целом, так и древнеримского этапа ее истории. Дело в том, что согласно рис. 1 и сформулированным выше определениям общая теория права древних римлян, несмотря на вполне осознававшуюся римскими юристами многозначность слова «право», представляет собой целостностную, логически непротиворечивую систему достаточно ясных и четких понятий.

Впрочем, для объективности необходимо отметить что, строго говоря, это ощущение ясности используемых в Дигестах абстрактно-всеобщих понятий теории права и впечатление о логической непротиворечивости

древнеримского права как системы возникают лишь на уровне однозначного *искусственного* языка обсуждаемой модели. Если же обратиться к *естественному* языку Дигест, то может сложиться (и в истории часто действительно наблюдалась, да и до сих пор нередко имеет место) прямо противоположная оценка ситуации: стройной системы нет; беспорядочно «сваленные в одну кучу» качественно *разнородные* компоненты, именуемые одним и тем же словом «право», логически противоречат друг другу. Чтобы подкрепить сказанное ярким конкретным примером, стратегически значимым для философской теории права, проанализируем приведенные ниже, на наш взгляд, чрезвычайно важные цитаты.

Согласно Дигестам (или Пандектам) Юстиниана один из нескольких величайших юристов Римской империи, Ульпиан, утверждал: «Изучающему право надо прежде всего узнать, откуда произошло слово “право” (*ius*). Право получило свое название от “правосудия” (*iustitia*), ибо, согласно превосходному определению Цельса, право есть наука о добром и справедливом. По заслугам нас называют жрецами, ибо мы заботимся о правосудии, возвещаем понятия доброго и справедливого, отделяя справедливое от несправедливого <...> Частное право делится на три части, ибо оно составляется или из естественных предписаний, или (из предписаний) народов, или (из предписаний) гражданских. Естественное право (*ius naturale*) – это то, которому природа научила все живое: ибо это право присуще не только человеческому роду, но и всем животным, которые рождаются на земле и в море, и птицам; сюда относится сочетание мужчины и женщины, которое мы называем браком, сюда же порождение детей, сюда же воспитание; мы видим, что животные, даже дикие, обладают знанием этого права. Право народов (*ius gentium*) – это то, которым пользуются народы человечества; можно легко понять его отличие от естественного права: последнее является общим для всех животных, а первое – лишь для людей (в их отношениях) между собой» (Дигесты Юстиниана 1984: 23).

Другой выдающийся юрист древней Римской империи, Павел, утверждал: «Слово “право” употребляется в нескольких смыслах: во-первых, “право” означает то, что всегда является справедливым и добрым – каково естественное право. В другом смысле “право” – это то, что полезно всем или многим в каждом государстве – каково гражданское право. Не менее правильно в нашем государстве “правом” называется “*ius honorarium*”. Говорится, что претор высказывает право (выносит решение), даже если он решает несправедливо; это (слово) относится не к тому, что претор сделал, но к тому, что ему надлежало сделать» (Дигесты Юстиниана 1984: 25).

Из приведенного определения Ульпиана (ссылающегося, в свою очередь, на Цельса) и из дефиниции, данной Павлом, следует, что (Def-1) право «всегда является *справедливым* и добрым». Но из процитированного выше фрагмента Дигест, написанного тем же Павлом, следует также, что (Def-2) право иногда является *несправедливым*; иногда (в некоторых случаях) оно представляет собой не добро, а зло, но при этом оно не перестает быть правом. Приказ совершить злодеяние есть приказ: его неисполнение влечет наказание. История человечества подтверждает это массой конкретных

примеров (нередко трагических). Руководствуясь *классической* логикой, нетрудно заметить, что конъюнкция Def-1 и Def-2 логически противоречива. Это логическое противоречие совершенно очевидно и обсуждается уже очень давно: накопилась обширная литература на этот счет. Однако заметного прогресса в разрешении данного логического противоречия, на наш взгляд, к сожалению, нет. Предложенное юридическим позитивизмом простое и для некоторых целей вполне эффективное, но, вообще говоря, чрезмерно *грубое* решение проблемы с помощью категорического запрета использовать слово «право» в том значении, которое было определено Ульпианом и Павлом, очень напоминает разрубание гордиева узла мечом в связи с неспособностью его развязать.

В настоящей статье предпринимается попытка именно «развязать узел» обсуждаемой логико-лингвистической проблемы юриспруденции (а не «разрубить» его на две части – на мораль и право – «мечом» юридического позитивизма). Широко распространенный экстремистский подход сторонников естественного права к указанному логическому противоречию, по нашему мнению, также неудовлетворителен, чрезмерно груб, алогичен. Имеются в виду их лозунг «несправедливый закон не является законом вообще», его следствие «невыполнение несправедливого закона не есть преступление (закона)» и практическая рекомендация (императив) «воздерживайтесь от исполнения несправедливых законов (плохих приказов), так как, исполняя их, вы творите несправедливость, злодеяние». В своей борьбе с юридическим позитивизмом радикально настроенные приверженцы аксиологической версии юридического натурализма также впадают в логико-лингвистическую крайность: они запрещают использовать слова «право», «закон» по отношению к несправедливым правовым актам. По мнению тех очень наивных (или имеющих скрытые криминальные склонности) теоретиков права, которые провозглашают лозунг “*lex injusta non est lex*”, его принятие разрешает обсуждаемое противоречие. Однако это не так, а совсем наоборот: *если все слова в этом лозунге используются в одном и том же значении*, то этот лозунг – явный абсурд (логическое противоречие), а из противоречия, как известно, логически следует все, что угодно, то есть произвол¹. А это – «паралич» (или «взрыв») всей системы права!

С точки зрения логики и теории множеств несправедливый закон есть разновидность закона; множество несправедливых (плохих) законов есть подмножество множества законов-вообще. В этом отношении представители юридического позитивизма (Харт 2007; Austin 1995) и «чистого» нормативизма (Кельзен 2015; Kelsen 1945; 1959; 1974; 1991; 1992; Альчуррон, Булыгин 2013) совершенно правы. Поэтому все, кто легкомысленно

¹ В данной статье все рассуждения ведутся в рамках классической логики. От существования релевантных и паранепротиворечивых логик мы здесь абстрагируемся. В упомянутых неклассических логиках, вообще говоря, нет логического следования произвольного утверждения из логического противоречия. Но, к сожалению, изучение релевантных и паранепротиворечивых логик не предусмотрено отечественными учебными планами и программами профессионального юридического образования.

руководствуется шокирующе иррациональным (явно алогичным) лозунгом «*lex injusta non est lex*», тем самым тоже «разрубают гордиев узел», вместо того чтобы аккуратно «развязать» его. Но при этом желанного эффекта нет: логическое противоречие остается. Более того, оно становится еще и более очевидным: «лежит прямо на поверхности», косвенно провоцируя и оправдывая произвол и преступность (нарушение законности). Что же в таком случае делать? По нашему мнению, последовательно руководствуясь методологией *аналитической* философии права, необходимо тщательно изучить сложившуюся в ходе истории запутанную логико-лингвистическую ситуацию, внимательно проанализировать практику словоупотребления, выявить едва уловимые, но важные различия в значениях используемых слов и словосочетаний, дисциплинированно (логически последовательно) проводить установленные концептуально важные различия значений на протяжении всего дискурса.

Достаточно тщательный и внимательный логический анализ естественного языка обсуждаемого аспекта юриспруденции дает возможность увидеть «свет в конце туннеля» – выход из логико-лингвистического тупика. В этой связи целесообразно, на наш взгляд, обратить внимание на то, что, руководствуясь методологией *аналитической* философии права, А.Б. Дидикин совершенно справедливо утверждает в своей монографии следующее: «...в вопросах трактовки соотношений понятий права и закона возможны разночтения из-за особенностей перевода. Представители командной модели говорят о законе скорее как о *lex*, чем о *ius*, оба термина можно перевести как закон, но есть различия. *Lex* отражает его понимание как свод законов, систему законодательных актов. Различие между *lex* и *ius* можно проинтерпретировать как различие между законом и справедливостью. Фома Аквинский отмечает это едва уловимое различие. В “Сумме теологии” он утверждал, что *ius* – это объективное упорядочивание социальных отношений между членами общества. *Ius* относится к порядку, задуманному в целом, а *lex* является образом этого порядка и относится к заповедям и постановлениям. *Lex* является продуктом законодательства разумных существ и выражает правовые и моральные аспекты определенных общественных отношений. В конечном итоге можно заключить в свете классической традиции, что *lex* создан, а *ius* как всеобщий принцип справедливости дан свыше» (Дидикин 2016: 19).

Мнение Дидикина является, на наш взгляд, вполне обоснованным: оно базируется на знании лингвистики и истории философии права. В лингвистическом отношении здесь уместно привести следующую цитату на английском языке¹ из уважаемого американского толкового юридического словаря:

«**Lex.** <...> In Roman law, a law; the law. This term was often used as a synonym of *jus*, in the sense of a rule of civil conduct authoritatively prescribed for the government of the actions of the members of an organized jural society.

¹Цитирование на языке оригинала оправдано стремлением избежать умножения неточностей в процессе перевода, так как лингвистические нюансы для нас в данном случае очень важны.

Lex is used in a purely juridical sense, law, and not also right; while *jus* has an ethical as well as juridical meaning, not only law, but right. *Lex* is usually concrete, while *jus* is abstract. In English we have no term which combines the legal and ethical meanings, as do *jus* and its French equivalent *droit*. <...>

A rule of law which magistrates and people had agreed upon by means of a solemn declaration of consensus. <...>

Other meanings of the word in Roman jurisprudence were the follows. Positive law, as an opposite to the natural» (Black 1990: 907-908).

Последнее из упомянутых в этой цитате значений слова *lex* для нас в настоящей статье особенно важно, поэтому *lex* в данной работе используется именно в указанном значении. Слово *jus* в естественном языке тоже неоднозначно, но нами оно будет использоваться в значении *jus naturale*. Итак, согласно авторитетному американскому юридическому толковому словарю слова *lex* и *jus* имеют не одно значение, а несколько. Есть значения, в которых они – синонимы, но есть и такие значения, в которых они существенно различны и даже (что для нас здесь особенно важно) прямо противоположны. Поэтому примем тезис о существовании принципиально важного различия (и в некотором отношении даже противоположности) между *lex* и *ius* в качестве презумпции¹. Что это дает? Это позволяет осуществить *научное редактирование* (исправление смысловой ошибки) пресловутого лозунга “*lex injusta non est lex*”. В данной статье предлагается следующий результат научного редактирования: “*lex injusta non est ius (naturale)*”. Вполне приемлемо также и обратное утверждение: “*ius (naturale) non est lex injusta*”. В предложении “*lex injusta non est ius naturale*” логического противоречия уже нет, так как *lex* (human-made positive law) и *ius* (naturale) обозначают отнюдь не одно и то же. А если в результате перевода совершенно верного утверждения “*lex injusta non est ius naturale*” получается предложение «несправедливый закон не есть закон», то это – недопустимая неточность перевода.

Упомянутый Дидикиным св. Фома – великий католический теолог, философ, моралист и теоретик права – систематически обсуждал не только *lex* и *ius* но еще и *usus* (*consuetudo*). Если детально исследовать логические взаимоотношения между *lex* (positive human-made law), *jus-naturale* и *usus*, *consuetudo*, (*jus-consuetudinis*) у Фомы Аквинского, то нетрудно прийти к выводу, что гексагон, представленный на рис. 1, можно легко преобразовать в гексагон, изображенный на рис. 2. Это неудивительно, ибо отличавшийся логичностью, точностью, ясностью и глубиной суждений Ангельский доктор был хорошо знаком с трудами Платона, Аристотеля, Августина и великих древнеримских юристов.

Итак, порождаемые общеизвестным несовершенством (в особенности многозначностью) естественного языка иллюзии логической противоречивости античной философии права действительно существуют, но, в принципе, с ними можно успешно справиться, используя современную *аналитическую философию права*.

¹ Об аналогии, то есть сходстве и различии, между значениями слов «*jus*» и «*lex*» см.: (Дворецкий 2006: 433, 449; Дидикин 2016: 18-19, 157; Aquinas 1994; Black 1990).

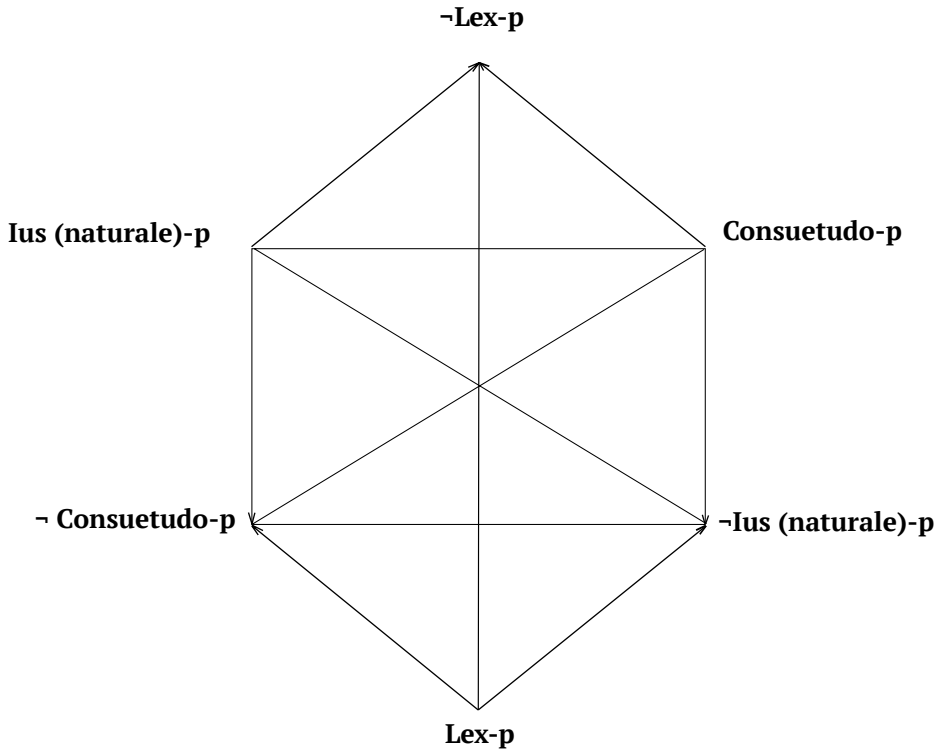

Рис.2. Логический гексагон концептуальной оппозиции *lex*, *ius (naturale)* и *ius consuetudinis* в античной юриспруденции

2. Обоснование однородности предмета античной (греко-римской) доктрины естественного права. В данном разделе представлен формальный дедуктивный вывод логической эквивалентности необходимого бытия и необходимо всеобщего блага в аксиоматической системе эпистемологии из допущения априорности знания.

Судя по приведенным выше цитатам из Дигест, Ульпиан и Павел считали предметом естественного права всеобщее благо (добро) и справедливость. Согласно дефинициям Ульпиана и Павла «хорошо (добро)» и «плохо (зло)» суть *собственно юридические понятия*. Значит, *собственно юридические понятия* могут быть *оценочными*; юридическая *аксиология* – необходимая подсистема системы права. Юридические позитивисты (Austin 1995; Харт 2007) и сторонники *чистого нормативизма* в праве (Кельзен 2015; Kelsen 1945; 1959; 1974; 1991; 1992; Альчуррон, Булыгин 2013) с этим не согласны и активно полемизируют, но эта проблема в данном разделе настоящей статьи не обсуждается. Принимается абстракция от дискуссии между юридическими позитивистами, сторонниками чистого нормативизма и представителями *аксиологической* (ценностной) версии естественно-правовой доктрины (систематически оперирующими *оценочными* категориями «хорошо» и «плохо», «добро» и «зло») (Аквинский 2012; Аристотель 1983; Ваттель 1960; Гроций

1956; Платон 2016; Финнис 2012; Finnis 1991; Aquinas 1928; 1994; Connor 1967; Entreves 1951; Lobovikov 2014; 2015a; 2015b). Нас в настоящем разделе статьи интересует: как согласовать друг с другом, не впадая в логическое противоречие, следующие два тезиса (А и Б), необходимо встречающиеся в упомянутой естественно-правовой доктрине как целостной системе¹.

Тезис А: *предмет теории естественного права – необходимо всеобщее благо*, то есть не просто добро (хорошее) для кого-то, могущее не быть добром (хорошим) для кого-то другого, а такое и только такое добро (хорошее), которое не может не быть добром (хорошим) для кого бы то ни было.

Тезис Б: *предмет теории естественного права – необходимый закон природы, то есть алетическая необходимость бытия*.

В тезисе Б оценочные юридические категории «добро» и «зло» не встречаются вообще. Ключевым естественно-правовым понятием в этом тезисе является «необходимость». (Выше в данной статье именно такая трактовка юридического натурализма представлена цитатами из (Дигесты Юстиниана 1984: 34) и (Цицерон 1966: 33).)

Тезисы А и Б с различной частотой появляются в работах всех видных сторонников аксиологической теории естественного права. При этом одни уделяют основное внимание тезису А, другие – тезису Б, а третьи так или иначе указанные тезисы перемешивают, «перепрыгивая» от одного к другому и обратно. Но как в таком случае добиться единства (гомогенности) и логической непротиворечивости естественного права как системы? Даже если непрерывно перемешивать *разнородные* компоненты, гомогенности такой смеси не получить. Для достижения непротиворечивого единства сложной системы необходимо наличие в ней некоего *фундаментального системообразующего фактора* (глубинного основания), обеспечивающего ее *нетривиальную гомогенность*. Проблема объективного существования подобного основания – чрезвычайно актуальная проблема теории естественного права. Именно эта проблема обсуждается в данном разделе.

Если перевести формулировку указанной проблемы с естественного языка Дигест Юстиниана на искусственный язык современной алетической модальной логики и модальной логики оценок, то получится следующая пара тезисов.

Тезис А*: *предмет теории естественного права – предмет суждений, имеющих форму □Gr.*

Тезис Б*: *предмет теории естественного права – предмет суждений, имеющих форму □p.*

В этих формулировках тезисов А и Б на искусственном языке модальной логики символ □ обозначает алетическую *необходимость*, символ Gr – положительную (морально-правовую) оценку «хорошо, что p», а символ p – некое истинное или ложное высказывание.

Если допустить, что предмет теории юридического натурализма – естественное право – объективно существует и представляет собой нечто

¹ Если какого-то из этих двух тезисов в какой-то дефиниции предмета доктрины естественного права нет, то эта дефиниция неполна, односторонняя.

единое, непротиворечивое, однородное, то естественно предположить, что тезисы А и Б *эквивалентны*. Развивая эту смелую гипотезу дальше, можно предположить, что фундаментальным *системообразующим фактором (глубинным основанием), обеспечивающим нетривиальную гомогенность предмета теории естественного права, является эквивалентность* ($\Box p \leftrightarrow \Box Gp$), обуславливающая эквивалентность тезисов А* и Б*. (В формуле ($\Box p \leftrightarrow \Box Gp$) символ \leftrightarrow обозначает бинарную логическую операцию «эквивалентность».) В случае принятия такого предположения предмет теории естественного права оказывается действительно однородным, единым, целостным: вышеупомянутое логическое противоречие-проблема разрешается.

Но согласятся ли юридические позитивисты и приверженцы чистого нормативизма, отвергающие использование любых *оценочных* понятий в теории права, принять в качестве логико-философского принципа эквивалентность ($\Box p \leftrightarrow \Box Gp$)? По нашему мнению, нет: не согласятся, если не применить какое-то качественно новое средство убеждения (значительно более эффективное по сравнению с общеизвестными средствами), говоря языком психологов, «разрывающее шаблон». На наш взгляд, для успешного «разрыва шаблона» средствами систематического анализа юридического языка необходимо резко повысить уровень точности формулировок и строгости доказательств. Для этого целесообразно применить гипотетико-дедуктивный метод и искусственный язык, переведя дискуссию с обыденного уровня на уровень точных суждений и строгих рассуждений в рамках некой формально определенной аксиоматической системы. По нашему мнению, в обсуждаемом конкретном отношении роль такой системы может играть аксиоматическая система философской эпистемологии (Лобовиков 2016). Мы не будем здесь заниматься строгой формулировкой упомянутой аксиоматики¹, чтобы не перегружать статью чрезмерным использованием символов искусственного языка, а только приведем построенный в указанной аксиоматической системе эпистемологии строгий формальный вывод эквивалентности ($\Box p \leftrightarrow \Box Gp$) из допущения априорности знания², что **p**. Данный формальный дедуктивный вывод представляет собой конечную последовательность «шагов», в которой каждый «шаг» сопровождается точным указанием того логического правила, на основании которого этот «шаг» сделан:

¹Заметим только, что в этой аксиоматике формулы вида ($\Box p \supset p$) и ($Kp \supset p$) не являются теоремами: вместо них теоремами выступают соответственно ($Ap \supset (\Box p \supset p)$) и ($Ap \supset (Kp \supset p)$). И «правило Гёделя» в формулировке этой аксиоматики отсутствует, поэтому используемая в ней модальная логика не оказывается нормальной в том значении термина «нормальная», которое общепринято в модальной логике.

²В данной работе эпистемическая модальность «субъект *a priori* знает, что **p**» обозначается символом **Ap**. Точное определение модальности **Ap** дается вышеупомянутой аксиоматической системой, содержащей 10 собственных аксиом эпистемологии (Лобовиков 2016). В настоящей статье для построения формального вывода формулы ($\Box p \leftrightarrow \Box Gp$) из допущения **Ap** использована только одна аксиома, а именно **AX-1**.

1. $\text{Ap} \leftrightarrow (\text{Kp} \& (\neg \text{Sp} \& \square \text{p} \& \square (\text{p} \leftrightarrow \square \text{p}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Tp}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Dp}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Mp}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Op}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Gp}))$): аксиома AX-1.
2. **Ap**: допущение.
3. $\text{Ap} \supset (\text{Kp} \& (\neg \text{Sp} \& \square \text{p} \& \square (\text{p} \leftrightarrow \square \text{p}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Tp}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Dp}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Mp}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Op}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Gp}))$): из 1 по правилу удаления \leftrightarrow .
4. $(\text{Kp} \& (\neg \text{Sp} \& \square \text{p} \& \square (\text{p} \leftrightarrow \square \text{p}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Tp}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Dp}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Mp}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Op}) \& \square (\text{p} \leftrightarrow \text{Gp}))$): из 2 и 3 по правилу *modus ponens*.
5. $\square (\text{p} \leftrightarrow \text{Gp})$: из 4 по правилу удаления $\&$.
6. $(\square (\lambda \leftrightarrow \beta) \supset (\square \lambda \leftrightarrow \square \beta))$: схема теорем алетической модальной логики (Фейс 1974, 48).
7. $(\square (\text{p} \leftrightarrow \text{Gp}) \supset (\square \text{p} \leftrightarrow \square \text{Gp}))$: из 6 с помощью подстановки: **p** вместо λ ; **Gp** вместо β .
8. $(\square \text{p} \leftrightarrow \square \text{Gp})$: из 5 и 7 по правилу *modus ponens*.

Что и требовалось доказать! Посредством формального вывода 1-8 об-суждаемый принцип $(\square \text{p} \leftrightarrow \square \text{Gp})$ логически дедуцирован (в рамках указанной аксиоматической системы) из допущения *априорности* знания, что **p**.

За необходимыми для понимания факультативных деталей приведенного выше формального вывода более полными и точными сведениями о значениях символов использованного искусственного языка, а также о строгих дефинициях всех используемых в выводе понятий, интересующийся деталями читатель может обратиться к указанной литературе (Лобовиков 2016).

Основной вывод этой статьи: вопреки тому факту, что общая теория древнеримского права имеет сложный синтетический характер, создавалась многими юристами, жившими в разное время, она является логически согласованной системой. Адекватной графической моделью этой согласованности являются впервые предложенные в данной статье логический квадрат и гексагон концептуальной оппозиции основных подсистем древнеримского права как логически гармоничной системы. Второй отличающийся научной новизной важный вывод настоящей статьи – нетривиальное утверждение о гомогенности предмета античной (греко-римской) теории естественного права (с точностью до логической эквивалентности соответствующих качественно различных ее компонентов), дедуктивно выводимое в аксиоматической системе эпистемологии из допущения априорности знания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аквинский Ф. 2012. Сумма теологии. Т. 4. Первая часть Второй части. Вопросы 68-114. М. : Либроком. 688 с.
- Альчуррон К., Булыгин Е. 2013. Нормативные системы // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та. 380 с.
- Аристотель. 1983. Этика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль. Т. 4. С. 295-374.
- Бентам И. 1998. Введение в основания нравственности и законодательства. М. : РОССПЭН, 416 с.
- Ваттель Э. де. 1960. Право народов, или Принципы естественного права, примененные к поведению и делам наций и суверенов. М. : Госюриздат. 719 с.

Гроций Г. 1956. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М. : Госюриздат. 868 с.

Дворецкий И.Х. 2006. Латинско-русский словарь. М. : Рус. яз. 843 с.

Дигесты Юстиниана. 1984. Избранные фрагменты / пер. И.С. Перетерского. М. : Наука. 456 с.

Дидикин А.Б. 2014. Аналитические концепции естественного права в современном правовом натурализме // Вестн. Новосиб. ун-та. Сер.: Философия. Т. 12, № 1. С. 64-70.

Дидикин А.Б. 2016. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. Томск : Изд-во Томск. ун-та. 244 с.

Дидикин А.Б., Оглезнев В.В. 2012. Онтология и эпистемология права: аналитическая традиция. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та. 200 с.

Кельзен Г. 2015. Чистое учение о праве. СПб. : Алет-Пресс. 542 с.

Лобовиков В.О. 2016. Аксиоматизация философской эпистемологии // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Политология. Т. 36, № 4. С. 69-78. Doi: 10.17223/1998863X/36/7

Оглезнев В.В., Суровцев В.А. 2016. Аналитическая философия, юридический язык и философия права. Томск : Изд-во Томск. ун-та. 232 с.

Платон. 2016. Полное собрание сочинений в одном томе. М. : АЛЬФА-КНИГА. 1311 с.

Фейс Р. 1974. Модальная логика. М. : Наука. 520 с.

Финнис Дж. 2012. Естественное право и естественные права. М. : ИРИСЭН : Мысль. 554 с.

Фуллер Л.Л. 2007. Мораль права. М. : ИРИСЭН. 308 с.

Харт Г.Л.А. 2007. Понятие права. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та. 302 с.

Харт Г.Л.А. 2017. Философия и язык права. М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация». 384 с.

Цицерон. 1966. Диалоги. О государстве. О законах. М. : Наука. 224 с.

Aquinas T. 1928. The Summa contra Gentiles. The Third Book: Providence. Part II. Chapters LXXXIV–CLXIII / literally Translated by the English Dominican Fathers from the Latest Leonine Edition. London : Burns Oates & Washbourne Ltd. 218 p.

Aquinas T. 1994. The Summa Theologica. Vol. 2. Chicago ; Auckland ; London ; Madrid : Encyclopaedia Britannica, Inc. 1085 p. (Great Books of the Western World / ed. Mortimer J. Adler ; vol. 18).

Austin J. 1995. The Province of Jurisprudence Determined. Cambridge : The Univ. Press. 298 p.

Béziau J.-Y., Payette G. (eds.) 2012. The Square of Opposition – A General Framework for Cognition. Bern : Peter Lang. 503 p.

Béziau J.-Y., Read S. 2014. Square of opposition: a diagram and a theory in historical perspective. Preface of a Special Issue on the Square of Opposition // History and Philosophy of Logic. Vol. 35, № 4. P. 315-316.

Béziau J.-Y. 2003. New light on the square of opposition and its nameless corner // Logical Investigations. Vol. 10. P. 218-232.

Béziau J.-Y. 2012a. The New Rising of the Square of Opposition // Around and Beyond the Square of Opposition / J.-Y. Béziau, D. Jacquette (eds.). Basel : Birkhäuser. P. 3-19.

Béziau J.-Y. 2012b. The Power of the Haxagon // Logica Universalis. Vol. 6, № 1/2. P. 1-43.

Black H.C. 1990. Black's Law Dictionary. Definitions of the Terms and Phrases of American and English Jurisprudence, Ancient and Modern. St. Paul, MN. : West Publ. Co. 1657 p.

Blanché R. 1957. Sur la structuration du tableau des connectifs interpropositionnels binaires // J. of Symbolic Logic. Vol. 22, № 1. P. 17-18.

Blanché R. 1966. Structures intellectuelles. Essai sur l'organisation systématique des concepts. Paris : Vrin. 151 p.

Connor D.J.O' 1967. Aquinas and Natural Law. New York : The Macmillan Co. 324 p.

Entreves A.P. d' 1951. Natural Law: An Historical Survey. New York : The Macmillan Co. 658 p.

Finnis J.M. (ed.) 1991. Natural Law (a collection of papers) / ed. J.M. Finnis. Oxford : Clarendon Press. 843 p.

Kalinowski, G. 1972. La Logique des normes. Paris : Presses Universitaires de France. 218 p.

Kelsen H. 1945. General Theory of Law and State. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press. 516 p.

Kelsen H. 1959. On the Basic Norm // California Law Review. Vol. 47, № 1. P. 107-110.

Kelsen H. 1974. Essays in Legal and Moral Philosophy. Dordrecht, Boston : D. Reidel. 300 p.

Kelsen H. 1991. General Theory of Norms. Oxford : Clarendon Press ; New York : Oxford Univ. Press. 465 p.

Kelsen H. 1992. Introduction to the Problems of Legal Theory. Oxford : Clarendon Press ; New York : Oxford Univ. Press. 171 p.

Lobovikov V. 2014. Algebra of Morality and Formal Ethics // Looking Back to See the Future: Reflections on Sins and Virtues / ed. K. Bronk. Oxford, United Kingdom : Inter-Disciplinary Press. P. 17-41.

Lobovikov V. 2015a. «Fear», «Horror» and «Terror» : Not Moral-Evaluation Constants but Moral-Evaluation Functions Determined by Two Moral-Evaluation Variables in Algebra of Formal Ethics // Facing Our Darkness: Manifestations of Fear, Horror and Terror / eds. L. Colmenero-Chilberg and F. Mújdricza. Oxford, United Kingdom : Inter-Disciplinary Press. P. 193-203.

Lobovikov V. 2015b. The Trinity Triangle and the Homonymy of the Word «Is» in Natural Language (A Logically Consistent Discrete Mathematical Representation of the Trinity by Means of Algebra of Morality and Formal Ethics) // Philosophy Study. Vol. 5, № 7. P. 327-341. Doi: 10.17265/2159-5313/2015.07.001

Lobovikov V. 2016. Square and Hexagon of Opposition of «A-Priori Knowledge» and «Empirical One» (Eliminating an Impression of Logic Contradiction between Leibniz' and Gödel's Statements) // Handbook of Abstracts of 5th World Congress on the Square of Opposition (November 11-15, 2016, Easter Island – Rapa Nui) / eds. J.-Y. Beziau, A. Buchsbaum and M. Correia. Santiago, Chile : Pontifical Catholic Univ. P. 33-34.

Moretti A. 2009. The Geometry of Logical Opposition : PhD Thesis in logic, presented to the Faculty of Humanities / Institute of Philosophy, University of Neuchâtel, Switzerland, for obtaining the title of Philosophy Doctor. Neuchâtel. 436 p.

Moretti A. 2012. Why the Logical Hexagon? // Logica Universalis. Vol. 6, № 1/2. P. 69-107.

Sesmat A. 1950-1951. Logique. En 2 volumen. Les raisonnements, la logistique. Paris : Hermann.

V. Lobovikov. Problema gomogennosti antichnoy grecheskoy i rimskoy filosofii: Digesty Yustiniana i geksgon Blanshe [Problem of homogeneity of Ancient Greek and Roman Philosophy of Law: Iustiniani “Digesta” and Blanché Hexagon], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 24–42. (in Russ.).

Vladimir O. Lobovikov, Doctor of Philosophy, Full Professor, Principal Researcher, Department of Law, Institute of Philosophy and Law, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: vlobovikov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8760-0452

Article received 05.05.2017, accepted 21.06.2017, available online 01.04.2018

PROBLEM OF HOMOGENEITY OF ANCIENT GREEK AND ROMAN PHILOSOPHY OF LAW: IUSTINIANI “DIGESTA” AND BLANCHÉ HEXAGON

Abstract. The subject-matter of this paper is a knotty problem of homogeneity of Ancient Greek and Roman jurisprudence as a system. The opinion that the so-called system in question is a non-homogeneous miscellany made up by qualitatively different aspects created in different times by different philosophers and lawyers is very strong and popular. Very often it is considered that in the so-called Roman Law System there is a conceptual opposition (formal logic inconsistency) among the three basic forms of law, namely, the custom-law, the nature-law, and the human-made-law. The present article is targeted at elaborating quite an opposite opinion that, in its essence, Ancient Greek and Roman Law Philosophy is a homogeneous (consistent) system. For demonstrating such an unusual viewpoint the author applies methods of the analytical philosophy of law. Also the symbolic logic methods are utilized and graphic modeling of logic interconnections of concepts is used.

By means of these methods for the first time in world scientific literature on Ancient Philosophy of Law the logic interrelations among the above-mentioned three different meanings of the word “law” are graphically modeled by the logic square-and-hexagon estimated by Blanché as a universal scheme for conceptual knowledge organization. The well-known Kalinowski logic square-and-hexagon for graphic modeling the logic interconnections among the deontic modalities “obligatory”, “forbidden”, “permitted”, “indifferent” is complemented in this paper by a significantly new jurisprudential interpretation of Blanché logic square-and-hexagon scheme. The new scientific result of this paper is original organization of logic interconnections among the nonstandard jurisprudential modalities represented by the following sentences: “It is the nature-law that p”; “It is the custom-law that p”; “It is the human-made-law that p”, where p stands for a proposition describing some state of affairs. It is demonstrated that the relation between “It is the nature-law that p” and “It is the custom-law that p” is the relation of logic contrariety. The article demonstrates that in the submitted quite a new jurisprudential interpretation of the logic square-and-hexagon scheme all the relevant logic rules are valid.

Keywords: Roman-law; Iustiniani-“Digesta”; Ulpian; nature-law; custom-law; positive-law; Blanché-hexagon.

References

Alchourron C., Bulygin E. *Normativnye sistemy* [Normative systems], E.N. Lisanyuk (ed.), «Normativnye sistemy» i drugie raboty po filosofii prava i logike norm, St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 2013, 380 p. (in Russ.).

Aristotle. *Etika* [Ethics], *Aristotel', Sochineniya, in 4 vol.*, Moscow, Mysl', 1983, vol. 4, pp. 295-374. (in Russ.).

Aquinas T. *Summa teologii. T. 4. Pervaya chast' Vtoroy chasty. Voprosy 68-114* [The Summa Theologica. Vol. IV: First part of the Second part. Questions 68-114], Moscow, Librokom, 2012, 688 p. (in Russ.).

Aquinas T. *The Summa contra Gentiles. The Third Book: Providence. Part II. Chapters LXXXIV–CLXIII. (Literally Translated by the English Dominican Fathers from the Latest Leonine Edition)*, London, Burns Oates & Washbourne Ltd., 1928, 218 p.

Aquinas T. St. *The Summa Theologica. Vol. 2, Mortimer J. Adler (ed.), Great Books of the Western World. Vol. 18. Aquinas: II*, Chicago, Auckland, London, Madrid, Encyclopaedia Britannica, Inc., 1994, 1085 p.

Austin J. *The Province of Jurisprudence Determined*, Cambridge, The Univ. Press, 1995, 298 p.

Bentham J. *Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva* [An Introduction to the Principles of Morals and Legislation], Moscow, ROSSPEN, 1998, 416 p. (in Russ.).

Béziau J.-Y. New light on the square of opposition and its nameless corner, *Logical Investigations*, 2003, vol. 10, pp. 218-232.

Béziau J.-Y. The New Rising of the Square of Opposition, *J.-Y. Béziau, D. Jacquette (eds.), Around and Beyond the Square of Opposition*, Basel, Birkhäuser, 2012, pp. 3-19.

Béziau J.-Y. "The Power of the Hexagon", *Logica Universalis*, 2012, vol. 6, no. 1/2, pp. 1-43.

Béziau J.-Y., Payette G. (eds.) *The Square of Opposition – A General Framework for Cognition*, Bern, Peter Lang, 2012, 503 p.

Béziau J.-Y., Read S. Square of opposition: a diagram and a theory in historical perspective. Preface of a Special Issue on the Square of Opposition, *History and Philosophy of Logic*, 2014, vol. 35, no. 4, pp. 315-316.

Black H.C. *Black's Law Dictionary. Definitions of the Terms and Phrases of American and English Jurisprudence, Ancient and Modern*, St. Paul, MN., West Publ. Co., 1990, 1657 p.

Blanché R. *Sur la structuration du tableau des connectifs interpropositionnels binaires* [On the structure of the table of binary inter-propositional connectives], *J. of Symbolic Logic*, 1957, vol. 22, no. 1, pp. 17-18. (In French).

Blanché R. *Structures intellectuelles. Essai sur l'organisation systématique des concepts* [Intellectual structures Essay on systematical organization of concepts], Paris, Vrin, 1966, 151 p. (In French).

Cicero. *Dialogi. O gosudarstve. O zakonakh* [Dialogues. On State. On Laws], Moscow, Nauka, 1966, 224 p. (in Russ.).

Connor D.J. *O' Aquinas and Natural Law*, New York, Macmillan Co., 1967, 324 p.

Digesty Iustiniana. Izbrannye fragmenty [Iustiniani Digesta: Selected fragments], Moscow, Nauka, 1984, 456 p. (in Russ.).

Didikin A.B. *Analiticheskie kontseptsii estestvennogo prava v sovremennom pravovom naturalizme* [Analytical conceptions of natural law in the modern legal naturalism], *Vestnik Novosibirskogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, 2014, vol. 12, no. 1, pp. 64-70. (in Russ.).

Didikin A.B. *Analiticheskaya filosofiya prava: istoki, genezis i struktura* [Analytical legal philosophy: the origins, genesis and structure], Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta, 2016, 244 p. (in Russ.).

Didikin A.B., Ogleznev V.V. *Ontologiya i epistemologiya prava: analiticheskaya traditsiya* [The ontology and epistemology of law: analytical tradition], Novosibirsk, Izd-vo Novosibirskogo gos. universiteta, 2012, 200 p. (in Russ.).

Dvoretzkiy I.Kh. *Latinsko-russkiy slovar'* [Latin-Russian Dictionary], Moscow, Rus. yaz., 2006, 843 p. (in Russ.).

Entreves A.P. *d' Natural Law: An Historical Survey*, New York, Macmillan Co., 1951, 658 p.

Finnis J.M. (ed.) *Natural Law (a collection of papers)*, Oxford, Clarendon Press, 1991, 843 p.

Feys R. *Modal'naya logika* [Modal logic], Moscow, Nauka, 1974, 520 p. (in Russ.).

Finnis J. *Estestvennoe pravo i estestvennye prava* [Natural Law and Natural Rights], Moscow, IRISEN, Mysl', 2012, 554 p. (in Russ.).

Fuller L.L. *Moral' prava* [The Morality of Law], Moscow, IRISEN, 2007, 308 p. (in Russ.).

Hart H.L.A. *Ponyatie prava* [The Concept of Law], St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 2007, 302 p. (in Russ.).

Hart H.L.A. *Filosofiya i yazyk prava* [Philosophy and Language of Law], Moscow, Kanon+, ROOI «Reabilitatsiya», 2017, 384 p. (in Russ.).

Grotius H. *O prave vojny i mira. Tri knigi, v kotorykh ob»yasnyayutsya estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe printsipy publichnogo prava* [On the Rights of War and Peace, in Three Books. Wherein are Explained, The Law of Nature and Nations, and The Principal Points relating to Government], Moscow, Gosyurizdat, 1956, 868 p. (in Russ.).

Kalinowski G. *La Logique des norms* [Logic of norms], Paris, Presses Universitaires de France, 1972, 218 p. (In French).

Kelsen H. *Chistoe uchenie o prave* [Pure Theory of Law], St. Petersburg, Alef-Press, 2015, 542 p. (in Russ.).

Kelsen H. *General Theory of Law and State*, Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 1945, 516 p.

Kelsen H. On the Basic Norm, *California Law Review*, 1959, vol. 47, no. 1, pp. 107-110.

Kelsen H. *Essays in Legal and Moral Philosophy*, Dordrecht, Boston, Reidel, 1974, 300 p.

Kelsen H. *General Theory of Norms*, Oxford, Clarendon Press, New York, Oxford Univ. Press, 1991, 465 p.

Kelsen H. *Introduction to the Problems of Legal Theory*, Oxford, Clarendon Press, New York, Oxford Univ. Press, 1992, 171 p.

Lobovikov V.O. *Aksiomatizatsiya filosofskoy epistemologii* [An Axiomatization of Philosophical Epistemology], *Vestnik Tomskogo gosuniversiteta. Filosofiya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 2016, vol. 36, no. 4, pp. 69-78. Doi: 10.17223/1998863X/36/7 (in Russ.).

Lobovikov V. Algebra of Morality and Formal Ethics, *Katarzyna Bronk (ed.)*, *Looking Back to See the Future: Reflections on Sins and Virtues*, Oxford, United Kingdom, Inter-Disciplinary Press, 2014, pp. 17-41.

Lobovikov V. "Fear", "Horror" and "Terror": Not Moral-Evaluation Constants but Moral-Evaluation Functions Determined by Two Moral-Evaluation Variables in Algebra of Formal Ethics, *Laura Colmenero-Chilberg and Ferenc Mújdricza (eds.)*, *Facing Our Darkness: Manifestations of Fear, Horror and Terror*, Oxford, U.K., Inter-Disciplinary Press, 2015, pp. 193-203.

Lobovikov V. The Trinity Triangle and the Homonymy of the Word "Is" in Natural Language (A Logically Consistent Discrete Mathematical Representation of the Trinity by Means of Algebra of Morality and Formal Ethics), *Philosophy Study*, 2015, vol. 5, no. 7, pp. 327-341. Doi: 10.17265/2159-5313/2015.07.001

Lobovikov V. Square and Hexagon of Opposition of "A-Priori Knowledge" and "Empirical One" (Eliminating an Impression of Logic Contradiction between Leibniz' and Gödel's Statements), *Jean-Yves Beziau, Arthur Buchsbaum and Manuel Correia (eds.)*, *Handbook of Abstracts of 5th World Congress on the Square of Opposition (November 11-15, 2016, Easter Island – Rapa Nui)*, Santiago, Chile, Pontifical Catholic University, Chile, 2016, pp. 33-34.

Moretti A. *The Geometry of Logical Opposition : PhD Thesis in logic*, presented to the Faculty of Humanities, Institute of Philosophy, University of Neuchâtel, Switzerland, for obtaining the title of Philosophy Doctor, 2009, 436 p.

Moretti A. Why the Logical Hexagon?, *Logica Universalis*, 2012, vol. 6, no. 1/2, pp. 69-107.

Ogleznev V.V., Surovtsev V.A. *Analiticheskaya filosofiya, yuridicheskiy yazyk i filosofiya prava* [Analytical philosophy, legal language and philosophy of law], Tomsk, Izd-vo Tomsk. un-ta, 2016, 232 p. (in Russ.).

Plato. *Polnoe sobranie sochineniy v odnom tome* [Complete collection of works in one volume], Moscow, AL'FA-KNIGA, 2016, 1311 p. (in Russ.).

Sesmat A. *Logique. En 2 volumen. Les raisonnements, la logistique* [Logic. In 2 volumes. Reasoning, the logistics], Paris, Hermann, 1950-1951. (In French).

Vattel E. de. *Pravo narodov, ili Printsipy estestvennogo prava, primenennye k povedeniyu i delam natsiy i suverenov* [The Law of Nations or the Principles of Natural Law Applied to the Conduct and to the Affairs of Nations and of Sovereigns], Moscow, Gosyurizdat, 1960, 719 p. (in Russ.).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Фишман Л.Г. Недовоображенное сообщество // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 1, с. 43–58.

УДК 321

DOI 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358

НЕДОВООБРАЖЕННОЕ СООБЩЕСТВО¹

Леонид Гершевич Фишман

доктор политических наук, профессор РАН,
главный научный сотрудник отдела философии
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: lfishman@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-5062-8291

Материал поступил в редколлегию 19.01.2018 г.

В статье обосновывается точка зрения, согласно которой советский патриотизм является продолжением – но не имперской традиции, якобы присущей русскому народу с давних пор, а другой, идеологизированной, социалистической традиции, ведущей свое происхождение от русского народничества и марксизма. Исходя из концепции Б. Андерсона, автор утверждает: национализм не единственная из ставших возможными в Современности интегрирующих общество стратегий выстраивания картин *воображаемого сообщества*, поскольку при определенных условиях картины, рисуемые социальными группами, доминирующими в процессе выстраивания представлений общества о самом себе, вовсе не обязательно будут центрированы именно на национальной проблематике, и показывает, что политика, проводимая в послереволюционной России в русле социалистической идеологической традиции, имела своей целью формирование изоморфного западным, но не-националистического

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00211 «Общественное согласие в России: механизмы идеологической и институциональной регуляции».

и не-имперского воображаемого сообщества нового типа. В статье раскрываются причины, по которым в качестве итога этой политики мы имеем не столько советский патриотизм, сколько *недовоображенное сообщество*, существующее и сейчас.

Ключевые слова: воображаемое сообщество, национализм, нация, империя, идеология, культура.

В данном исследовании мы хотим задаться неоднократно поднимавшимся вопросом о характере российской идентичности. Чем мы являемся – нацией, империей, неким доимперским или уже постимперским («постколониальным») сообществом? Если еще не являемся ничем, то в каком направлении идем? Если верить нашей Конституции и отчасти официальной риторике, мы движемся в сторону формирования нации. Указанная стратегия, очевидно, строится на представлении, что «нормальная» коллективная идентичность непременно конструируется в национальных терминах. Правда, с учетом исторического бэкграунда подобный тезис сам по себе вызывает ряд вопросов.

И первый из них: почему в России не сформировался буржуазный национализм, аналогичный английскому, французскому, немецкому и т.д.? Чаще всего встречающийся (и являющийся едва ли не официальной позицией) ответ на этот вопрос сегодня таков: поскольку Россия была империей, массовое сознание было тоже имперское, и, в дальнейшем унаследованное *советским патриотизмом*, оно абсолютно противоречит национализму (этнонационализму). В негативном ключе данный взгляд формулируется следующим образом: «“Советский” был эвфемизмом дореволюционного “русского”, а именно – человеком неопределенной национальности, но четкой принадлежности к идеологизированной империи – Советскому Союзу. Тождественность советского сознания с русским и – соответственно – имперским сознанием основана на том, что политический режим России – СССР во все времена был построен на отсутствии гражданского общества, на этатизме. В сознании людей государство не было отделено от общества: государство, империя и есть само общество и наоборот. А поэтому интересы общества, людей идентичны интересам и целям государства, империи» (Анисимов). В данной парадигме «нормальный» национализм и «порочное» имперское сознание рассматриваются как исключаящие друг друга. Такой позиции придерживаются, например, русские националисты антиимперского толка вроде К. Крылова или В. Тора.

В позитивном же ключе, из, казалось бы, органично присущей России и русским имперской традиции выводится советский патриотизм, который рассматривается как продукт преодоления нигилизма по отношению к дореволюционному периоду России, как оптимальный баланс «между национальным патриотизмом русских и чувством уважения и почитания ко всем народам России» (Данильченко). Понятно, что из таким образом трактуемого советского патриотизма путем радикального очищения его от советского наследия можно вывести современный официальный российский патриотизм (другое название *гражданского национализма*), что, собственно, и

делается. Иными словами, соблюдается преемственность и непрерывность традиции, что отвечает пожеланиям российской власти.

Наша задача – обосновать точку зрения, согласно которой а) советский патриотизм является продолжением *не имперской, а другой традиции*, идеологизированной, социалистической, ведущей свое происхождение от русского народничества и марксизма; б) политика, осуществлявшаяся в русле этой традиции, имела своей целью создание изоморфного западным, но не-националистического и не-имперского *воображаемого сообщества* нового типа; в) объективным итогом этой политики стало формирование не столько советского патриотизма, сколько своего рода *недовоображенного сообщества*, в котором мы сейчас и живем.

Мы будем тут исходить из концепции Б. Андерсона, описывающей национализм как одну (но не единственную) из ставших возможными в Современности интегрирующих общество стратегий выстраивания картин воображаемого сообщества. С нашей точки зрения, из применения Андерсоном предельно широкого термина «воображаемое сообщество» по отношению к нации следует, что при определенных условиях картины, рисуемые социальными группами, доминирующими в процессе формирования представлений общества о самом себе, вовсе не обязаны быть замкнутыми именно на национальной проблематике. Доминирующие идеологии и утопии являются точно такими же картинами, причем многие из них ставят в качестве центральных иные вопросы. Например, либерализм и социализм в своем аутентичном виде национальной проблематикой не слишком озабочены. Соответственно, можно предположить, что если не озабоченные «национальным вопросом» идеологии окажутся доминирующими и если какие-то другие социальные группы не смогут по разным причинам их переориентировать, то воображаемое сообщество вовсе не обречено на то, чтобы принять облик «*буржуазной нации*». Политическое, экономическое, культурное и этническое единство населения страны может существовать объективно, но их сочетание под эгидой нации определяется картиной воображаемого сообщества, которая господствует в головах тех, кто это объединение осуществляет. Если нация, как справедливо замечает ряд ученых, есть конструкт, то это подразумевает, что в ряде ситуаций конструкт может быть и не нацией. Могут быть и другие конструкты, если политическое, экономическое, культурное единство осмысливается не в условиях господства буржуазии и аристократии, для которых национализм является инструментом мобилизации масс ради своих целей. Базовый концепт политического единства может быть надклассовым (что вовсе не противоречит основаниям господствующей либеральной идеологии) и притом не окрашенным в отчетливо национальные тона, как это сейчас наблюдается в европейском и американском гражданском национализме. Следует отметить, что современный западный гражданский национализм выступает следствием крушения как раз той двойственной, противоречивой модели национализма, которая преобладала в большинстве европейских стран к началу Первой мировой войны. Двойственность этой модели была обусловлена только частичным совпадением имперско-аристократического национализма

верхов и тех картин воображаемого сообщества, которые вырабатывались значительной частью интеллектуалов, стоявших на либеральных и социалистических позициях. Подобного рода картины, в принципе, возможны как в классическом буржуазном направлении, когда в рисовании образа воображаемого сообщества доминирует буржуазия и имперская аристократия, так и в направлении либерально-социалистическом, когда место буржуазии занято другим революционным классом, партией и т.д. Воображаемые сообщества либералов и социалистов описывались скорее не в национальных, а в социальных терминах, и к тому же под углом зрения либо формально-надклассовым, либо, по крайней мере, народным (пролетарским, не-буржуазным и не-аристократическим).

Конечно, необходимо уточнить, что историческая логика образования и территориальной сборки централизованных буржуазных государств далеко не во всем совпадала с логикой современных идеологий. Логика сборки государств и становления идеологий отчасти пересекаются и влияют друг на друга, но в то же время изменяются по своим законам хотя бы потому, что имеют дело с пересекающимися, но не полностью совпадающими социальными субъектами. Более того, историческая логика формирования национальных государств, вкупе с обслуживающими ее политическими дискурсами империализма и национализма, нередко определяла поведение тех же либералов и социалистов; здесь наиболее ярким примером служит крах Второго интернационала с началом Первой мировой войны. Но после Первой мировой войны, после крушения одних империй либо впадения в кризис других удовлетворяющее всех воображаемое сообщество стало трудно или невозможно рисовать имперско-националистическими красками – скорее уж национально-демократическими или даже национально-социалистическими. Ну а после Второй мировой войны, с окончательным крушением мировой колониальной системы, национальный элемент в этих картинах еще более уступил свои позиции в пользу либерального, демократического и социалистического. Имперско-националистическая традиция рисования воображаемого сообщества в конечном счете потерпела крах, а инициатива перешла к временно оттесненной традиции либерально-социалистической; так сформировался современный *гражданский национализм*.

Из сказанного выше следует, что облик, который примет «воображаемое сообщество», зависит от доминирующей социальной группы (по крайней мере, доминирующей в области формирования идеологических дискурсов). Точнее – от соотношения степени влияния таких групп на процесс формирования облика воображаемого сообщества. Далее все зависит от того, кто выигрывает в процессе конкуренции. Исходя из указанных посылок, мы попытаемся проследить происхождение советского патриотизма. Оно вряд ли может быть адекватно объяснено в имперской или антиимперской парадигме, однако его генезис, с учетом отечественной специфики, во многом перекликается с генезисом современного западного гражданского национализма. В данном случае тоже имело место крушение одной традиции и возобладание другой. Каковы же были эти идеологические традиции, в

русле которых в дореволюционной России рисовались основные конкурирующие картины воображаемого сообщества?

Официозное народничество, в сущности, являлось попыткой насадить в России какой-то аналог европейского имперского национализма, частью единого процесса, в ходе которого «...Романовы открыли, что они великороссы, Ганноверы – что они англичане, Гогенцоллерны – что они немцы, а их кузены с несколькими большими затруднениями превращались в румын, греков и т.д.». В итоге возник ряд так называемых *официальных национализмов*, плодов «волевого соединения нации с династической империей», «в числе которых царистская русификация является лишь самым известным примером» (Андерсон 2001: 107-108). При этом в России имперско-националистическое сознание с его знаменитой уваровской «триадой» так и осталось уделом элит.

Оппозиционное народничество разных оттенков – от революционного до либерального. Его позицию следует учитывать в первую очередь, поскольку, как отмечает В. Жукоцкий, «народнический дух пронизывал все поры русской культуры ... он, безусловно, присутствовал и в “новом религиозном сознании”, и в русском символизме, и, разумеется, в русском марксизме. ... Исключительная российская ментальность накладывала даже на чисто либеральные настроения вуаль романтического народничества» (Жукоцкий, Фурман 2004: 164). Далее, если использовать марксистскую терминологию, понимание народа у народников можно характеризовать пусть и не как классовое, но в некоторых отношениях как близкое к нему. Уже народовольцы писали: «“Народная воля” ... в политическом смысле осуществляет стремления всего великого русского народа, всех угнетенных классов, слоев, групп, нации», «она является общенациональной партией» (Цит. по: Алексеева 1990: 204). Орган П.Л. Лаврова «Вперед!» провозглашал: «Мы все русские, требующие для России господства народа, настоящего народа; все русские, сознающие, что этого господство может быть достигнуто лишь народным восстанием и решившиеся подготовить это восстание, уяснить народу его права, его силу, его обязанность» (Цит. по: Итенберг 1988: 129). П.Н. Ткачев в работе «Революция и принцип национальности» утверждал: «Как не может быть якутской, чувашской, малорусской, грузинской и т.п. геометрии, так не может быть чукотского, чувашского, малорусского, грузинского и т.п. социализма»; он считал, что под влиянием социализма «неминуемо и неизбежно должны ослабиться и исчезнуть все племенные особенности, все национальности должны слиться в одну общечеловеческую семью» (Ткачев 1933: 423-424).

Все это отдаляло народнический дискурс от имперско-националистического: народ не являлся тождественным нации. По замечанию Н. Бердяева, народники употребляли слово «народ» в смысле простонародья, крестьянства, социально угнетенных классов общества. Народ для них был социальным образованием. «Нация же, – продолжает Бердяев, – есть реальность порядка мистического. К нации неприменимы никакие социально-классовые категории. Русский народ как нация, как цельный организм есть реальность умопостигаемая, сверхэмпирическая, мистическая ... В лагере нашей атеистической и материалистической интеллигенции идея народа как нации, как живого организма, разложилась, расплылась, разбилась на социальные классы и

группы. Для этого сознания Россия с ее загадкой перестала существовать, существуют лишь крестьяне или рабочие, лишь социальные группы. Национальное сознание было утеряно» (Бердяев). Иными словами, народничеству был чужд тот надклассовый мистицизм «крови и почвы» и прочей «загадочности», который характерен для «правильного» национализма.

В целом же можно согласиться с М. Кирчановым, который считает, что «народничество было частично национальным движением в донациональном и домодерном обществе, теоретики которого не только были не в состоянии осознать важность национального фактора и компонента в российской государственности, но и стали основоположниками негативной динамики в последующем развитии русского национализма. Народники были своего рода дефектным или неполным национальным движением» (Кирчанов 2012: 20-21). Добавим: даже резонней заключить, что народники и не были собственно «национальным движением».

В контексте вышеизложенного следует обратить внимание на точку зрения, согласно которой народничество – не «просто национализм», но «национализм современного типа» (Эткинд, Уффельман, Кукулин 2012: 28) или, по крайней мере, обнаруживает явное с ним сходство. (Например, М. Кирчанов полагает возможным осмысливать П. Лаврова как одного из предшественников русского политического гражданского национализма, который в центр своих концепций ставил не этническое, а гражданское понимание нации.)

Подобный подход можно признать вполне правомерным при условии, что под национализмом современного типа понимается национализм, перерастающий рамки национализма буржуазного и имперско-аристократического с его уклоном в этничность и даже расизм. Народничество в этом смысле имеет сходство с еще не обретшим четкую классовую (буржуазную) окраску патриотизмом третьего сословия времен Великой французской революции. Как писал один из идеологов «Народной воли», Русанов, «“Народная воля” ... является общенациональной партией» (Цит. по: Алексеева 1990: 204). Даже по мнению правых народников, таких как Пешехонов, «наступит время, когда все человечество сплотится в одно неразрывное целое и составит одно общество» (Цит. по: Алексеева 1990: 188). Народничество можно рассматривать в качестве идеологического прототипа воображаемого сообщества, описываемого в терминах гражданского национализма, который в первую очередь строится на постулате равенства всех граждан вне зависимости от их этнической, религиозной, классовой принадлежности.

Марксисты – социалисты, для которых национализм является стратегией элит. Их позиция заключается в том, что есть вопросы и поважней национального, а так называемый национальный вопрос в своей глубине – социальный и классовый. Например, И.В. Сталин (к которому мы тут отсылаем как к одному из главных конструкторов будущего *советского патриотизма*) в работе «Марксизм и национальный вопрос» утверждает, что в России национальный вопрос является второстепенным, поскольку «судьбы русского вопроса, а, значит, и “освобождения” наций связываются в России с решением аграрного вопроса, то есть с уничтожением крепостнических остатков, то есть с демократизацией страны»; «не национальный, а аграрный вопрос ре-

шает судьбы прогресса в России» (Сталин 1937: 19). Сталин производит своего рода деконструкцию того типа воображения, которое постулирует наличие специфического национального вопроса. Он призывает решать конкретные проблемы, важные для национальных меньшинств. Предоставьте меньшинству реальные права на свои школы, язык, гарантируйте свободу совести и т.д. – «и оно перестанет быть недовольным» (Сталин 1937: 43).

Таким образом, российская революционная интеллигенция, начиная с народников и заканчивая марксистами, воображала себе некое небуржуазное, некапиталистическое, солидарное сообщество, в котором в перспективе «соются в одно все народы в вольном царстве святого труда». Эта картина была привлекательной даже для некоторых либералов: по воспоминаниям В.В. Бартенева, по крайней мере, часть русских либералов отличали себя от западных на том основании, что они «отнюдь не являются поборниками интересов буржуазии, и если они добиваются политической свободы, то вовсе не для того, чтобы на ней обосновать господство буржуазии над пролетариатом» (Бартенев 1987: 205).

Возникает закономерный вопрос: а как же сам народ? Неужели у него не было своей картины воображаемого сообщества – например, сообщества имперского, как утверждают те, кто приписывает русскому народу чуть ли не врожденное имперское сознание? Однако, как отмечает Э. Летняков, «нельзя быть имперским народом, не идентифицируя себя с собственной страной, хоть в какой-то степени не осознавая (и не поддерживая) цели имперского строительства». При внимательном же рассмотрении обнаруживается, что «крестьянская политическая культура (то есть культура почти всех жителей России до 1930-х гг.) – это типичная приходская культура ... целиком ориентированная на локальное сообщество. Крестьянские массы никогда не идентифицировали себя с имперскими институтами, они не понимали и не могли понимать геополитические задачи, которые эта империя ставила перед собой, им абсолютно чужда была идея русского мессианства ... Крестьяне шли в Сибирь, а затем и в другие осваиваемые регионы в поисках лучшей жизни – они уходили подальше от власти помещиков, спасаясь от малоземелья и т.д.» (Летняков 2015: 117-118).

Иными словами, в предреволюционной России не было разделяемой всеми или большинством картины воображаемого сообщества. Впрочем, нельзя сказать, что в этом заключалось ее существенное отличие от Европы: например, еще в конце XIX в. крестьянское население родины европейского национализма – Франции – обладало вполне себе местечковым сознанием. Тем не менее в Европе картины воображаемых сообществ народа, социалистов, буржуазии, аристократии и т.д. могли частично совпадать, поскольку в парадигме имперского национализма метрополия и колонии не были одним и тем же и «белый человек» из метрополии мог ощутить себя господином в колониях. Поэтому там стал на какое-то время возможным национализм как поветрие, захватившее почти все слои общества, в том числе интернациональных социалистов, с началом Первой мировой войны. Впрочем, даже и в Европе национализм народа отделяла от национализма «верхов» достаточно глубокая пропасть, о чем, по словам Андерсона,

«говорит то равнодушие, с которым низшие классы метрополий лишь пожимали плечами по поводу “утраты” колоний. ... В конце концов, всегда именно правящие классы – разумеется, буржуазные, но прежде всего аристократические – долго оплакивают империи, но их горе неизменно носит черты театрального притворства» (Андерсон 2001: 132).

В России в указанном отношении все было еще сложнее и запутанней. Отчасти свет на причины этой запутанности проливает концепция внутренней колонизации, которая, будучи спорной со стороны своей экономической и социологической фундированности, хорошо иллюстрирует идеологический аспект сложившейся в России ситуации. Согласно данной концепции русский не ощущал себя однозначно колонизатором и господином во всех уголках империи; часто, наоборот, он сам являлся столь же объектом, сколь и субъектом колонизаторской политики со стороны правительства. Эта ситуация отразилась в умонастроениях оппозиционно настроенных интеллектуалов, у которых сложилась «собственная устойчивая интерпретация императорского мифа завоевания – как воображаемой внешней колонизации географических и социальных пространств, которые интерпретировались как “внутренние”» (Родевальд 2012: 524).

Итак, в Российской империи аналогичная европейской двойственная противоречивая картина имперско-националистического воображаемого общества не успела толком сложиться и овладеть помыслами большинства. Картины, воображаемые разными слоями сообществ в дореволюционной России, совпадали в ощутимо меньшей степени, чем в Европе, поэтому российский национализм оказался таким же «слабым звеном» в цепи европейских национализмов, как и российский империализм в цепи империализмов европейских. Неудивительно, что после революции 1917 г. зарождение воображаемого сообщества на просторах бывшей Российской империи «пошло другим путем»; это в итоге привело к формированию советского патриотизма.

Подробный анализ советского патриотизма не является целью данной статьи. Мы намереваемся здесь показать лишь то, что в силу своего генезиса он не может быть адекватно осмыслен в имперских категориях. Скорее, советское воображаемое сообщество конструировалось как оригинальный вариант современного государства, изоморфного европейскому гражданскому национализму, хотя и не сводимого к нему. Как замечает В.С. Мартьянов, построение социализма сначала в отдельно взятой стране, а потом и в социалистическом лагере «представляло собой не что иное, как разработку варианта Модерна, альтернативного западному» (Мартьянов 2007: 270). Добавим – альтернативного *потерпевшему крушению* западному варианту Модерна. Советский социализм и советский патриотизм стали хронологически первыми вариантами ответа на катастрофу имперского национализма европейского типа; это первая альтернативная ему картина и реализованный проект воображаемого сообщества. В СССР в каком-то смысле раньше всех стали строить современное государство – поскольку там раньше всех и радикальней всех была ликвидирована и без того слабая культурная надстройка имперского национализма западного типа. Не случайно, по данным опроса 2001 г., жители советской квазиимперии вос-

принимали ее в первую очередь как современное государство, которое обеспечило справедливость для простых людей и сделало для них возможной приличную жизнь, «ностальгия по СССР – это в первую очередь ностальгия по социальной защищенности, бесплатному образованию и медицине, а не по советским танкам в Чехословакии или ракетам на Кубе» (Летняков 2012: 121-122). Подобные представления в большей мере отсылали не к империи, а, скорее, к гражданскому национализму западного типа, освобожденному от своего империалистического прошлого.

Тем не менее трудно поспорить с фактом: описанная выше альтернативная имперскому национализму идеологическая традиция (и политика) оказалась достаточно сильной для существенного изменения траектории формирования коллективной идентичности народов Российской империи, но ее воздействия не хватило, чтобы явить миру *устойчивое* сообщество нового типа. СССР распался на национальные государства или государства, *стремящиеся выглядеть* национальными; пример тому – нынешняя Россия. Но почему так произошло? Можно ли сказать, что собственно советская политика в области культуры с течением времени была подменена квазиимперской и национальной? Так считают некоторые исследователи; они, как Д. Бранденбергер в частности, обнаруживают в советской культурной политике, начиная с 1930-х гг., отчетливую преемственность с дореволюционным прошлым – в первую очередь в области осмысления и преподавания истории (Бранденбергер 2009). Делается вывод, что эта политика привела к формированию у русских если не буржуазного национального самосознания, то его эквивалента: русские впервые осознали себя как единую социальную общность, имеющую свои историю, роль в мире, миссию и т.д., тогда как раньше они обладали местечковой идентичностью.

На наш взгляд, картина выглядит менее однозначной. Вряд ли стоит вести речь о каком-то целенаправленном возрождении империализма и национализма: ведь нельзя возродить то, чего не было. Скорее, можно сказать, что, по ряду причин, одного непосредственного идеологического воздействия оказалось недостаточно для формирования в массовом сознании советских людей прочно закрепившейся картины воображаемого сообщества нового типа. Чтобы пропаганда достигла своей цели, от ее реципиентов требуется определенный уровень культуры, который элементарно позволяет понимать эту пропаганду. Для того чтобы помыслить воображаемое сообщество, нужно вначале научиться просто воображать. Социализм и коммунизм, будучи совсем непростыми идеологическими построениями, требовали весьма высокого уровня культуры для их адекватного усвоения. И этот уровень не был достижим одномоментно, по крайней мере без прохождения предшествующих ему стадий.

Поэтому стратегия большевиков, которую в общих чертах сформулировал Ленин в последних работах, во многом могла быть сведена к окультуриванию народов бывшей Российской империи в самом широком смысле слова. Социализм описывался как диктатура пролетариата, под руководством которой трудящиеся овладеют всем лучшим, что произвело человечество в плане культуры.

Но овладение культурой есть, во многом, освоение художественной культуры, прежде всего литературы (Б. Андерсон не случайно акцентирует внимание на роли романа в процессе конституирования воображаемых сообществ). В СССР это было знакомство с русской и зарубежной классической литературой. В целом народу была доступна литература, «дотягивающая» его до уровня, на котором он мог вообразить коллективное сообщество как *национальную* Родину, как империю. И, в значительно меньшей степени, как некое сообщество нового типа, которое в такой литературе выступало скорее как смутная мечта, как нечто, чего еще только предстоит достигнуть в тяжелой борьбе, внося в имеющееся культурное наследие соответствующие коррективы. На это работал идеологический аппарат, а также энтузиасты, искренне верящие в возможность построения коммунизма.

Тем не менее рисуемые вдохновенными идеями коммунизма и интернационализма (а затем просто контролируемые идеологическим аппаратом) художниками картины собственно социалистического воображаемого сообщества оставались убедительными лишь до определенного периода, тогда как «классика», в том числе зарубежная, продолжала оказывать все более широкое влияние на массы, прежде всего на интеллигенцию. Так, люди времен заката СССР предпочитали видеть на своих книжных полках нечто классическое или зарубежное, нежели книги советских писателей, которые обычно приобретали в виде «нагрузки». Социализм и коммунизм к тому времени превратились в догматическую рутину, не способную затронуть воображения и породить сильные эмоции, – ничего, кроме скуки и скрытого отторжения. А их социальные достижения воспринимались как сами собой разумеющиеся, как некое следствие обладания тем самым культурным минимумом, которое составляет признак всякого цивилизованного сообщества.

Сравнительная слабость культурной политики советской власти в плане складывания в общественном сознании картин нового воображаемого сообщества обнаруживается на примере судьбы социалистического реализма.

Социалистический реализм в его каноническом варианте определялся как метод, в первую очередь нацеленный на описание борьбы за строительство нового общества, в процессе которой формировался новый человек.

«Социалистический реализм требует от писателя правдивого изображения действительности в ее революционном развитии и предоставляет ему всесторонние возможности для проявления индивидуальных способностей таланта и творческой инициативы, предполагает богатство и разнообразие художественных средств и стилей, поддерживая новаторство во всех областях творчества», – говорилось в Уставе Союза писателей СССР (Социалистический реализм).

Были созданы великие произведения, в которых особенно сильны были элементы романтизма и идеализма. Но, пожалуй, эти элементы и оставались их наиболее впечатляющей стороной, в то время как картины собственно нового общества выглядели менее убедительно – и продолжали терять в убедительности по мере движения от 1930-х к 1980-м гг. Далее выяснилось, что «из социалистических канонов “выламывалась” русская “деревенская проза”, изображавшая крестьянскую жизнь не в ее “револю-

ционном развитии”, а, напротив, в условиях социального насилия и деформации; литература рассказывала и страшную правду о войне, разрушая миф о казенной героике и оптимизме; по-иному предстали в литературе гражданская война и многие эпизоды отечественной истории. Дольше всех цеплялась за догматы социалистического реализма “производственная проза”. Важная роль в наступлении на сталинское наследие принадлежит в 1980-е гг. так называемой “задержанной”, или “реабилитированной”, литературе – не опубликованным в свое время произведениям А.П. Платонова, М.А. Булгакова, А.Л. Ахматовой, Б.Л. Пастернака, В.С. Гроссмана, А.Т. Твардовского, А.А. Бека, Б.Л. Можаяева, В.И. Белова, М.Ф. Шатрова, Ю.В. Трифонова, В.Ф. Тендрякова, Ю.О. Домбровского, В.Т. Шаламова, А.И. Приставкина и др. Разоблачению социалистического реализма способствовал отечественный концептуализм (соцарт)» (Ревякина 2012: 10-11).

В итоге наиболее интересная и читаемая литература рисовала реалистические, но не социалистические картины. А романтический элемент, оставаясь актуальным и привлекательным, утратил значимую идеологическую нагрузку и делал акцент в основном на перипетиях становления личности, которая вовсе не обязательно являлась борцом за светлое будущее. Воспитание на лучших образцах классической культуры (например, литературы золотого и серебряного века) побуждало людей осмысливать как свое бытие, так и реальное сообщество в категориях этой культуры, ощущать себя скорее не советским человеком, а, к примеру, «лишним человеком», романтическим героем и т.д. (Не говоря уже о разного рода прорывавшихся влияниях классической и современной западной культуры.) Одновременно на уровне общественной морали произошло постепенное «урезание» коммунистической универсальной этики до «этики добродетели», характерной для локальных сообществ, но лишь ограниченно пригодной для больших сообществ эпохи Модерна (Мартьянов, Фишман 2016b). Добродетели верности, чести, достоинства, дружбы и т.д. находили поддержку как в классической, так и советской литературе и оставались действенны; между тем более высокие идеалы превратились в пустую формальность, которой ритуально отдавали положенные почести, но которую не могли убедительно ни теоретически, ни эмоционально обосновать. Возможно, обществу нового типа как раз не хватило в первую очередь убедительной теории: люди искусства тем сильнее и ярче рисуют картины воображаемых сообществ, чем яснее понимают и разделяют обосновывающее их воззрение.

Наконец, социализм и коммунизм в их советском варианте, за немногими исключениями, были слишком сухи и в плохом смысле «теоретичны». Классика же выглядела гораздо доступней, понятней и ближе – она скорее завладевала воображением, формируя тем самым как личность, так и способности осмысления прошлого, настоящего и будущего. Да и не только классика: например, те же исторические и приключенческие романы советского периода, от Алексея Толстого до В. Пикуля, с гораздо большим успехом эстетизировали имперские и прочие подобные им реалии, чем это в отношении советских реалий удавалось авторам «производственных романов».

Литература, конечно, не единственный фактор, который формирует социальную (коллективную) память. Другим фактором (на что мы указывали выше) является идеология, которая, в числе прочего посредством литературы и иных видов искусства, по выражению А. Ассман, определяет контуры и содержание «политической» коллективной памяти (Ассман 2014: 34). Но что происходит, когда одна, официозная, часть такой коллективной памяти утрачивает способность производить впечатление и владеть воображением членов сообщества? Тем большее доверие приобретает другая ее часть, с другими сюжетами, в рамках которых создаются убедительные образы прошлого, альтернативные исторические мифы и начинает конструироваться иная, отличная от официозно-идеологической, традиция.

Так, в частности, под официозной соцреалистической маской на уровне субкультур в советском обществе сложились способы осмысления российской истории как имперской и национальной (общая культура «доросла» до этого). В национальных же республиках это проявилось еще ярче. Политика большевиков с самого начала подразумевала культурное «подтягивание» окраин, которые должны были неминуемо пройти национальную стадию развития – конечно, национальную по форме, но социалистическую по содержанию. Но социалистическое содержание постепенно ритуализировалось и иссякло, тогда как национальная форма, напротив, развилась и обрела свое содержание.

Следует подчеркнуть, что результатом усилий советской власти стал общий рост культуры масс до того уровня, который в Европе соответствовал эпохе формирования национальных воображаемых сообществ. И в Европе, и в России массы в какой-то период овладели культурой, которая раньше была достоянием высших классов – со всеми свойственными этой культуре (аристократической и буржуазной по происхождению) способами воспринимать страну как «свою», осознавать общность судьбы, иметь общую историю и т.д. От этого уровня (или параллельно с его достижением) можно было двигаться в направлении формирования иного, интернационального сообщества, что являлось изначальной целью и артикулировалось как возникновение новой исторической общности «советский народ». Но это сообщество так и осталось *недовоображенным*, а процесс подготовки его культурных оснований погас на стадии, которая сделала возможным формирование лишь имперской и отчасти националистической субкультур. С их политическими, пропагандистскими и культурными манифестациями мы и имели дело на протяжении последних трех десятилетий; к ним же обращается по нужде и нынешний российский политический режим, равно как и часть оппозиции. В основе же этих манифестаций обнаруживается инерция не доведенной до конца большевистской культурной политики.

Заключая, что можно сказать о современном российском патриотизме – якобы наследнике и советского патриотизма, и российского дореволюционного имперского национализма? На самом деле, не являясь наследником ни того, ни другого, он, скорее, есть попытка нынешних правителей России ввести в удобоваримое для себя русло наше недовоображенное общество. Нынешний российский патриотизм – следствие ограниченности

правлящей элиты, которая оказалась неспособной сконструировать в плане воображаемого сообщества что-то новое. Эта ограниченность обусловлена отчасти – ее общим со всеми остальными гражданами культурным наследием незавершенного советского эксперимента, отчасти – ее объективным социальным статусом: главным (и реализовавшимся) желанием постсоветской элиты было стремление обрести собственность и ренту с нее. Поэтому и ее попытки нарисовать приемлемый образ воображаемого сообщества заканчиваются поверхностным заимствованием уже опробованного – миксом из советской и царской символики, рассуждениями насчет «преемственности», «русским миром» и т.д., то есть тем, что можно назвать бесперспективным недонационализмом (Мартьянов, Фишман 2016а: 310-318).

Несмотря на заигрывание с символикой прошлого, для нынешнего российского политического режима не может идти речи о формировании имперского национализма старого типа; это оказалось нереалистичным уже в дореволюционной России. Потому что при общем подъеме культуры до примерного уровня культуры дореволюционных правящих классов можно было, конечно, унаследовать часть их воззрений, но только в плане мифологии, которая не имеет уже референта в виде реального социального субъекта. Так, советский интеллигент мог ощущать себя наследником дворянской культуры золотого и серебряного века, но сам не являлся дворянином. Можно воспринять часть мифологии имперской аристократии, но нельзя отменить тот факт, что самой аристократии уже нет. Нынешняя российская элита может пытаться позиционировать себя как наследника этой аристократии (пресловутая «преемственность») и даже устраивать балы в стиле ретро, но понятно, что она таковой не является. И, самое главное, у нынешней российской элиты нет общих триумфов и страданий с народом, которые, как заметил Э. Ренан, создают «нацию» (Ренан). Нынешние элиты, конечно, всячески пытаются присвоить себе чужие победы и соотнести себя с чужими и далеко отстоящими во времени страданиями – прежде всего, речь идет о Победе в Великой Отечественной войне, о революции, гражданской войне и репрессиях 1930-х гг. Все это неубедительно выглядит на фоне их поразительного равнодушия к актуальным лишениям своих соотечественников в пореформенный период 1990-х. Ведь эти лишения и страдания коснулись элиты явно не в той степени или не таким образом, каким обрушились на остальных. Но, явившись условием ее возвышения, эти лишения и страдания привели к тому, что у нынешней элиты нет общей судьбы с остальным народом. Однако без общей судьбы не может быть и приемлемого для всего сообщества, которое так и остается недовоображенным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева Г.Д. 1990. Народничество в России в XX веке. (Идейная эволюция). М. : Наука. 246 с.
- Андерсон Б. 2001. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле. 288 с.
- Анисимов Е.В. Истоки имперского менталитета в России [Электронный ресурс]. URL: <http://asiarussia.ru/news/5718/> (дата обращения: 12.12.2017).

Ассман А. 2014. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое лит. обозрение. 328 с.

Бартенев В.В. 1987. Воспоминания петербуржца о второй половине 1880-х годов // От народничества к марксизму: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге (1883–1894 гг.) / сост. И.Н. Курбатова, Т.А. Аркушенко. Л. : Лениздат. С. 162–222.

Бердяев Н. Алексей Степанович Хомяков [Электронный ресурс]. URL: http://www.libma.ru/filosofija/aleksei_stepanovich_homjakov/p8.php (дата обращения: 12.12.2017).

Бранденбергер Д. 2009. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб. : ДНК. 416 с.

Данильченко С.Л. Исторический феномен советского патриотизма [Электронный ресурс]. URL: https://interactive-plus.ru/ru/article/15008/discussion_platform (дата обращения: 12.12.2017).

Жукоцкий В.Д., Фурман Ф.П. 2004. Народничество русской интеллигенции и культуры // Философия и общество. № 3. С. 156–175.

Итенберг Б.С. 1988. П.Л. Лавров в русском революционном движении. М. : Наука. 195 с.

Кирчанов М.В. 2012. Русское народничество и национализм: национальное движение в донациональную эпоху // Воронеж народниковедческий : сб. ст. / под ред. Г.Н. Мокшина. Воронеж : Истоки. С. 9–27.

Летняков Д.Э. 2015. К вопросу о генеалогии имперского сознания в России // Филос. журнал. Т. 8, № 2. С. 112–127.

Мартьянов В.С. 2007. Метаморфозы российского Модерна: выживет ли Россия в глобализирующемся мире. Екатеринбург : УрО РАН. 348 с.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. (ред.) 2016а. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана. М. : Полит. энцикл. 334 с.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. 2016б. Этика добродетели для новых сословий: трансформация политической морали в современной России // Вопр. философии. № 10. С. 58–68.

Ревакина А. 2012. О социалистическом реализме // Русский язык и литература. № 10. С. 3–14.

Ренан Э. Что такое нация? [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/r/renan_z_e/text_1882_chto_takoe_natzia.shtml (дата обращения: 12.12.2017).

Родевальд Ш. 2012. «Внешняя колонизация внутреннего» и «внутренняя колонизация внешнего»: оппозиционные элиты столиц vs. Лояльные элиты Западного края, 1830–1910 годы // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России / под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М. : Новое лит. обозрение. С. 518–552.

Социалистический реализм [Электронный ресурс]. URL: <http://e-rentier.ru.lit100.ru/text.php?t=181d> (дата обращения: 12.12.2017).

Сталин И. 1937. Марксизм и национально-колониальный вопрос : сб. избр. ст. и речей. М. : Партиздат ЦК ВКП(б). 232 с.

Ткачев П.Н. 1933. Избранные сочинения. Т. 3. М. : Изд-во политкаторжан, тип. «Образцов». 503 с.

Эткинд А., Уффельманн Д., Кукулин А. 2012. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России / под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М. : Новое лит. обозрение. С. 6–53.

L. Fishman. Nedovoobragennoye soobshchestvo [Under-imagined community], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 43–58. (in Russ.).

Leonid G. Fishman, Doctor of Political Sciences, Professor of Russian Academy of Sciences, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: lfishman@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-5062-8291

Article received 19.01.2018, accepted 22.02.2018, available online 01.04.2018

UNDER-IMAGINED COMMUNITY

Abstract. The article substantiates a point of view according to which «Soviet patriotism» is a continuation not of an «imperial» tradition, supposedly inherent in the Russian nation for a long time, but of another tradition – ideologized, socialistic one – originating from Russian populism and Marxism. Based on the concept of B. Anderson, it is asserted that nationalism is not the only society’s integrating strategy of building a picture of an “imagined community” that has become possible in modernity. Under certain conditions, the picture drawn by social groups that dominate the process of forming the society’s ideas about itself is not necessarily focuses on “national” issues. The article shows that the policy pursued in post-revolutionary Russia in the course of the socialist ideological tradition was aimed at the formation of a new non-nationalistic and non-imperial “imagined community”, nevertheless isomorphic to the Western types. The article argues that the objective result of this policy was not so much the formation of “Soviet patriotism” but of the “under-imagined community” that exists until now.

Keywords: imagined community, nationalism, nation, empire, ideology, culture.

References

Alekseeva G.D. *Narodnichestvo v Rossii v XX veke. (Ideynaya evolyutsiya)* [“Narodnik movement” in Russia in the XX century. (Ideological evolution)], Moscow, Nauka, 1990, 246 p. (in Russ.).

Anderson B. *Vobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism], Moscow, KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, 2001, 288 p. (in Russ.).

Anisimov E.V. *Istoki imperskogo mentaliteta v Rossii* [The origins of the imperial mentality in Russia], available at: URL: <http://asiarussia.ru/news/5718/> (accessed 12 December 2017). (in Russ.).

Assmann A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Remembrance Culture and the Politics of History], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 328 p. (in Russ.).

Bartenev V.V. *Vospominaniya peterburzhtsa o vtoroy polovine 1880-kh godov* [Memoirs of the Petersburg resident about the second half of the 1880s], I.N. Kurbatova, T.A. Arkushenko (comp.), *Ot narodnichestva k marksizmu: Vospominaniya uchastnikov revolyutsionnogo dvizheniya v Peterburge (1885–1894 gg.)*, Leningrad, Lenizdat., 1987, pp. 162–222. (in Russ.).

Berdyaev N. *Aleksey Stepanovich Khomyakov* [Alexey Stepanovich Khomyakov], available at: URL: http://www.libma.ru/filosofija/aleksei_stepanovich_homjakov/p8.php (accessed 12 December 2017). (in Russ.).

Brandenberger D. *Natsional-bol'shevizm. Stalinskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniya (1931–1956)* [National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956], St. Petersburg, DNK, 2009, 416 p. (in Russ.).

Danil'chenko S.L. *Istoricheskiy fenomen sovetskogo patriotizma* [The historical phenomenon of the Soviet patriotism], available at: URL: https://interactive-plus.ru/ru/article/15008/discussion_platform (accessed 12 December 2017). (in Russ.).

Etkind A., Uffel'mann D., Kukulin A. *Vnutrennaya kolonizatsiya Rossii: mezhdu praktikoy i voobrazheniem* [Internal colonization of Russia: between practice and imagination], A. Etkind, D. Uffel'mann, I. Kukulin (eds.), *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, pp. 6–53. (in Russ.).

Itenberg B.S. *P.L. Lavrov v russkom revolyutsionnom dvizhenii* [Lavrov in the Russian revolutionary movement], Moscow, Nauka, 1988, 195 p. (in Russ.).

Kirchanov M.V. *Russkoe narodnichestvo i natsionalizm: natsional'noe dvizhenie v donatsional'nyu epokhu* [The Russian “Narodnik movement” and nationalism: the national movement in the pre-national era], G.N. Mokshin (ed.), *Voronezh narodnikovedcheskiy : sb. st.*, Voronezh, Istoki, 2012, pp. 9–27. (in Russ.).

Letnyakov D.E. *K voprosu o genealogii imperskogo soznaniya v Rossii* [On Genealogy of Imperial Consciousness in Russia], *Filosovskiy zhurnal*, 2015, vol. 8, no. 2, pp. 112–127. (in Russ.).

Mart'yanov V.S. *Metamorfozy rossiyskogo Moderna: vyzhivet li Rossiya v globaliziruyushchemsya mire* [Metamorphoses of Russian Modernity: if Russia can survive in a globalizing world], Ekaterinburg, UrO RAN, 2007, 348 p. (in Russ.).

Mart'yanov V.S., Fishman L.G. (eds.) *Rossiya v poiskakh ideologii: transformatsiya tsennostnykh regulyatorov sovremennykh obshchestv* [Russia in Search of Ideologies: the Transformation of Value Regulators of Modern Societies], Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2016, 334 p. (in Russ.).

Mart'yanov V.S., Fishman L.G. *Etika dobrodeteli dlya novykh sosloviy: transformatsiya politicheskoy morali v sovremennoy Rossii* [Ethics of Virtue for the New Estates: Transformation of Political Morality in Modern Russia], *Voprosy filosofii*, 2016, no. 10, pp. 58–68. (in Russ.).

Renan E. *Chto takoe natsiya?* [What is a Nation?], available at: URL: http://az.lib.ru/r/renan_z_e/text_1882_cho_takoe_natzia.shtml (accessed 12 December 2017). (in Russ.).

Revyakina A. *O sotsialisticheskom realizme* [On Socialist Realism], *Russkiy yazyk i literatura*, 2012, no. 10, pp. 3–14. (in Russ.).

Rodeval'd Sh. «Vneshnyaya kolonizatsiya vnutrennego» i «vnutrennyaya kolonizatsiya vneshnego»: *opozitsionnye elity stolits vs. Loyal'nye elity Zapadnogo kraja, 1830–1910 gody* [“External colonization of the internal” and “internal colonization of the external”: opposition elites of capitals vs. Loyal elites of the Western Territory, 1830–1910], A. Etkind, D. Uffel'mann, I. Kukulin (eds.), *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, pp. 518–552. (in Russ.).

Sotsialisticheskiy realizm [On Socialist Realism], available at: URL: <http://e-rentier.ru.lit100.ru/text.php?t=181d> (accessed 12 December 2017). (in Russ.).

Stalin I. *Marksizm i natsional'no-kolonial'nyy vopros : sb. izbr. st. i rechey* [Marxism and the national-colonial question], Moscow, Partizdat TsK VKP(b), 1937, 232 p. (in Russ.).

Tkachev P.N. *Izbrannye sochineniya. T. 3* [Selected works. Vol. 3], Moscow, Izdatel'stvo politkatorzhan, tip. «Obraztsov», 1933, 503 p. (in Russ.).

Zukockij V.D., Furman F.P. *Narodnichestvo russkoy intelligentsii i kul'tury* [The Narodnik thinking of the Russian intelligentsia and culture], *Filosofiya i obshchestvo*, 2004, no. 3, pp. 156–175. (in Russ.).

Кондрашев А.А., Зенкина А.Б., Роньжина О.В. Правовой режим арктических территорий РФ и предоставление особых прав коренным (аборигенным) народам // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 1, с. 59–78.

УДК 342.15

DOI 10.17506/ryipl.2016.18.1.5978

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РФ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ОСОБЫХ ПРАВ КОРЕННЫМ (АБОРИГЕННЫМ) НАРОДАМ¹

Андрей Александрович Кондрашев

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционного, административного
и муниципального права Юридического института
Сибирского федерального университета,
г. Красноярск, Россия. E-mail: legis75@mail.ru

Александра Борисовна Зенкина

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного административного
и муниципального права Юридического института
Сибирского федерального университета,
г. Красноярск, Россия. E-mail: sashalitiv@yandex.ru

Ольга Викторовна Роньжина

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного административного
и муниципального права Юридического института
Сибирского федерального университета,
г. Красноярск, Россия. E-mail: ronzhinakarimova@mail.ru

Материал поступил в редколлегию 21.08.2017 г.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Красноярского краевого фонда науки в рамках работы по научному проекту № 17-13-24004.

Многие годы как в СССР, так и в Российской Федерации отсутствовало понимание необходимости разработки комплексной правовой основы регулирования правового режима арктических территорий. В статье рассмотрены нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие правовой статус Арктической зоны РФ, и теоретические подходы к формированию соответствующей нормативно-правовой базы. Авторы анализируют ключевые проблемы развития арктических территорий в двух аспектах: государственного (муниципального) управления в российской Арктике и особенностей статуса коренных малочисленных народов, проживающих на арктических территориях, – и приходят к выводу о необходимости обновления и серьезной модернизации правового регулирования в указанной сфере общественных отношений. Исходя из выявленных проблем и дефектов правового регулирования в статье предложены решения, адресованные законодателю для устранения пробелов российского «арктического» законодательства посредством передачи перечня «арктических» полномочий Министерству экономического развития, оформления круга специфических полномочий муниципальных органов, расположенных на арктических территориях, присоединения России к ведущим международно-правовым конвенциям, закрепляющим особые права коренных малочисленных народов, совершенствования российского законодательства о коренных народах с целью предоставления последним особых прав на реальное соуправление территориями их традиционного проживания, создания специализированного госоргана по делам коренных народов (агентства), механизма компенсации общинам коренных народов со стороны государства и компаний-недропользователей за потребление природных ресурсов.

Ключевые слова: правовой статус Арктики, Арктическая зона России, коренные малочисленные народы, государственная территория, правовой режим территории.

В последние годы Российское государство активно заявляет о необходимости освоения Арктики и закрепления прав России на арктические территории. Это связано прежде всего с тем, что Арктика – кладезь природных ресурсов, которые могут использоваться как резерв для жизни будущих поколений. Уникальность Арктики находит свое подтверждение и в правовом поле. Так, в международном праве до сих пор отсутствуют соглашения, закрепляющие общепризнанные понятия «Арктика», «Арктическая зона» по аналогии с определением правового статуса Антарктики (статус Антарктики установлен в Договоре об Антарктике, который был подписан 1 декабря 1959 г. в Вашингтоне). К Арктике прилегают территории пяти государств: Российской Федерации, США, Канады, Дании и Норвегии.

Концепция так называемых арктических секторов, согласно которой обладающее арктическим побережьем государство имеет особые права в своем секторе, появилась в 20-е г. XX в. Но с точки зрения современного международного конвенционного права линии, обозначающие боковые пределы полярных секторов, не признаются в качестве государственных границ; фактически это лишь нормы обычного права. Согласно Конвенции по морскому праву 1982 г. (Конвенция ООН... 1982) ключевое значение приобретает протяженность континентального шельфа государства. За пределами шельфа морское дно и его ресурсы являются общим наследием человечества.

Если же говорить о внутреннем, национальном законодательстве, регулирующем правовой режим арктических территорий, то в Российской

Федерации на протяжении многих лет был «вакуум» относительно принятия специализированных «арктических» нормативных актов. Лишь в конце 2000-х гг. был принят Указ Президента РФ, утвердивший «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу». В этом документе были определены цели, задачи, основные меры реализации арктического направления государственной политики. Но следует отметить, что конкретных правовых механизмов и нормативных установлений это акт фактически не содержал, оставаясь документом предельно абстрактным и лишенным регулятивных правоположений.

И лишь в мае 2014 г. появился Указ Президента «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (Указ Президента РФ № 296, 2014), который четко определил границы сухопутной территории страны, относящейся к Арктической зоне. Согласно этому документу в зону российской Арктики вошли территории 8 субъектов РФ, включая территории двух районов Красноярского края и городского округа Норильска.

Каковы же основные проблемы правового регулирования, касающиеся территорий Арктической зоны России? На наш взгляд, необходимо остановить внимание на следующих аспектах:

1) особенности осуществления государственного и муниципального управления на территориях, входящих в Арктическую зону РФ;

2) предоставление особых прав коренному (аборигенному) населению арктических территорий.

Современные проблемы государственного и муниципального управления в российской Арктике. Когда мы говорим о необходимости совершенствования государственного управления на территории Арктической зоны РФ, то первым по значимости встает вопрос о наличии организационно-властной структуры, отвечающей за развитие Арктики. Долгое время в России вообще не было никакого органа, который бы координировал государственную политику в Арктике.

В России в 1991–1993 гг. для реализации государственной политики в Арктике были созданы и действовали межведомственная комиссия по вопросам Арктики и Антарктики (Постановление Правительства РФ № 158, 1993), Совет по проблемам Севера и Арктики при Правительстве Российской Федерации (Постановление Правительства РФ № 281, 2002) и Государственный комитет по делам Севера (Указ Президента РСФСР № 242, 1991). В конце 1990-х – начале 2000-х гг. все эти структуры были упразднены и вопросами развития Арктической зоны стали заниматься отраслевые министерства и иные ведомства в соответствии с их полномочиями (Коновалов 2013).

Весной 2015 г. Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 марта 2015 года № 228 (Постановление Правительства РФ № 228, 2015) было утверждено Положение о Государственной комиссии по вопросам развития Арктики. Государственная комиссия, согласно Положению, является координационным органом, обеспечивающим взаимодействие федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления и организаций при решении

социально-экономических и других задач, касающихся развития Арктической зоны РФ. В состав Комиссии включены руководители профильных федеральных органов исполнительной власти, главы регионов, полномочные представители Президента в федеральных округах, представители аппарата Совета безопасности, Администрации Президента РФ, других государственных органов, научных и общественных организаций.

Но при этом очевидно, что полноценным государственным органом эта Комиссия не является. Она не имеет нормотворческих и распорядительных полномочий. В науке обсуждается идея создания специализированного министерства по делам Арктики по аналогии с Министерством по делам Кавказа или Министерством по развитию Дальнего Востока или же наделения арктическими полномочиями Минвостокразвития (Купряшкин, Сиваков 2014: 40). По нашему мнению, идея организации двухуровневой государственной структуры чревата дублированием государственных функций и конфликтами в системе управления. Если проанализировать полномочия тех же Минкавказа или Минвостокразвития, то мы увидим, что это в основном координация в реализации различных госпрограмм и выработка неких рекомендаций по проведению соответствующей госполитики плюс контрольные полномочия. Но решение всех отраслевых вопросов госполитики сосредоточено в соответствующих профильных министерствах. И, как верно замечает К.В. Черкасов, территориальными министерствами реализуются во многом схожие полномочия, а порой и аналогичные задачи и функции, осуществляемые как, отчасти, полномочными представителями Президента РФ в федеральных округах, так и, в определенной мере, центральными и территориальными органами иных федеральных органов исполнительной власти; сложившаяся организационно-правовая структура весьма негативно сказывается на системе государственного управления на местах, ибо ведет к искусственному усложнению механизмов государства, забюрократизированности и разрастанию без того немалого его аппарата (Черкасов 2015: 54).

С другой стороны, в науке выдвинута концепция создания не министерства, а института развития в форме госкорпорации (Чистобаев, Малинин 2016: 127-128). С нашей точки зрения, учреждение специализированного государственного органа или госкорпорации по вопросам развития Арктики явно преждевременно и способно породить управленческий хаос. Более перспективно определение особенностей реализации тех или иных управленческих функций на арктических территориях и закрепление этих приоритетов в соответствующих нормативных актах. Также речь может идти о так называемой компоновке регулятивных положений «арктического» права в соответствующих отраслевых законах, выделении и закреплении перечня «арктических» полномочий за Минэкономразвития, а со временем и о создании агентства по делам Арктики и коренных народов.

Еще одной проблемой управления на территории арктической зоны, особенно в местах проживания коренных малочисленных народов, является постепенное сокращение численности территориальных федеральных органов исполнительной власти и удаление от населения этих структур. Когда

многие органы были передислоцированы в крупные городские округа или городские поселения, в отдаленных населенных пунктах представителей государственных органов просто не осталось. Кроме того, из-за отсутствия хорошего интернет-соединения невозможно предоставлять госуслуги в электронном виде. Например, на территории Таймырского муниципального района колоссальные проблемы возникают при регистрации ИП, когда жителям приходится преодолевать более тысячи километров, чтобы просто добраться в Норильск. Также, чтобы получить разрешение на хранение и ношение оружия, нужно пройти целый ряд юридических процедур (медосвидетельствование, оплата госпошлины, оформление лицензии и проч.); жителям приходится тратить значительные суммы на проезд и проживание в городе. Очевидно, что эту проблему необходимо решать на федеральном уровне, определив особенности создания и дислокации территориальных федеральных органов на арктических территориях.

В Федеральный закон № 131-ФЗ специально для районов Крайнего Севера была включена ст. 82.1, в соответствии с которой установлена лишь одна (!) особенность осуществления местного самоуправления, а именно участие органов государственной власти соответствующих субъектов Российской Федерации в решении вопросов северного завоза и распоряжении средствами муниципальных образований.

Но при этом закон не устанавливает особенности оказания государственных и муниципальных услуг, не содержит методик и нормативов для расчета объемов расходных обязательств муниципальных образований, что не позволяет обеспечить муниципалитеты местными финансами по потребностям, а равно и предусмотреть в необходимом объеме трансферты из региональных бюджетов (Серова 2015: 27).

Кроме того, в случаях принятия законодательных актов субъектов РФ о наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями при подготовке методик определения общего объема субвенций на реализацию передаваемых полномочий часто не учитываются географические и климатические особенности арктических территорий. Эти моменты, по нашему мнению, можно и нужно отразить именно в нормах федерального закона.

В целом если говорить о правовых возможностях учета особенностей арктических территорий с точки зрения государственного (муниципального) управления, то можно выделить несколько вероятных направлений работы законодательных инстанций в этой сфере.

1. Очевидно, что в целях оптимизации осуществления функций местного самоуправления необходимо упростить структуру органов местного самоуправления на арктических территориях. Вполне заслуживают внимания предложения о переходе на одноуровневую модель при организации местного самоуправления на межселенных территориях, оставив его только на уровне муниципального района или городского округа, либо упростить структуру местного самоуправления на поселенческом уровне – отказаться от схода в качестве представительного органа местного самоуправления (МСУ) и передать полномочия как представительного органа, так и администрации совету

старост (старейшин), выбранных представителями рода. Например, положение Федерального закона № 131-ФЗ о том, что при численности населения менее 100 человек местное самоуправление осуществляется сходом граждан, является императивной нормой. Тем не менее на многих северных территориях из-за огромных расстояний и слабой транспортной доступности собрать сход граждан не представляется возможным.

2. Также должны получить свое отражение в законодательстве особенности организации местного самоуправления в районах проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера в плане сочетания общинного самоуправления с местным самоуправлением, решения вопросов местного значения для граждан, ведущих кочевой образ жизни. В этом смысле вполне возможна передача функций органов местного самоуправления общинам коренных малочисленных народов Севера (КМНС), что позволит приблизить местное самоуправление к гражданам, ведущим преимущественно кочевой образ жизни.

3. Наконец, требует разработки и комплекса мер, направленных на охрану и привлечение к усиленной экологической ответственности компаний, ведущих добычу нефти, газа и иных полезных ископаемых на территории Арктической зоны РФ.

Уже в течение почти 15 лет предпринимаются попытки принять специализированные законы о развитии Арктики («Об Арктической зоне», «О деятельности РФ в Арктике», «Об обеспечении социально-экономического развития территорий АЗРФ», «О Северном морском пути», «О законодательном обеспечении развития арктических и северных территорий Российской Федерации» (см. об этом: Сиваков 2009: 242-243) и т.п.). Авторы, как правило, считают возможным закрепить в подобных законопроектах: особый статус Арктической зоны; определение принципов, цели, задач, методов устойчивого развития Арктической зоны; обеспечение транспортной доступности Арктической зоны Российской Федерации; установление особого режима по охране окружающей среды, экологии; определение особенностей налогообложения, природопользования, регулирования межбюджетных и трудовых отношений; установление мер государственной поддержки хозяйствующих субъектов (Формирование контура... 2015: 9-10).

Есть и альтернативный подход: включать в отраслевые законы даже специальные главы, посвященные особенностям тех или иных правовых режимов в Арктической зоне.

По мнению профессора Т.Я. Хабриевой, проблема правового регулирования статуса Арктики заключается в отсутствии системообразующего законодательного акта, так как из 67 законов, касающихся Арктики, полноценный «арктический» предмет имеют только шесть федеральных законов, посвященных двум темам – защите коренных малочисленных народов Арктики и компенсациям для лиц, живущих на Крайнем Севере и выезжающих из районов Крайнего Севера (Хабриева 2015).

В настоящее время складываются условия для усиления правового регулирования в данной области с учетом особенностей природопользования в Арктической зоне России.

Первый вариант – разработать и принять единый федеральный закон, обеспечивающий концептуальный подход. В нем можно будет предусмотреть строгие экологические требования к недропользованию, деятельности торгового и рыбопромышленного флота в Арктической зоне, особенности осуществления государственного управления на этих территориях и т.д.

Второй вариант – включать в отраслевые законы и подзаконные акты специальные главы, посвященные особенностям правовых режимов различных природных ресурсов и объектов в Арктической зоне.

С нашей точки зрения, попытка принять своего рода арктический кодекс вряд ли уместна, как, впрочем, и попытка регламентировать требования на уровне подзаконного нормотворчества, так как отсутствуют научные наработки для комплексной регламентации правового регулирования статуса российской Арктики. Гораздо более перспективно вести речь о выделении в действующих федеральных законах специальных глав, посвященных особенностям правового регулирования отдельных отраслевых сфер (недропользование, рыболовство и охота, организация власти и местного самоуправления, система социальных льгот и т.д.).

Учет прав аборигенных (коренных малочисленных) народов при правовом регулировании статуса Арктики. При рассмотрении проблем правового регулирования Арктической зоны РФ всегда возникает вопрос об учете прав коренного населения этих территорий в контексте сохранения их традиционных промыслов и образа жизни. Ведь в условиях интенсивного освоения арктических территорий страдают, прежде всего, коренные народы, неразрывно связанные с этими землями, которые изымаются у местного населения из пользования в интересах недропользователей (как правило, крупных государственных и частных нефтяных, газовых компаний и металлургических корпораций).

В настоящее время следует говорить как о деградации социально-культурной жизни аборигенного населения российской Арктики, так и об уничтожении природной среды на традиционных территориях проживания коренных народов (на этих территориях происходит отторжение значительных земельных участков под промышленные объекты, вследствие чего нарушаются растительный покров и естественные водотоки, создаются техногенные барьеры на путях сезонных миграций животных, загрязняются места нереста и нагула рыбы и т.д.).

Самое интересное, что в России создана, на первый взгляд, серьезная база для регулирования особого статуса коренных народов посредством трех специализированных законов: «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 7 мая 2001 года; «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 года; «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 20 июля 2000 года. Но при этом практика их применения за последние 15-17 лет показала, что эти законы фактически не применяются либо содержат нормы-принципы и отсылочные положения, которые не развиваются в отраслевых законах.

При этом международно-правовое регулирование статуса коренных народов давно шагнуло вперед и закрепляет конкретные требования к государствам обеспечить соуправление народов на их исторической территории, сохранив их права на пользование землей и ведение традиционных промыслов. Значительную роль в процессе регулирования вопросов жизнедеятельности коренных народов играет Декларация ООН «О правах коренных народов» 2007 г. Права коренных народов на участие в использовании, рациональном освоении и сохранении природных ресурсов также признаются в принятой Международной организацией труда (МОТ) Конвенции №169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» 1989 г.

Российская Федерация не подписала до настоящего времени Декларацию ООН по правам коренных народов и не ратифицировала Конвенцию № 169. Как полагают российские исследователи, значительная часть положений названной Декларации, равно как и Конвенции № 169, соответствует нормам российского законодательства, и в первую очередь согласуется с положениями Конституции РФ. Вместе с тем некоторые положения данных международных документов не вполне коррелируют с российским законодательством (Андриченко 2005).

В зарубежных странах, где проживают большие общины коренных (аборигенных) народов, с начала 2000-х гг. началось резкое изменение политики государства по отношению к аборигенам. Это происходит по нескольким направлениям. С одной стороны, в США, например, участие коренных народов в управлении природными ресурсами становится обязательным. Нормы о соуправлении в сфере использования и охраны недр, лесов в территориальном планировании появляются в экологическом, природоресурсном, градостроительном и иных отраслях законодательства. С другой стороны, активно развивается практика так называемых добрососедских соглашений между племенами коренных народов и компаниями-природопользователями. А именно речь идет о заключении договоров между племенами и компаниями-недропользователями о компенсациях за использование недр на землях коренных народов, например в Аляске (Сokolovskiy 2001: 26-27). Несколько иным образом происходит выплата денежной компенсации коренным народам (индейским племенам) в других штатах США. В этих случаях практикуется заключение специальных соглашений между правительством США и отдельными индейскими племенами о компенсациях за ненадлежащее управление индейскими землями (закрепленными за племенами по соглашениям, заключенным еще в XIX в.). Например, индейцам племени навахо было выплачено 554 млн долларов за ненадлежащее использование индейских земель. Или же индейские группы самостоятельно обращаются в федеральные суды с исками о компенсациях и получают деньги по судебным решениям. Еще одной формой учета прав коренных народов выступает практика закрепления земель, на которых проживают коренные народы, в их пользование без права изъятия данных земель под недропользование. Так, в Канаде еще в 1999 г. инуитам (эскимосам) передано около 350 тыс. км² под непосредственное самоуправление.

Кроме того, инуиты получили права на минеральные ресурсы на площади в 35 тыс. км² и компенсацию за отказ от дальнейших территориальных претензий в 1 млрд долларов, которая будет выплачиваться в течение 14 лет (Соколовский 2001: 28).

С принятием Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (Распоряжение Правительства РФ № 132-р, 2009) государство взяло на себя обязательство сохранить коренные малочисленные народы, обеспечить их жизнедеятельность и устойчивое развитие. Однако, как отмечает В.А. Кряжков, за последние 10–12 лет наблюдается устойчивая тенденция: возможности коренных народов в сфере соуправления не расширяются, а сужаются. Так, аборигенные народы России лишились безвозмездного пользования землей, лесом. Изъятия норм не в пользу коренных народов произошло из Земельного, Водного и Лесного кодексов (Кряжков 2010).

Это связано, в частности, со следующими причинами.

Во-первых, отсутствует гарантированное представительство коренных народов в законодательных органах и представительных органах местного самоуправления. В 2004 г. было аннулировано правомочие субъектов Российской Федерации устанавливать квоты представительства данных народов в своих законодательных органах и представительных органах местного самоуправления.

Во-вторых, не предусматривается организация местного самоуправления, обусловленная компактным проживанием на территории муниципального образования коренных малочисленных народов. По оценке Н.Н. Харючи, система органов государственной власти и местного самоуправления в настоящее время построена таким образом, что большинство коренного населения, проживающего на территории муниципального образования, по объективным причинам не имеет реальной возможности взаимодействовать с властью и участвовать в управлении территорией (Харючи 2003: 67–68). Следует отметить, что в соответствии с изменением, внесенным Федеральным законом № 256-ФЗ от 13 июля 2015 года в Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», федеральным законодателем было предписано формировать в местах проживания коренных народов так называемые советы представителей малочисленных народов при главах муниципальных образований, выступающие как совещательные органы. При этом в некоторых автономных округах, например в Ямало-Ненецком, еще с начала 2000-х гг. формировались аналогичные органы совещательного типа. Но, как показывает практика их создания и деятельности, отсутствие реальных властных полномочий и порядок принятия ими решений (не менее половины их состава составляют работники местных администраций; заседания проводятся раз в полгода) не способствуют эффективному решению проблем коренных малочисленных народов. Так, согласно отчету Совета уполномоченных представителей коренных малочисленных народов Нанайского района, Совет помогал администрации в проведении праздников, информировании граждан о правилах рыболовства, разъяснении

правил заполнения заявок на вылов рыбы, консультативно оказывал помощь по жилищным вопросам и т.п.

В-третьих, в 2004 г. была отменена норма, позволяющая наделять общины коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока отдельными полномочиями органов местного самоуправления.

Наконец, *в-четвертых*, на федеральном уровне ликвидированы государственные органы, непосредственно нацеленные на решение проблем северных народов. Между тем в США, например, существует специальное бюро по делам индейцев – агентство Федерального правительства США внутри Департамента внутренних дел США, основанное 11 марта 1824 г. В настоящее время особые проблемы вызывает вопрос предоставления особых прав аборигенному населению Арктической зоны России. Это связано с тем, что Россия, в отличие от большинства стран с проживающими на их территориях аборигенными народами, практически не предоставляет коренным народам прав на «соуправление» соответствующими территориями. Россия за последние 10-12 лет последовательно лишает их возможности участвовать в управлении территориями, на которых они проживают. Можно говорить об имитационном типе регулирования прав коренных народов в Российской Федерации.

Какие же меры требуется предпринять, чтобы коренные народы, проживающие в Арктической зоне, получили жизненно важные права, гарантированные им международно-правовыми нормами и, частично, декларативными нормами российского законодательства?

1. Российской Федерации необходимо ратифицировать Конвенцию «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» и одобрить Декларацию ООН «О правах коренных народов». Ратификация и следование рекомендациям, указанным в данных международных документах, предоставит коренным народам больше прав и возможностей по управлению территориями их проживания и хозяйственной деятельности, так как в этом случае Россия должна будет включить в свое законодательство нормы об особых правах коренных народов на земли и природные ресурсы, нормы о соуправлении совместно с органами государственной власти и муниципалитетами.

2. Важно обеспечить реальное включение данных народов и их представителей в процесс принятия решений, затрагивающих их права и интересы. Целесообразно вернуться к квотированию мест в представительных органах субъектов РФ и органах местного самоуправления в местах проживания общин коренных народов самоуправления (Филиппова 2013: 96), а также восстановить право общественных объединений данных народов выдвигать кандидатов в депутаты. Например, в странах Северной Европы саамские парламенты обладают отдельными полномочиями, характерными для органов представительной власти: правами законодательной инициативы, участия в парламентских слушаниях, распределения бюджетных средств и др.

3. В федеральное законодательство о земле нужно внести нормы о передаче общинам коренных народов земельных угодий в пожизненное на-

следуемое владение или определить иную форму правового опосредования прав коренных народов на землю. Кроме того, в законодательство об охоте и рыболовстве, о природопользовании нужно внести положения о предоставлении коренным народам рыбопромысловых участков и охотничьих угодий без конкурса и на преимущественной основе по сравнению с другими претендентами. Законодательство о территориях традиционного природопользования должно быть радикально пересмотрено с целью создания различных форм резерватов для сохранения традиционного образа жизни коренных народов, таких как территории традиционного природопользования в качестве особо охраняемых природных территорий (Транин 2011: 59-64), этноэкологические рефугиумы (убежища) (Мурашко 1998: 87-91).

4. Необходимо создание специализированного федерального органа (агентства) с территориальными подразделениями в субъектах РФ, который должен получить полномочия на выделение территорий традиционного природопользования и предоставление коренным народам земель, охотничьих угодий, рыболовных участков в пользование. Следует напомнить, что единственный орган, занимавшийся Арктикой во времена российской государственности (Госкомсевер), прекратил свое существование в 2000 г.

5. Законодательство о недрах должно подвергнуться значительной корректировке с целью внесения положений, закрепляющих обязательное согласие общин коренных народов на получение разрешения на разработку недр. Данное согласие должно быть обусловлено заключением соглашения с компанией-недропользователем о предоставлении компенсации за загрязнение природной среды и выплате части прибыли общине, а условия таких соглашений должны быть заданы федеральным законодателем. Альтернативным решением может быть создание специального компенсационного фонда компаниями, ведущими разработку недр на территориях проживания коренных народов. Причем в некоторых российских регионах есть примеры довольно успешного сотрудничества коренных народов и компаний-недропользователей на основе регионального законодательства. Так, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре урегулирование вопросов между компаниями-недропользователями и представителями коренных малочисленных народов Севера осуществляется в рамках заключения договоров об использовании земель в границах территорий традиционного природопользования. Основные условия таких договоров определены нормативными правовыми актами автономного округа, в частности модельным соглашением, утвержденным Правительством округа. Как правило, компании-недропользователи в соответствии с заключенными соглашениями каждой общине, на территории хозяйствования которой ведется промышленная деятельность, дополнительно к деньгам выделяют материально-технические средства, топливо, транспорт, оборудование, мобильные электростанции, средства связи. Кроме того, соглашениями предусмотрены оплата обучения членов семей коренных жителей в учебных заведениях (и оплата проживания), оплата лечения, обучение специальностям и трудоустройство в структурных подразделениях ресурсодобывающих компаний, предоставление транспортных услуг, приобретение

или строительство жилья и многое другое. А в Ямало-Ненецком округе действует несколько иная модель: компании, работающие в округе, заключают договоры с правительством региона и с администрациями районов. На их основании компании перечисляют средства, но действенного контроля за их распределением и использованием нет. Недостаток этой системы – отсутствие адресного использования средств, ее полная закрытость для общества, отсутствие участия коренных народов и их организаций в распределении средств.

Существующих соглашений недостаточно, так как они не только не удовлетворяют потребностям сторон, но и в значительной степени не отражают стратификацию аборигенного сообщества, весь спектр интересов коренных малочисленных народов в современных условиях. Прикладные исследования показывают, что необходима выработка общих стандартов к деятельности компаний, учитывающих специфику регионов: особую ранимость арктической природы и значительные группы кочевого населения, занимающегося оленеводством (Новикова 2013: 109).

6. В законодательство о местном самоуправлении необходимо внести нормы, предоставляющие общинам коренных народов права по реализации отдельных полномочий органов местного самоуправления. Кроме того, возможно и изменение принципов формирования органов местного самоуправления на территориях проживания коренных народов. Например, речь может идти о передаче полномочий представительного органа совету племени (рода), а главы местного самоуправления – главе рода. Также можно рассмотреть вопрос о передаче части полномочий судебных органов (например, органов мировой юстиции) представителям коренных народов. Если же говорить о возможностях повышения роли коренных народов в реализации полномочий местного самоуправления на традиционной основе, то интересным представляется механизм, использованный в Чукотском автономном округе, а именно назначение заместителями глав всех муниципальных районов представителей коренных народов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андриченко Л.В. 2005. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02. URL: <http://www.dissercat.com/content/regulirovanie-i-zashchita-pravnatsionalnykh-menshinstv-i-korennykhmalochislennykh-narodov> (дата обращения: 10.08.2017).

Госкомиссия по развитию Арктики. Министерство по делам Арктики и сроки освоения шельфа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.arctic.gov.ru/News/a78eb363-1299-e511-80c4-c1ac42a78c23?nodeId=9ce9c1ed-d94b-e511-825f-10604b797c23&page=1&pageSize=10> (дата обращения: 13.08.2017).

Коновалов А.М. 2013. Система государственного стратегического планирования развития Арктической зоны Российской Федерации // Наука и транспорт. Морской и речной транспорт. № 1 (5). С. 57-63.

Кряжков В.А. 2010. Органы публичной власти и северные народы: конституционно-правовые проблемы отношений в сфере соуправления [Электрон-

ный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/102100720> (дата обращения: 10.08.2017).

Купряшкин Ю.В., Сиваков Д.О. 2014. Арктический вопрос (геополитический и правовой аспекты) : науч.-практ. пособие. М. : ДиЭмДжиПринт. 119 с.

Миллионы для краснокожих. Из года в год правительству США приходится платить индейцам все более крупные компенсации [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/09/29/navajo/> (дата обращения: 10.08.2017).

Мурашко О.А. 1998. Этноэкологический рефугиум: концепция сохранения традиционной культуры и среды обитания коренных народов Севера // Этнограф. обозрение. № 5. С. 83-94.

Новикова Н.И. 2013. Коренные народы российского Севера и нефтегазовые компании: преодоление рисков // Арктика: экология и экономика. № 3 (11). С. 102-110.

Серова Н.А. 2015. Местное самоуправление в регионах севера и Арктики РФ // Современные проблемы науки и образования. № 1-1.

Сиваков Д. О. 2009. Право и Арктика: современные проблемы // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер.: Экономика и право. № 2. С. 238-243.

Совет уполномоченных представителей коренных малочисленных народов Нанайского района подвел итоги работы [Электронный ресурс]. URL: <http://akmns-khab.ru/2016/02/26> (дата обращения: 20.08.2017).

Соколовский С.В. 2001. Проблемы самоопределения и самоуправления коренных народов (обзор) // Этногр. обозрение. № 2. С. 17-30.

Транин А.А. 2011. Вопросы экологической безопасности хозяйственной деятельности в Арктической зоне России и традиционное природопользование коренных малочисленных народов // Государство и право. № 2. С. 63-71.

Филиппова Н.А. 2013. Традиционные этнические меньшинства в системе публичного представительства: развитие правовых доктрин и практик // Арктические регионы России: Проблемы парламентаризма, представительства и региональной идентичности (от родовых общин – к парламенту Ямала) : сб. науч. тр. по итогам науч.-практ. конф. / под общ. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург ; Салехард : Баско. С. 87-97.

Формирование контура арктической зоны Российской Федерации как субъекта управления, 2015 / В.И. Павленко, И.И. Меламед, С.Ю. Куценко, М.А. Авдеев // Изв. Рос. акад. наук. Серия географическая. № 4. С. 5-11.

Хабриева Т.Я. 2011. Я на стороне науки [Электронный ресурс]. URL: <http://scientificrussia.ru/articles/ya-na-storone-nauki> (дата обращения: 25.07.2017).

Харючи Н.Н. 2003. Особенности организации местного самоуправления в муниципальном образовании Тазовский район // Обеспечение прав и свобод коренных малочисленных народов Севера : материалы науч.-практ. семинара. Тюмень. 68 с.

Черкасов К.В. 2015. Министерство Российской Федерации по делам (развитию) территорий: вопросы административно-правового статуса // Адм. право и процесс. № 1. С. 52-55.

Чистобаев А.И., Малинин П.Ю. 2016. Арктическая зона Российской Федерации как особый объект государственного управления // Региональные исследования. №2 (52). С. 122-128.

Декларация ООН о правах коренных народов от 13 сентября 2007 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights (дата обращения: 13.08.2017).

Договор об Антарктике (Вашингтон, 1 декабря 1959 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/2540268/> (дата обращения: 13.08.2017).

Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1997. № 48. Ст. 5493.

Конвенция № 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (Заключена в г. Женеве 27 июня 1989 года) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957–1990. Женева : Междунар. бюро труда, 1991. Т. 2. С. 2193-2207.

Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1999. № 18. Ст. 2208.

Федеральный закон от 20 июля 2000 года № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (ред. от 28.12.2013) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2000. № 30. Ст. 3122.

Федеральный закон от 7 мая 2001 года № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (ред. от 31.12.2014) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2001. № 20. Ст. 1972.

Федеральный закон от 20 декабря 2004 года № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2004. № 52. Ст. 5270.

Федеральный закон от 24 июля 2009 года № 209-ФЗ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2009. № 30. Ст. 3735.

Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 256-ФЗ «О внесении изменения в статью 7 Федерального закона “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29, ч. 1. Ст. 4382.

Указ Президента РСФСР от 28 ноября 1991 года № 242 «О реорганизации центральных органов государственного управления РСФСР» (ред. от 18.12.1991, с изм. от 27.03.1992) // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 48. Ст. 1696.

Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70547984/#ixzz54WH1BbUC> (дата обращения: 13.08.2017).

Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ 18.09.2008 № Пр-1969) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902149373> (дата обращения: 13.08.2017).

Постановление Правительства РФ от 22 февраля 1993 года № 158 «Об утверждении Положения о Межведомственной комиссии по делам Арктики и Антарктики и персонального состава Комиссии» (ред. от 11.10.2001) // Собрание актов Президента и Правительства Рос. Федерации. 1993. № 9. Ст. 749.

Постановление Правительства РФ от 29 апреля 2002 года № 281 «Об образовании Совета по проблемам Крайнего Севера и Арктики при Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2002. № 18. Ст. 1768.

Постановление Правительства РФ от 14 марта 2015 года № 228 «Об утверждении Положения о Государственной комиссии по вопросам развития Арктики» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2015. № 13. Ст. 1928.

Распоряжение Правительства РФ от 04 февраля 2009 года № 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2009. № 7. Ст. 876.

Постановление Правительства ЯНАО от 29 февраля 2016 года № 153-П «Об отдельных вопросах реализации Федерального закона от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (вместе с «Типовым порядком формирования советов представителей коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе, создаваемых при главах муниципальных образований в Ямало-Ненецком автономном округе», «Типовым положением о советах представителей коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе, создаваемых при главах муниципальных образований в Ямало-Ненецком автономном округе», «Методикой оценки эффективности деятельности советов представителей коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе, создаваемых при главах муниципальных образований в Ямало-Ненецком автономном округе») (ред. от 16.12.2016) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс: Региональное законодательство.

Постановление администрации Надымского района от 21 июля 2016 года № 447 «О Совете представителей коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе при главе муниципального образования Надымский район» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс: Региональное законодательство.

A. Kondrashev, A. Zenkina, O. Ronzhina. Pravovoy rezhim arkticheskikh territoriy RF i predostavleniye prav prav korennykh narodov (aborigennym) narodam [Legal regime of Arctic territories of Russian Federation and granting special rights to indigenous (aboriginal) peoples], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 59–78. (in Russ.).

Andrey A. Kondrashev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional, Administrative, and Municipal Law, Law Institute, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.
E-mail: legis75@mail.ru

Alexandra B. Zenkina, Candidate of Law, Associate Professor, Department of Constitutional, Administrative, and Municipal Law, Law Institute, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.
E-mail: sashalitiv@yandex.ru

Olga V. Ronzhina, Candidate of Law, Associate Professor, Department of Constitutional, Administrative, and Municipal Law, Law Institute, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.
E-mail: ronzhinakarimova@mail.ru

Article received 21.08.2017, accepted 10.10.2017, available online 01.04.2018

LEGAL REGIME OF ARCTIC TERRITORIES OF RUSSIAN FEDERATION AND GRANTING SPECIAL RIGHTS TO INDIGENOUS (ABORIGINAL) PEOPLES

Abstract. For many years, both in the USSR and in the Russian Federation there was no understanding of the need to develop an integrated legal framework for regulating legal regime of Arctic territories. The article deals with the main regulatory legal acts of the Russian Federation regulating legal status of Arctic zone of the Russian Federation, as well as with theoretical approaches to the formation of an appropriate regulatory and legal framework. The authors analyze the main problems of the development of Arctic territories in two aspects: state (municipal) governance in Russian Arctic, and the peculiarities of the status of indigenous small peoples living in Arctic territories. The authors conclude that it is necessary to update and seriously modernize legal regulation in this sphere of public relations. Based on the identified problems and shortcomings of legal regulation, the authors propose solutions addressed to the legislator in order to eliminate gaps in Russian "Arctic" legislation: transmission of powers over Arctic territories to the Ministry of Economic Development; registration of specific powers of the municipal bodies located in Arctic territories; providing legal conventions, which fix specific rights of the indigenous small-numbered peoples of Russia; development of legislation on indigenous peoples in order to provide their specific rights toward co-management of the territories of their traditional location; creation of specialized state agency responsible for affairs of indigenous peoples; mechanism of state and companies' compensation of indigenous communities for the use of natural resources.

Keywords: legal status of Arctic; Arctic zone of Russia; indigenous small people; state territory; legal regime of territory.

References

Andrichenko L.V. *Regulirovanie i zashchita prav natsional'nykh men'shinstv i korenykh malochislennykh narodov v Rossiyskoy Federatsii, 2005 : dis. ... d-ra yurid. nauk* [Regulating and protection the rights of national minority and indigenous people in Russian Federation, 2005: dissertation], available at: URL: <http://www.dissercat.com/content/regulirovanie-i-zashchita-pravnatsionalnykh-menshinstv-i-korenykhmalochislennykh-narodov> (accessed 10 August 2017). (in Russ.).

Cherkasov K.V. *Ministerstva Rossiyskoy Federatsii po delam (razvitiyu) territoriy: voprosy administrativno-pravovogo statusa* [Russian Federation Ministries for the issues and development of territories: an issues of administrative-legal status], *Administrativnoe pravo i protsess*, 2015, no. 1, pp. 52-55. (in Russ.).

Chistobaev A.I., Malinin P.Yu. *Arkticheskaya zona Rossiyskoy Federatsii kak osobyy ob'ekt gosudarstvennogo upravleniya* [Russian Federation Arctic zone as the special object of governmental regulating], *Regional'nye issledovaniya*, 2016, no. 2 (52), pp. 122-128. (in Russ.).

Deklaratsiya OON o pravakh korenykh narodov ot 13 sentyabrya 2007 goda [Declaration on the Rights of indigenous people from 13 September 2007], available at: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights (accessed 13 August 2017). (in Russ.).

Dogovor ob Antarktike (Vashington, 1 dekabrya 1959 g.) [Agreement on the Arctic from 1 December 1959], available at: URL: <http://base.garant.ru/2540268/> (accessed 13 August 2017). (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 13 iyulya 2015 goda № 256-FZ «O vnesenii izmeneniya v stat'yu 7 Federal'nogo zakona “O garantiyakh prav korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoy Federatsii”» [Federal Law No. 256-FZ of July 13, 2015 «On Amendments to Article 7 of the Federal Law “On Guarantees of the Rights of Indigenous Peoples of the Russian Federation”»], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2015, no. 29, pt. 1, art. 4382. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 20 dekabrya 2004 goda № 166-FZ «O rybolovstve i sokhraneniі vodnykh biologicheskikh resursov» [Federal law from 20.12.2004 No. 166-ФЗ «Fishing and save of water biological resources»], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2004, no. 52, art. 5270. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 20 iyulya 2000 goda № 104-FZ «Ob obshchikh printsipakh organizatsii obshchin korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiyskoy Federatsii» (red. ot 28.12.2013) [Federal law from 20.07.2000 No. 104-ФЗ «Common principles of organization indigenous peoples of the North, Siberia and Further East of Russian Federation»], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2000, no. 30, art. 3122. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 24 iyulya 2009 goda № 209-FZ «Ob okhote i sokhraneniі okhotnich'ikh resursov i o vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii» [Federal law from 24.07.2009 No. 209-ФЗ «Hunting and save the hunting resources and changing in some of the legal acts of RF»], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2009, no. 30, art. 3735. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 30 aprelya 1999 goda № 82-FZ «O garantiyakh prav korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoy Federatsii» (red. ot 13.07.2015) [Federal law from 30.04.1999 No. 82-ФЗ «Rights guaranties of indigenous people in RF»], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 1999, no. 18, art. 2208. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 7 maya 2001 goda № 49-FZ «O territoriyakh traditsionnogo prirodopol'zovaniya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiyskoy Federatsii» (red. ot 31.12.2014) [Federal law from 07.05.2001 No. 49-ФЗ «Territories the traditional natural using of indigenous peoples of the North, Siberia and Further East of Russian Federation»], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2001, no. 20, art. 1972. (in Russ.).

Filippova N.A. *Tradicionnye jetnicheskie men'shinstva v sisteme publichnogo predstavitel'stva: razvitie pravovykh doktrin i praktik* [Traditional ethnic minorities in the system of public representation: development of legal doctrines and practician], V.N. Rudenko (ed.), *Arkticheskie regiony Rossii: Problemy parlamentarizma, predstavitel'stva i regional'noj identichnosti (ot rodovykh obshhin – k parlamentu Jamala) : sb. nauch. tr. po itogam nauch.-prakt. konf.*, Ekaterinburg, Salehard, Basko, 2013, pp. 87-97. (in Russ.).

Goskomissiya po razvitiyu Arktiki. Ministerstvo po delam Arktiki i sroki osvoeniya shel'fa [Governmental commission for development of Arctic. Ministry for the Arctic issue and the terms of development of the shelf], available at: URL: <https://www.arctic.gov.ru/News/a78eb363-1299-e511-80c4-c1ac42a78c23?nodeId=9ce9c1ed-d94b-e511-825f-10604b797c23&page=1&pageSize=10> (accessed 13 August 2017). (in Russ.).

Khabrieva T.Ya. *Ya na storone nauki* [I'm on the side of the science], available at: URL: <http://scientificrussia.ru/articles/ya-na-storone-nauki> (accessed 25 July 2017). (in Russ.).

Kharyuchi N.N. *Osobennosti organizatsii mestnogo samoupravleniya v munitsipal'nom obrazovanii Tazovskiy rayon* [Features of local authorities' organization in Tazovskiy rayon], *Obespechenie prav i svobod korennykh malochislennykh narodov Severa : materialy nauch.-prakt. seminara*, Tyumen, 2003, 68 p. (in Russ.).

Konovalov A.M. *Sistema gosudarstvennogo strategicheskogo planirovaniya razvitiya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii* [The system of governmental strategic planning

the development of Arctic zone of RF], *Nauka i transport. Morskoy i rechnoy transport*, 2013, no. 1 (5), pp. 57-63. (in Russ.).

Konventsia № 169 Mezhdunarodnoy organizatsii truda «O korennykh narodakh i narodakh, vedushchikh plemennoy obraz zhizni v nezavisimyykh stranakh» (Zaklyuchena v g. Zheneve 27 iyunya 1989 goda) [Convention No. 169 International labor organization About the indigenous people and people in tribal life in independent countries (Geneva 27.06.1989)], *Konventsii i rekomendatsii, prinyatyie Mezhdunarodnoy konferentsiey truda. 1957–1990*, Geneva, Mezhdunar. byuro truda, 1991, vol. 2, pp. 2193-2207. (in Russ.).

Konventsia Organizatsii Ob»edinennykh Natsiy po morskomu pravu (UNCLOS) (zaklyuchena v g. Montego-Bee 10.12.1982) (s izm. ot 23.07.1994) [UN Convention on the Law of the Sea (Monte-Be 10.12.1982)], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 1997, no. 48, art. 5493. (in Russ.).

Kryazhkov V.A. *Organy publichnoy vlasti i severnye narody: konstitutsionno-pravovye problemy otnosheniy v sfere soupravleniya*, 2010 [Bodies of public power and north peoples: constitutional problems of relationships in self-managed, 2010], available at: URL: <http://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/102100720> (accessed 10 August 2017). (in Russ.).

Kupryashkin Yu.V., Sivakov D.O. *Arkticheskiy vopros (geopoliticheskiy i pravovoy aspekty) : nauch.-prakt. posobie* [Arctic question (Geopolitic and legal aspects): science-practice book], Moscow, DiEmDzhiPrint, 2014, 119 p. (in Russ.).

Milliony dlya krasnokozhikh. Iz goda v god pravitel'stvu SSHA prikhoditsya plait' indeysam vse bolee krupnye kompensatsii [Millions for redskins. From year to year US Government has to pay to Indians bigger compensation], available at: URL: <https://lenta.ru/articles/2014/09/29/navajo/> (accessed 10 August 2017). (in Russ.).

Murashko O.A. *Etnoekologicheskiy refugium: kontseptsiya sokhraneniya traditsionnoy kul'tury i sredi obitaniya korennykh narodov Severa* [Ethic-ecological refugium : save conception of traditional culture and habitat of indigenous people of the North], *Etnograficheskoe obozrenie*, 1998, no. 5, pp. 83-94. (in Russ.).

Novikova N.A. *Korennyye narody rossiyskogo Severa i neftegazovyye kompanii: preodolenie riskov* [Indigenous Peoples of the Russian North and Oil and Gas Companies: Overcoming Risks], *Arktika: ekologiya i ekonomika*, 2013, no. 3 (11), pp. 102-110. (in Russ.).

Osnovy gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v Arktike na period do 2020 goda i dal'neyshuyu perspektivu (utv. Prezidentom RF 18.09.2008 № Pr-1969) [Basics of governmental policy in Russian Federation in Arctic on the period before 2020 and future perspectiv], available at: URL: <http://docs.cntd.ru/document/902149373> (accessed 13 August 2017). (in Russ.).

Pavlenko V.I., Melamed I.I., Kutsenko S. Yu., Avdeev M.A. *Formirovanie kontura arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii kak sub»ekta upravleniya* [Forming the border an arctic zone of Russian Federation as the regulation subject], *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, 2015, no. 4, pp. 5-11. (in Russ.).

Postanovlenie administratsii Nadym'skogo rayona ot 21 iyulya 2016 goda № 447 «O Sovete predstaviteley korennykh malochislennykh narodov Severa v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge pri glave munitsipal'nogo obrazovaniya Nadym'skiy rayon» [Decree of the Administration of Nadym District of July 21, 2016 No. 447 «On the Council of Representatives of Indigenous Peoples of the North in the Yamalo-Nenets Autonomous District with the Head of the Municipality of Nadym District»], available at: SPS Konsul'tant Plyus: Regional'noe zakonodatel'stvo. (in Russ.).

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 14 marta 2015 goda № 228 «Ob utverzhdenii Polozheniya o Gosudarstvennoy komissii po voprosam razvitiya Arktiki» [Decree of the Government of RF from 14.03.2015 No. 228 «Approval of the provision on the Governmental Comission

for issues of Arctic development»], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2015, no. 13, art. 1928. (in Russ.).

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 22 fevralya 1993 goda № 158 «Ob utverzhenii Polozheniya o Mezhhvedomstvennoy komissii po delam Arktiki i Antarktiki i personal'nogo sostava Komissii» (red. ot 11.10.2001) [Decree of the Government of RF from 22.02.1993 No. 158 «Approval of the provision on the interdepartmental Commission for Arctic and Antarctica affairs and personal staff of Commission»], *Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva Ros. Federatsii*, 1993, no. 9, art. 749. (in Russ.).

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29 aprelya 2002 goda № 281 «Ob obrazovanii Soveta po problemam Kraynego Severa i Arktiki pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii» [Decree of the Government of RF from 29.04.2002 No. 281 «Approval the Union on the problems of further North and Arctic by the Russian Federation Government»], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2002, no. 18, art. 1768. (in Russ.).

Postanovlenie Pravitel'stva YaNAO ot 29 fevralya 2016 goda № 153-P «Ob otdel'nykh voprosakh realizatsii Federal'nogo zakona ot 30 aprelya 1999 goda № 82-FZ «O garantiyakh prav korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoy Federatsii» (vmeste s «Tipovym poriyadkom formirovaniya sovetov predstaviteley korennykh malochislennykh narodov Severa v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge, sozdavaemykh pri glavakh munitsipal'nykh obrazovaniy v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge», «Tipovym polozheniem o sovetakh predstaviteley korennykh malochislennykh narodov Severa v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge, sozdavaemykh pri glavakh munitsipal'nykh obrazovaniy v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge», «Metodikoy otsenki effektivnosti deyatel'nosti sovetov predstaviteley korennykh malochislennykh narodov Severa v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge, sozdavaemykh pri glavakh munitsipal'nykh obrazovaniy v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge») (red. ot 16.12.2016) [Decree of the Government of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug of February 29, 2016 No. 153-P (as amended on December 16, 2016) «On certain issues related to the implementation of Federal Law No. 82-FZ of April 30, 1999 “On Guarantees of the Rights of Indigenous Peoples of the Russian Federation” (together with «Tipov the procedure for the formation of councils of representatives of indigenous minorities of the North in the Yamalo-Nenets Autonomous District», established under the heads of municipal entities in the Yamalo-Nenets Autonomous District, «The Model Provisions on Councils of Representatives of Indigenous Peoples of the North in the Yamalo-Nenets Autonomous Region Tonne District, created under the heads of municipal entities in the Yamalo-Nenets Autonomous District», «Methodology for assessing the effectiveness of the councils of representatives of indigenous minorities of the North in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, created under the heads of municipal entities in the Yamalo-Nenets Autonomous District»)], available at: SPS Konsul'tant Plyus: Regional'noe zakonodatel'stvo. (in Russ.).

Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 04 fevralya 2009 goda № 132-r «O Kontseptsii ustoychivogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiyskoy Federatsii» [Decree of the Government of RF from 04.02.2009 No. 132-p «Conception of sustainable development indigenous peoples of the North, Siberia and Further East of Russian Federation»], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2009, no. 7, art. 876. (in Russ.).

Serova N.A. *Mestnoe samoupravlenie v regionakh severa i Arktiki RF* [Local authorities in the regions of the North and Arctic], *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2015, no. 1-1. (in Russ.).

Sivakov D.O. *Pravo i Arktika: sovremennye problemy* [Law and Arctic: modern problems], *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Ekonomika i pravo*, 2009, no. 2, pp. 238-243. (in Russ.).

Sokolovskiy S.V. *Problemy samoopredeleniya i samoupravleniya korennykh narodov (obzor)* [The problems of self-determination and self-managed of indigenous people (review)], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2001, no. 2, pp. 17-30. (in Russ.).

Sovet upolnomochennykh predstaviteley korennykh malochislennykh narodov Nanayskogo rayona podvel itogi raboty [The Council of Authorized Representatives of Indigenous Minorities of the Nanai District summarized the results of the work], available at: URL: <http://akmns-khab.ru/2016/02/26> (accessed 20 August 2017). (in Russ.).

Tranin A.A. *Voprosy ekologicheskoy bezopasnosti khozyaystvennoy deyatel'nosti v Arkticheskoy zone Rossii i traditsionnoe prirodopol'zovanie korennykh malochislennykh narodov* [Questions of ecologic safe economic activity in Arctic zone of RF and traditional natural using of indigenous people], *Gosudarstvo i pravo*, 2011, no. 2, pp. 63-71. (in Russ.).

Ukaz Prezidenta RF ot 2 maya 2014 g. № 296 «About overland territories of the Arctic zone of the Russian Federation sukhoputnykh territoriyakh Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii» [Decree of the President of the Russian Federation on May 2, 2014 No. 296 On the land territories of the Arctic zone of the Russian Federation], available at: URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70547984/#ixzz54WH1BbUC> (accessed 13 August 2017). (in Russ.).

Ukaz Prezidenta RSFSR ot 28 noyabrya 1991 goda № 242 «O reorganizatsii tsentral'nykh organov gosudarstvennogo upravleniya RSFSR» (red. ot 18.12.1991, s izm. ot 27.03.1992) [Presidential decree from 28.11.1991 No. 242 «Reorganization central bodies of governmental power»], *Vedomosti Soveta narodnykh deputatov i Verkhovnogo Soveta RSFSR*, 1991, no. 48, art. 1696. (in Russ.).

Саленко А.В. Свобода мирных собраний и дети: законодательство и опыт России и Германии // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 1, с. 79–93.

УДК 341; 342.729; 340.5
DOI 10.17506/ryipl.2016.18.1.7993

СВОБОДА МИРНЫХ СОБРАНИЙ И ДЕТИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ОПЫТ РОССИИ И ГЕРМАНИИ¹

Александр Владимирович Саленко

кандидат юридических наук, магистр права
(LL.M., Геттингенский университет),
доцент кафедры международного и европейского права
Юридического института Балтийского федерального университета
имени Иммануила Канта, г. Калининград, Россия.
E-mail: ASalenko@kantiana.ru

Материал поступил в редколлегию 07.07.2017 г.

Автор осуществляет сравнительное конституционно-правовое исследование права публичных собраний Российской Федерации и Федеративной Республики Германия, в частности анализирует вопрос законности и допустимости участия детей в публичных мероприятиях. В статье исходя из материалов реальных дел, имевших место в России и Германии, приводятся встречные аргументы, связанные с возможностью несовершеннолетних граждан принимать участие в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетах, изучаются существующие международные стандарты свободы мирных собраний, а также национальное законодательство и правоприменительная практика по отношению к публичным мероприятиям, организаторами или участниками которых являются дети (граждане в возрасте до 18 лет). Автор подробно рассматривает существующие в российском и немецком законодательстве ограничения прав детей на участие в публичных мероприятиях. В частности, в Российской Федерации законом ограничивается право несовершеннолетних граждан выступать в роли организаторов трех видов публичных мероприятий – демонстраций, шествий и пикетирований; при этом в Германии в большинстве федеральных земель (в 13 из 16) действует лишь одно возрастное ограничение – функции дружинников публичного мероприятия могут выполнять исключительно совершеннолетние граждане; следует заметить, что в остальных трех землях – Нижней Саксонии, Саксонии-Анхальт и Шлезвиг-Гольштейне – вовсе не устанавливается никаких ограничений права детей на свободу мирных собраний. В статье отдельное внимание уделяется анализу положений российского образовательного права,

¹ Статья подготовлена при поддержке БФУ имени Иммануила Канта за счет средств субсидии, предоставленной по программе повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров – проект «5-100» (докторские гранты БФУ им. И. Канта по проекту «5-100»).

а именно изучается принцип политической нейтральности образования, в соответствии с которым образовательным организациям и их работникам запрещается всякая форма агитации как за участие, так и против участия в любых публичных мероприятиях. По итогам проведенного исследования автор обосновывает вывод о необходимости установления в российском законодательстве запрета вовлечения детей в несанкционированные публичные мероприятия, подчеркивая при этом, что данный запрет должен быть сформулирован в российском законодательстве (а именно в КоАП) в виде отдельной статьи, которая установит ответственность в целом за любое вовлечение несовершеннолетних лиц в участие в каких бы то ни было административных правонарушениях.

Ключевые слова: дети, несовершеннолетние граждане, конституционная дееспособность, митинги, демонстрации, шествия, пикетирования, собрания, свобода мирных собраний, право публичных собраний, дружинник, распорядитель, организатор публичного мероприятия, политическая нейтральность образования, Россия, Российская Федерация, Германия, Федеративная Республика Германия.

Одной из актуальных проблем современного права публичных собраний России стал вопрос о том, могут ли несовершеннолетние граждане выступать в роли субъекта свободы мирных собраний. Иначе говоря, могут ли дети принимать участие в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетах? Нужно ли каким-то особым образом регламентировать участие детей в публичных мероприятиях? Могут ли политики, политические партии призывать и привлекать к участию в массовых мероприятиях несовершеннолетних граждан России? Подобные вопросы недавно были поставлены Председателем Совета Федерации В.И. Матвиенко, которая не исключила того, что в ближайшее время в российское законодательство будут внесены изменения, направленные на запрет вовлечения в несанкционированные публичные мероприятия несовершеннолетних (Мисливская 2017). По сути аналогичное заявление сделала со своей стороны Уполномоченный по правам человека в России Т.Н. Москалькова, которая выступила с инициативой запрета на участие несовершеннолетних в акциях протеста: «Я поддерживаю ее (спикера Совета Федерации Валентины Матвиенко. – А.С.) общий тезис и попытку разработать дополнительные механизмы и инструментарий, с тем чтобы предупредить участие несовершеннолетних в акциях протеста». По мнению российского омбудсмена, люди, «которые еще не созрели в своих политических убеждениях, не должны стать объектами для манипуляции и провокации» (Исакова 2017). Можно сказать, что данные заявления, а также актуальные политические события в России обозначили несколько важных юридических вопросов, которые требуют дальнейшего изучения. В указанном отношении будет полезно детально исследовать обозначенные вопросы в более широком контексте, поэтому особенности реализации свободы мирных собраний несовершеннолетними лицами будут нами анализироваться на основе сравнения законодательства и правоприменительной практики Российской Федерации и Федеративной Республики Германии, а также исходя из существующих международных стандартов прав человека, которые являются обязательными для обеих стран.

Свобода мирных собраний и дети: международные стандарты.

В соответствии с основополагающим международным договором по правам человека – Конвенцией ООН о правах ребенка, которая была ратифицирована как Россией (Конвенция... 1990), так и Германией (UN-Kinderrechtskonvention 1990), – ребенком признается каждое человеческое существо в возрасте до 18 лет (Гаранина, Шакурова 2017: 113), если только по национальному закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее (ст. 1) (Брылева 2016: 100). Конвенция содержит ряд общих положений, в частности закрепляет, что ребенок имеет право свободно выражать свое мнение в устной, письменной или в иной форме по выбору самого ребенка (ч. 1 ст. 13). При этом государства должны уважать право ребенка на свободу мысли (ч. 1 ст. 14) и обеспечивать ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка. При этом взглядам ребенка необходимо уделять должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка (ч. 1 ст. 12). Помимо закрепления этих общих положений, Конвенция ООН о правах ребенка прямо признает право детей на свободу мирных собраний (ч. 1 ст. 15). Однако при этом следует отметить, что Конвенция ООН содержит также важную оговорку о том, что к осуществлению детьми права на свободу мирных собраний могут применяться ограничения, которые установлены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья или нравственности населения либо защиты прав и свобод других лиц. Таким образом, на основе интерпретации положений Конвенции ООН о правах ребенка можно сделать общий вывод о том, что право на свободу мирных собраний у детей есть, однако данное право не имеет абсолютного характера и при необходимости может быть соразмерно ограничено государством (Ризккинен 2016: 30).

Свобода мирных собраний и дети: российское законодательство.

Основой правового регулирования свободы мирных собраний в России является Конституция РФ (ст. 31), согласно которой граждане имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (Конституция... 1993). Таким образом, Основной закон РФ определяет российских граждан в качестве главного субъекта свободы мирных собраний. Однако при этом Конституция РФ не оговаривает никаких возрастных ограничений для осуществления данного политического права. Аналогичным образом никаких предписаний на этот счет не содержится в специальном нормативном правовом акте в сфере защиты прав детей – в Федеральном законе от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (Федеральный закон № 124-ФЗ, 1998). При этом незначительное количество ограничений прав несовершеннолетних лиц в исследуемой сфере можно найти в современном российском законодательстве о свободе мирных собраний, а именно в Федеральном законе от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (далее

указывается также и как Закон о собраниях) (Федеральный закон № 54-ФЗ, 2004), который закрепляет возрастные ограничения по отношению к организаторам публичных мероприятий. Например, организатором демонстраций, шествий и пикетирований может быть гражданин Российской Федерации, достигший возраста 18 лет, а организатором митингов и собраний могут выступать лица, достигшие возраста 16 лет (ч. 1 ст. 5). Иначе говоря, российский законодатель допускает возможность того, чтобы организаторами так называемых стационарных публичных мероприятий (митингов и собраний) выступали дети в возрасте с 16 до 18 лет. Здесь возникает обоснованный вопрос – почему пикеты, которые, по сути, представляют собой стационарные (проводимые без передвижения) публичные мероприятия, были исключены из числа тех, организаторами которых могут выступать несовершеннолетние граждане России? В этом отношении не до конца понятна логика законодателя и конечные цели используемого правового регулирования. Всеми прочими участниками публичного мероприятия, согласно действующим положениям российского Закона о собраниях (ч. 1 ст. 6), могут быть любые российские граждане (без возрастных ограничений), добровольно участвующие в нем. Данное положение полностью согласуется с положениями Конвенции ООН о правах ребенка 1989 года.

При рассмотрении вопроса об особенностях реализации права на свободу мирных собраний детьми следует также упомянуть еще один специальный закон, который частично регулирует данную сферу правоотношений, а именно Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (Федеральный закон № 273-ФЗ, 2012). В данном законе был фактически закреплен принцип политической нейтральности образовательных организаций, в соответствии с которым ни администрация, ни педагогические работники образовательных организаций не должны проводить политическую агитацию, а также не имеют права принуждать обучающихся к принятию политических убеждений либо отказу от них (ч. 3 ст. 48). Таким образом, федеральное законодательство прямо запрещает работникам образовательных организаций проводить агитацию как за участие, так и против участия в публичных мероприятиях. Следовательно, исходя из принципов политической нейтральности образования и идеологической нейтральности институтов конституционного дизайна (Степанов 2017: 46), можно сделать вывод о том, что решение об участии или неучастии в любом публичном мероприятии несовершеннолетние граждане России должны принимать только под контролем родителей или иных законных представителей, которые до достижения совершеннолетия несут за них ответственность. Таким образом, основываясь на действующих требованиях Закона об образовании, российские образовательные организации могут только лишь проводить среди обучающихся несовершеннолетних граждан разъяснительную работу об особенностях законодательства о свободе собраний и существующих мерах ответственности за его нарушение. Например, такая разъяснительная работа среди обучающихся по неюридическим специальностям может быть организована либо в рамках спецкурсов, таких как «Правоведение», «Основы правовых знаний»,

либо исключительно в формате факультативов и кружков, участие в которых всегда должно быть добровольным.

Современная правоприменительная практика показывает, что не всегда педагогические работники должным образом выполняют свои обязанности. К сожалению, распространены случаи, когда педагогические работники ведут политическую агитацию среди несовершеннолетних, заставляют участвовать или, наоборот, порицают их за участие в публичных мероприятиях, а иногда прямо угрожают детям отчислением из образовательной организации и даже изъятием из семьи с последующим помещением в детский дом («Была чрезмерно эмоциональна...»). Подобные нарушения образовательного законодательства недопустимы; каждый такой случай давления, угроз или политической пропаганды (вне зависимости от ее направленности) должен выявляться и подлежать тщательной проверке с последующим привлечением к ответственности виновных педагогических работников. Представляется, что время для возрождения в законодательстве архаичных по своей природе ограничений свободы мирных собраний по признаку возраста уже давно прошло. В свое время в Российском государстве действовали Временные правила о собраниях, утвержденные Императорским указом от 4 марта 1905 года, согласно которым к участию в собраниях не допускались учащиеся низших и средних заведений, а также малолетние дети. Отечественная история убедительно показала, что данные меры были неэффективны, не оправдали себя.

По нашему мнению, современный Федеральный закон об образовании содержит в себе оптимальное правовое регулирование, которое сводится к принципу политической нейтральности российского образования: все без исключения образовательные организации должны быть вне политики. В настоящий момент следует лишь обеспечить на практике эффективную реализацию данного принципа. Таким образом, подводя некоторый промежуточный итог, можно констатировать, что действующее российское законодательство содержит одно единственное ограничение права детей на свободу мирных собраний – в отношении организации отдельных видов публичных мероприятий, а именно демонстраций, шествий и пикетирования, которые несовершеннолетние граждане могут организовывать исключительно начиная с 18-летнего возраста.

Свобода мирных собраний и дети: немецкое законодательство.

В свое время в Федеративной Республике Германии среди юристов также возникла полемика относительно допустимости участия детей и молодежи в публичных мероприятиях. При этом в центре внимания оказывался вопрос о том, в каком же возрасте наступает так называемая конституционная дееспособность (*Grundrechtsmündigkeit*) (Brenneisen, Wilksen 2011: 90–91). По сути, можно констатировать два основных подхода к решению этого вопроса, которые существуют в современной немецкой конституционно-правовой доктрине. Согласно первому подходу у конституционной дееспособности нет четкой «возрастной границы», поскольку она имеет плавающий характер и наступает в зависимости от степени индивидуальной зрелости ребенка (*gleitende Altersgrenze*). В соответствии со вторым подходом

в конституционном законодательстве должна быть прямо зафиксирована «возрастная граница» (*starre Altersgrenze*), определяющая конкретный возраст ребенка, с которого допустимо осуществлять политические права. Сторонники последнего подхода часто используют аналогию из сферы немецкого гражданского права, которое, также как и в России, тщательным образом регламентирует гражданскую дееспособность несовершеннолетних лиц, подразделяя последних на группы малолетних лиц (до 14 лет) и несовершеннолетних лиц в возрасте от 14 до 18 лет. Однако, пока эти теоретические споры разворачивались на страницах научной литературы, немецкое законодательство установило минимальные возрастные ограничения в отношении практической реализации права на свободу мирных собраний, которые закрепляются в статье 8 Основного закона Германии (далее также указывается как ОЗГ). В частности, можно назвать лишь одно возрастное ограничение, зафиксированное в абзаце 2 § 9 Федерального закона ФРГ о собраниях (*Gesetz über Versammlungen und Aufzüge (Versammlungsgesetz)*, 1978), а именно относительно возраста так называемых дружинников (*Ordner*), в качестве которых могут выступать исключительно совершеннолетние граждане ФРГ. Аналогичное ограничение возраста дружинников содержится только в двух немецких региональных законах, а именно в части 2 ст. 2 регионального закона о свободе собраний федеральной земли Свободное государство Бавария (*Freistaat Bayern*), который вступил в силу с 1 октября 2008 г. (*Bayerisches Versammlungsgesetz (BayVersG)*, 2008), и в части 1 § 8 закона о свободе собраний федеральной земли Свободное государство Саксония (*Freistaat Sachsen*), который вступил в силу 2 февраля 2012 г. (*Gesetz über das Sächsische Versammlungsgesetz*, 2012). Относительно организатора (*Veranstalter*), руководителя (*Leiter*) или отдельных участников (*Teilnehmer*) публичного мероприятия федеральное и региональное законодательство Германии о свободе собраний не содержит никаких дополнительных возрастных ограничений субъектов свободы мирных собраний. В остальных трех земельных законах о свободе собраний, которые были приняты в Нижней Саксонии, Саксонии-Анхальт и Шлезвиг-Гольштейне, вовсе не было установлено ограничение возраста дружинников. В целом можно сделать общий вывод о том, что в вышеназванных трех федеральных землях Германии не предусматривается совсем никаких возрастных ограничений при реализации права на свободу мирных собраний. Таковы главные итоги реформы германского федерализма 2006 г. (Сыманюк 2014: 110), в результате которой законотворческая компетенция в сфере правового регулирования публичных собраний была децентрализована и полностью передана в ведение федеральных земель (п. 3 ч. 1 ст. 73 ОЗГ) (Adey 2016: 10; Kempny 2014: 191; Papier 2016:1417). Исходя из нового распределения законодательной компетенции, федеральный закон о свободе собраний продолжает свое действие исключительно в тех субъектах Федерации (федеральных землях), которые пока еще не издали собственных законов о свободе собраний (см. ч. 1 ст. 125а ОЗГ) (Scheidler 2008: 151-153). Поэтому можно прийти к заключению, что в современной Германии в тринадцати из шестнадцати федеральных земель действует лишь одно возрастное

ограничение: дружинниками на публичных мероприятиях должны выступать совершеннолетние граждане ФРГ (Hanschmann 2009: 389); в трех же федеральных землях Германии – Нижней Саксонии, Саксонии-Анхальт и Шлезвиг Гольштейне – не оговаривается вообще никаких возрастных ограничений для субъектов права на свободу мирных собраний. Применяя телеологическое толкование современного немецкого федерального и земельного законодательства о свободе мирных собраний, анализируя его логику и общую направленность, можно сделать вывод о том, что немецкие законодатели стремились к тому, чтобы не создавать избыточных возрастных ограничений для осуществления данной конституционной свободы, которая, по сути, представляет собой коллективную форму реализации свободы слова и мнений.

* * *

Подводя общий итог нашего сравнительно-правового исследования, можно сделать несколько выводов. Во-первых, анализируя действующее российское законодательство о свободе собраний в общем контексте с правом публичных собраний ФРГ, можно прийти к заключению, что отечественный подход к правовому регулированию возраста участников публичных мероприятий имеет логичный и вполне сбалансированный характер. В этой связи сейчас не усматривается острой необходимости в том, чтобы ввести в российское законодательство дополнительные возрастные ограничения для отдельных субъектов свободы мирных собраний. В современном законодательстве было бы правильным лишь конкретизировать возраст так называемых распорядителей, то есть тех лиц, которые уполномочены инициатором публичного мероприятия выполнять функции по его организации и проведению (п. 3 ч. 3 ст. 5 Закона о собраниях). В этом отношении можно было бы применить аналогию права из немецкого законодательства о свободе мирных собраний, которое устанавливает 18-летний возраст дружинников на публичном мероприятии. Во-вторых, следует учитывать особую конституционно-правовую природу свободы мирных собраний, которая по своей сути является коллективной формой выражения свободы мысли, слова и мнения; она представляет собой так называемую чистую демократию (Руденко 2012: 120). Отечественным правоведам была бы интересна немецкая конституционно-правовая доктрина, которая квалифицирует право на свободу мирных собраний в качестве одного из коммуникационных прав и свобод человека (*Kommunikationsgrundrechte*) (Blanke, Sterzel 1981: 347). Наряду со свободой мирных собраний (*Versammlungsfreiheit*) немецкая наука конституционного права относит в данную группу фундаментальных прав и свобод человека также свободу мнений и свободу информации (данные два права составляют так называемую коммуникационную свободу в узком смысле слова – *Kommunikationsfreiheit*), свободу средств массовой информации (*Medienfreiheit: Rundfunk-, Presse- und Filmfreiheit*), свободу искусства (*Kunstfreiheit*), научную и академическую свободу (*Forschungsfreiheit und akademische Freiheit*), свободу ассоциаций и коалиций (*Vereinigungs- und Koalitionsfreiheit*), а также свободу мысли, совести и религии (*Gedanken-*

Gewissens- und Religionsfreiheit) (Haselhaus, Nowak 2006: 297-693; Hillgruber 2016: 495; Leisner 2015: 31). Таким образом, исходя из фундаментального характера конституционной свободы мирных собраний, можно сделать основанный на буквальном толковании ст. 31 Конституции РФ вывод о том, что право на реализацию свободы мирных собраний принадлежит каждому гражданину Российской Федерации вне всякой зависимости от возраста (Карасев, Жилина: 10). Руководствуясь аналогичным заключением, немецкие конституционалисты приводят в качестве примера публичные мероприятия, которые проходили в числе прочего с участием малолетних детей; в частности речь идет о многочисленных публичных акциях в ФРГ, когда родители выражали протест против увеличения платы за детские сады, а также против закрытия детских садов и увольнения их персонала. Разумеется, что на данных акциях протеста родители были со своими детьми, в частности и с младенцами грудного возраста. При этом, исходя из фундаментального смысла конституционного права на свободу мирных собраний, родители были полностью управомочены на то, чтобы участвовать в публичных мероприятиях вместе со своими детьми даже самого малого возраста (Brenneisen, Wilksen 2011: 90). Конечно, данный пример публичных мероприятий имеет весьма определенный тематический характер, который напрямую затрагивает социальные и экономические права родителей и детей. Однако следует заметить, что конституционно-правовые нормы и России, и Германии не содержат в себе никаких ограничений относительно тематики публичных мероприятий. В этом отношении действует достаточно простой принцип, согласно которому участие в публичной акции любой тематики, прямо не запрещенной законами государства, является допустимым для всех граждан, в том числе и для несовершеннолетних лиц. Поэтому, выдвигая предложения по ограничению конституционной свободы на мирные собрания в зависимости от возраста отдельных участников мероприятия, важно учитывать следующее важное обстоятельство: зачастую начиная с 16-летнего возраста дети обретают полную дееспособность и вследствие этого могут работать по трудовому договору, осуществлять предпринимательскую деятельность, вступать в брак и т.д. В этой связи не представляется целесообразным введение каких-либо дополнительных ограничений свободы мирных собраний несовершеннолетних граждан Российской Федерации.

В то же время можно констатировать, что сегодня назрела необходимость законодательных мер, направленных на предотвращение вовлечения детей в несанкционированные публичные мероприятия. Однако при этом было бы ошибочно действовать избирательно, устанавливая ответственность лишь «точечным образом», а именно за вовлечение детей в совершение только отдельных составов административных правонарушений, предусмотренных статьями 20.2, 20.2.2 КоАП. В этом отношении необходимо применить принципиально иной способ правового регулирования: следует действовать шире, применяя аналогию правового регулирования из сферы уголовного права (см. ст. 150 УК). В административном законодательстве необходимо предусмотреть отдельную статью, которая установит ответственность за вовлечение несовершеннолетних лиц в совершение

любых административных правонарушений. Как это ни странно, однако в современном российском административном праве именно такое положение до сих пор отсутствует. К сожалению, пока законодатель предпочитает действовать бессистемно и избирательно; в частности, законотворчество идет по пути установления так называемых «точечных ограничений». Например, в административном праве устанавливается «точечный запрет» на вовлечение несовершеннолетних в употребление алкогольной продукции и иных одурманивающих веществ (ст. 6.10 КоАП) или, например, устанавливается запрет на вовлечение несовершеннолетних лиц в процесс потребления табака (ст. 6.23 КоАП). Всего в Кодексе об административных правонарушениях РФ насчитывается пять составов административных правонарушений, которые содержат запреты на прямое или косвенное вовлечение несовершеннолетних в осуществление отдельных административных правонарушений (ст. 6.10, 6.20, 6.21, 6.23, 20.22 КоАП). В этой связи возникает логичный вопрос, нужно ли продолжать подобное «точечное правовое регулирование»? Неужели, если руководствоваться логикой законодателя, во все остальные виды правонарушений (кроме прямо обозначенных) детей вовлекать можно? Или все же необходимо бороться в целом с любым вовлечением детей в совершение административных правонарушений? Таким образом, в настоящий момент отечественному законодателю нужно создать правовую основу для борьбы в широком смысле за права детей – для того, чтобы можно было успешно противодействовать всем формам и видам вовлечения несовершеннолетних в любую противоправную деятельность, совершаемую в виде административных правонарушений. При этом нельзя ограничиваться малоэффективной «точечной борьбой», как это происходит сейчас, когда звучат призывы к установлению дополнительных санкций за вовлечение детей к участию в публичных мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка их организации (Гриценко и др. 2014). Таким образом, рассматривая вопросы введения потенциальных возрастных ограничений, следует учитывать высокое конституционно-правовое значение свободы мирных собраний, которая по сути представляет собой один из важнейших элементов механизма непосредственной демократии, так как благодаря именно ей граждане могут в любой момент прямо выразить свои взгляды и донести их до сведения политиков, не дожидаясь очередных избирательных или референдумных кампаний (Саликов 2016: 47). В этой связи любое возможное ограничение конституционного права граждан на свободу мирных собраний (включая также ограничения по признаку возраста) должно иметь исключительно взвешенный, пропорциональный и оправданный характер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Брылева Е.А. 2016. Ребенок, дети, несовершеннолетние в современной России: различаются ли они при определении их правового статуса // Мир политики и социологии. № 9. С. 99-108.

«Была чрезмерно эмоциональна». Учителя, грозившего ученику детдомом из-за участия в митинге 26 марта, наказывать не стали [Электронный ресурс] //

Информационное агентство «Znak». URL: https://www.znak.com/2017-06-06/uchitelya_grozivshogo_ucheniku_detdomom_iz_za_uchastiya_v_mitinge_26_marta_nakazyvat_ne_stali (дата обращения: 30.06.2017).

Гаранина И.Г., Шакурова Г.З. 2017. Определение понятия «молодежь», его разграничение от понятий «дети» и «несовершеннолетний» // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции. № 4 (55). С. 113-119.

Гриценко Е.В. и др. 2014. Новеллы законодательства о свободе публичных мероприятий: режим конституционной свободы / Е.В. Гриценко, С.В. Елисеева, А.О. Иванов, О.А. Кудряшова // Конституц. и муницип. право. № 1. С. 22-31.

Карасев А.Т., Жилина М.Л. 2010. Некоторые аспекты ограничения политических прав и свобод граждан // Изв. высш. учеб. заведений. Уральский регион. № 1. С. 8-13.

Мисливская Г. 2017. Матвиенко рассказала о возможном запрете на участие детей в митингах [Электронный ресурс] // Рос. газ. 24 мая. URL: <https://rg.ru/2017/05/24/matvienko-rasskazala-o-vozmozhnom-zaprete-na-uchastie-detej-v-mitingah.html> (дата обращения: 30.06.2017).

Исакова А. 2017. Москалькова поддержала запрет на участие подростков в акциях протеста [Электронный ресурс] // ТАСС : Информ. агентство России. 23 мая. URL: <http://tass.ru/politika/4273167> (дата обращения: 30.06.2017).

Ризькин М.А. 2016. Ограниченные политические права несовершеннолетних: теоретико-правовые основы, международные стандарты и опыт РФ // Lex Russica. № 2 (111). С. 29-39.

Руденко В.Н. 2012. «Чистая демократия» и ее атрибуты // Сиб. филос. журн. Т. 10, № 3. С. 120-126.

Саликов М.С. 2016. Избирательный цикл 2011–2016 гг.: первичный анализ правового регулирования и правоприменения // Конституц. и муницип. право. № 12. С. 47-50.

Сыманюк Н.В. 2014. Эволюция и формы конституционно-правового регулирования порядка распределения компетенции в федеративных системах России и Германии // Рос. право: образование, практика, наука. № 2 (83). С. 108-113.

Степанов Д.И. 2017. Идеологическая нейтральность институтов конституционного дизайна // Сравн. конституц. обозрение. № 3 (118). С. 46-70.

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с поправками) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 30.06.2017).

Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс]. Одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г. Вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г. Вступила в силу для России с 15 сентября 1990 г. Конвенция ратифицирована постановлением ВС СССР от 13.06.1990 г. № 1559-1. URL: <http://base.garant.ru/2540422/> (дата обращения: 30.06.2017).

Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ (ред. от 01.05.2017) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://dokumenty24.ru/zakony-rf/zakon-ob-obrazovanii-v-rf.html> (дата обращения: 30.06.2017).

Федеральный закон от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12135831/> (дата обращения: 30.06.2017).

Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/179146/> (дата обращения: 30.06.2017).

Aden H. 2016. Versammlungsfreiheit – zehn Jahre nach der Föderalismusreform. Entwicklungstrends und verpasste Chancen. Vorgänge // Zeitschrift für Bürgerrechte und Gesellschaftspolitik. Jg. 55. № 213, heft 1. S. 7-18.

Blanke T., Sterzel D. 1981. Demonstrationfreiheit – Geschichte und demokratische Funktion // Kritische Justiz (KJ). Jg. 14. Heft 4. S. 347-369.

Brenneisen H. Wilksen M. 2011. Versammlungsrecht. Das hoheitliche Eingriffshandeln im Versammlungsgeschehen. Aufl. 4. Bonn. 635 s.

Hanschmann F. 2009. Demontage eines Grundrechts – Zur Verfassungsmäßigkeit des Bayerischen Versammlungsgesetzes // Die Öffentliche Verwaltung (DÖV). Mai. Heft 10. S. 389-399.

Haselhaus F. Nowak C. 2006. Handbuch der Europäischen Grundrechte. München : Verlag C.H. Beck ; Wien : Linde Verlag ; Bern : Verlag Stampfli & Cie AG. 1812 s.

Hillgruber C. 2016. Die Meinungsfreiheit als Grundrecht der Demokratie. Der Schutz des demokratischen Resonanzbodens in der Rechtsprechung des BVerfG // Juristen Zeitung (JZ). Mai. Bd. 71, heft 10. S. 495-507.

Kempny S. 2014. Rechtfertigungslast für unterschiedliche (Versammlungs-) Gesetze der Länder // Neue Zeitschrift für Verwaltungsrecht (NVwZ). Heft 10. S. 191-194.

Leisner W. 2015. „Straßendemokratie“ – Aufstand oder Widerstand? Hoffnung oder Gefahr? // Neue Zeitschrift für Verwaltungsrecht (NVwZ). Heft 1-2. S. 31-34.

Papier H.-J. 2016. Aktuelle Probleme des Versammlungsrechts // Deutsches Verwaltungsblatt (DVBl). Bd. 131, heft 22. S. 1417-1422.

Scheidler A. 2008. Änderung der Gesetzgebungskompetenz im Versammlungsrecht – Erste Aktivitäten der Länder // Zeitschrift für Rechtspolitik. Heft 5. S. 151-153.

Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23. Mai 1949 (BGBl. S. 1), zuletzt geändert durch Artikel 1 des Gesetzes vom 23.12.2014 (BGBl. I S. 2438) [Электронный ресурс] // Deutscher Bundestag. URL: <https://www.bundestag.de/grundgesetz> (дата обращения: 12.05.2017).

UN-Kinderrechtskonvention – Übereinkommen über die Rechte des Kindes. Bekanntmachung vom 10. Juli 1992 – BGBl. II S. 990 (Конвенция о правах ребенка подписана ФРГ 26.01.1990 г., одобрена Бундестагом и Бундесратом 17.02.1992 г. и вступила в силу для ФРГ 5 апреля 1992 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://zozukqw.stadt-brandenburg.de/fileadmin/pdf/51/Kinderschutz/UN-Kd_rechts_konvention.pdf (дата обращения: 12.05.2017).

Gesetz über Versammlungen und Aufzüge (Versammlungsgesetz) in der Fassung der Bekanntmachung vom 15.11.1978 (BGBl. I S. 1790) zuletzt geändert durch Gesetz vom 08.12.2008 (BGBl. I S. 2366) m.W.v. 11.12.2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/versammlg/gesamt.pdf> (дата обращения: 30.06.2017).

Bayerisches Versammlungsgesetz (BayVersG) vom 22. Juli 2008 (GVBl. S. 421, BayRS 2180-4-I), das zuletzt durch § 1 des Gesetzes vom 23. November 2015 (GVBl. S. 410) geändert worden ist [Электронный ресурс]. URL: <http://gesetze-bayern.de> (дата обращения: 30.06.2017).

Gesetz über das Sächsische Versammlungsgesetz und zur Änderung des Polizeigesetzes des Freistaates Sachsen vom 25. Januar 2012 [Электронный ресурс] // Sächsisches Gesetz- und Verordnungsblatt. 2012. № 2. S. 54. URL: <http://www.sachsen-gesetze.de> (дата обращения: 30.06.2017).

A.Salenko.Svobodamirnykhsobraniyideti:zakonodatel'stvo i opyt Rossii i Germanii [Freedom of peaceful assembly and children: law and practice of Russia and Germany], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 79–93. (in Russ.).

Alexander V. Salenko, Candidate of Law, Master of Law (LL.M., Göttingen), Associated Professor, Department of International and European Law, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia. E-mail: ASalenko@kantiana.ru

Article received 07.07.2017, accepted 05.09.2017, available online 01.04.2018

FREEDOM OF PEACEFUL ASSEMBLY AND CHILDREN: LAW AND PRACTICE OF RUSSIA AND GERMANY

Abstract. This article provides the comparative constitutional research of the Public Assembly Law in Germany and Russia. In particular, the author examines constitutionality and permissibility of children's participation in public assemblies. Using examples of real cases from Germany and Russia, the author considers conflicting views regarding participation and non-participation of minors in the different type of political rallies, such as assemblies, meetings, demonstrations, marches, and pickets. The article systematically reviews the existing international standards on freedom of peaceful assembly, relevant domestic legislation and legal practice with regard to public events with the participation of children (i.e. citizens under 18 years of age). The author focuses on restrictions existing in German and Russian laws concerning children's participation in public assemblies. In particular, the Russian Public Assembly Law limits the rights of minor children to organize three types of the public events (demonstration, march, picket). The German legislation – in the vast majority of the federal states (Bundesländer) – contains a clause, which states that as the marshal (Ordner) must act only adult citizens; however, it should be noted that in remaining three federal states (Bundesländer) – Lower Saxony, Saxony-Anhalt and Schleswig-Holstein – there are no limits on children's freedom of the peaceful assembly. Special attention is given to the analysis of the provisions of the Russian educational law; in particular, the author investigates the principle of political neutrality of education and professionalism. According to this fundamental principle, any form of political agitation and campaigning is categorically prohibited in educational organizations; their workers are not allowed to advocate either for or against participation (non-participation) in any type of public assemblies. Based on comparative research, the author provides recommendations to prohibit involvement of children into so-called unauthorized public assemblies. However, the author stresses that this ban should be established in the Russian Law (namely, in the Russian Code of Administrative Offences) in the separate article, which would assign general liability for any involvement of minors in any type of administrative offences (not limited merely to prohibition children's involvement in so-called unauthorized public assemblies only).

Keywords: children, minors, constitutional capacity, Grundrechtsmündigkeit, assemblies, meetings, demonstrations, marches, pickets, freedom of peaceful assembly, public

assembly law, public event organizer, marshal, Ordner, political neutrality of education, Germany, Russia, Federal Republic of Germany, Russian Federation.

References

Aden H. *Versammlungsfreiheit – zehn Jahre nach der Föderalismusreform. Entwicklungstrends und verpasste Chancen. Vorgänge* [Freedom of assembly – ten years after the federalism reform. Development trends and missed opportunities], *Zeitschrift für Bürgerrechte und Gesellschaftspolitik*, 2016, annual set (vol.) 55, no. 213, iss. 1, pp. 7-18. (in German).

Bayerisches Versammlungsgesetz (BayVersG) vom 22. Juli 2008 (GVBl. S. 421, BayRS 2180-4-I), das zuletzt durch § 1 des Gesetzes vom 23. November 2015 (GVBl. S. 410) geändert worden ist [The Bavaria Law concerning Assemblies and Processions from 22.06.2008, amended by law from 23.11.2015], available at: URL: <http://gesetze-bayern.de> (accessed 30 June 2017). (in German).

Blanke T., Sterzel D. *Demonstrationsfreiheit – Geschichte und demokratische Funktion* [Freedom of assembly – History and democratic function], *Kritische Justiz (KJ)*, 1981, annual set (vol.) 14, iss. 4, pp. 347-369. (in German).

Brenneisen H. Wilksen M. *Versammlungsrecht. Das hoheitliche Eingriff shandeln im Versammlungsgeschehen* [Freedom of assembly. sovereign interference into public events], 4th ed., Bonn, 2011, 635 p. (in German).

Bryleva E.A. *Rebenok, deti, nesovershennoletnie v sovremennoy Rossii: razlichayutsya li oni pri opredelenii ikh pravovogo statusa* [Child, children, minors in the modern Russia: is there any difference by the definition of their legal status], *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, no. 9, pp. 99-108. (in Russ.).

«Byla chrezmerno emotsional'na». *Uchitelya, grozivshego ucheniku detdomom iz-za uchastiya v mitinge 26 marta, nakazyvat' ne stali* [«She was excessively emotional». Teacher who has threatened a pupil with placement in children's home was not punished], *Informatsionnoe agentstvo «Znak»*, available at: URL: https://www.znak.com/2017-06-06/uchitelya_grozivshego_ucheniku_detdomom_iz_za_uchastiya_v_mitinge_26_marta_nakazyvat_ne_stali (accessed 7 July 2017). (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 19 iyunya 2004 goda № 54-FZ «O sobraniyakh, mitingakh, demonstratsiyakh, shestviyakh i piketirovaniyakh» (s izm. i dop.) [Federal Law from 19.06.2004 No 54-FZ «About assemblies, meetings, demonstrations, marches and pickets»], available at: URL: <http://base.garant.ru/12135831/> (accessed 30 June 2017). (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 24 iyulya 1998 goda № 124-FZ (red. ot 28.12.2016) «Ob osnovnykh garantiyakh prav rebenka v Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law from 24.07.1998 No 124-FZ «About fundamental guarantees of children's rights in the Russian Federation»], available at: URL: // <http://base.garant.ru/179146/> (accessed 30 June 2017). (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 29 dekabrya 2012 goda № 273-FZ (red. ot 01.05.2017) «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law from 29.12.2012 No 273-ФЗ «On Education in the Russian Federation»], available at: <https://dokumenty24.ru/zakony-rf/zakon-ob-obrazovanii-v-rf.html> (accessed 30 June 2017). (in Russ.).

Garanina I.G., Shakurova G.Z. *Opredelenie ponyatiya «molodezh'», ego razgranichenie ot ponyatiy «deti» i «nesovershennoletniy»* [Definition of «youth» and its difference from definitions «children» and «minors»], *Nauchnaya diskussiya: voprosy yurisprudentsii*, 2017, no. 4 (55), pp. 113-119. (in Russ.).

Gesetz über das Sächsische Versammlungsgesetz und zur Änderung des Polizeigesetzes des Freistaates Sachsen vom 25. Januar 2012 [Saxon Law concerning Assemblies and Processions from 25.01.2012], *Sächsisches Gesetz- und Verordnungsblatt*, 2012, no. 2, pp. 54, available at: URL: <http://www.sachsen-gesetze.de> (accessed 30 June 2017). (in German).

Gesetz über Versammlungen und Aufzüge (Versammlungsgesetz) in der Fassung der Bekanntmachung vom 15.11.1978 (BGBl. I S. 1790) zuletzt geändert durch Gesetz vom 08.12.2008 (BGBl. I S. 2366) m.W.v. 11.12.2008 [German Federal Law concerning Assemblies and Processions from 15.11.1978, as amended by the federal law on 08.12.2008 and 11.12.2008], available at: URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/versammlg/gesamt.pdf> (accessed 30 June 2017). (in German).

Gritsenko E.V., Eliseeva S.V., Ivanov A.O., Kudryashova O.A. *Novelly zakonodatel'stva o svobode publichnykh meropriyatiy: rezhim konstitutsionnoy svobody* [The amendments to public events legislation: regime of the constitutional freedom], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2014, no. 1, pp. 22-31. (in Russ.).

Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23. Mai 1949 (BGBl. S. 1), zuletzt geändert durch Artikel 1 des Gesetzes vom 23.12.2014 (BGBl. I S. 2438) [Basic Law of the Federal Republic of Germany from 23rd May 1949], *Deutscher Bundestag*, available at: URL: <https://www.bundestag.de/grundgesetz> (accessed 12 May 2017). (in German).

Hanschmann F. *Demontage eines Grundrechts – Zur Verfassungsmäßigkeit des Bayerischen Versammlungsgesetzes* [Disassembly of the fundamental right – Constitutionality of the Bavaria Law concerning Assemblies and Processions], *Die Öffentliche Verwaltung (DÖV)*, 2009, iss. 10, May, pp. 389-399. (in German).

Haselhaus F. Nowak C. *Handbuch der Europäischen Grundrechte* [Compendium of the European fundamental rights], Munich, Verlag C.H. Beck, Vienna, Linde Verlag, Bern, Verlag Stampfli & Cie AG, 2006, 1812 p. (in German).

Hillgruber C. *Die Meinungsfreiheit als Grundrecht der Demokratie. Der Schutz des demokratischen Resonanzbodens in der Rechtsprechung des BVerfG* [Freedom of Speech as democratic fundamental right], *Juristen Zeitung (JZ)*, 2016, vol. 71, iss. 10, May, pp. 495-507. (in German).

Isakova A. *Moskal'kova podderzhala zapret na uchastie podrostkov v aktsiyakh protesta* [Moskal'kova supported the ban of the adolescent and youth participation in public protest actions], *TASS : Informatsionnoe agentstvo Rossii*, 2017, 23 May, available at: URL: <http://tass.ru/politika/4273167> (accessed 7 July 2017). (in Russ.).

Karasev A.T., Zhilina M.L. *Nekotorye aspekty ogranicheniya politicheskikh prav i svobod grazhdan* [Selected aspects of restrictions of political rights and freedoms of citizens], *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedeniy. Ural'skiy region*, 2010, no. 1, pp. 8-13. (in Russ.).

Kempny S. *Rechtfertigungslast für unterschiedliche (Versammlungs-) Gesetze der Länder* [Justification of different laws of german states ('bundesländer') concerning Assemblies and Processions], *Neue Zeitschrift für Verwaltungsrecht (NVwZ)*, 2014, iss. 10, pp. 191-194. (in German).

Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s popravkami) [Constitution of the Russian Federation], available at: URL: <http://base.garant.ru/10103000/> (accessed 30 June 2017). (in Russ.).

Konventsia o pravakh rebenka. Odobrena General'noy Assambleey OON 20.11.1989 g. Vstupila v silu dlya SSSR 15 sentyabrya 1990 g. Vstupila v silu dlya Rossii s 15 sentyabrya 1990 g. Konventsia ratifitsirovana postanovleniem VS SSSR ot 13.06.1990 g. № 1559-I [Convention on the Rights of the Child. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 44/25 of 20.11.1989, entry into force for Russia and Soviet Union 15.09.1990], available at: URL: <http://base.garant.ru/2540422/> (accessed 30 June 2017). (in Russ.).

Leisner W. „Straßendemokratie“ – *Aufstand oder Widerstand? Hoffnung oder Gefahr?* [“Street democracy” – uprising or resistance? hope or danger?], *Neue Zeitschrift für Verwaltungsrecht (NVwZ)*, 2015, iss. 1-2, pp. 31-34. (in German).

Mislivskaya G. *Matvienko rasskazala o vozmozhnom zaprete na uchastie detey v mitingakh* [Matvienko told about possible ban of children's participation in meetings], *Rossiyskaya gazeta*, 2017, 24 May, available at: URL: <https://rg.ru/2017/05/24/matvienko-rasskazala-o-vozmozhnom-zaprete-na-uchastie-detej-v-mitingah.html> (accessed 7 July 2017). (in Russ.).

Papier H.-J. *Aktuelle Probleme des Versammlungsrechts* [Actual problems of freedom of assembly law], *Deutsches Verwaltungsblatt (DVBl)*, 2016, vol. 131, iss. 22, pp. 1417-1422. (in German).

Riekkinen M.A. *Ogranichennye politicheskie prava nesovershennoletnikh: teoretiko-pravovye osnovy, mezhdunarodnye standarty i opyt RF* [Limited political rights of minors: legal and theoretical foundations, international standards and experience of the Russia], *Lex Russica*, 2016, no. 2 (111), pp. 29-39. (in Russ.).

Rudenko V.N. «*Chistaya demokratiya*» i ee atributy [«Pure democracy» and its attributes], *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*, 2012, vol. 10, no. 3, pp. 120-126. (in Russ.).

Salikov M.S. *Izbratel'nyy tsikl 2011–2016 gg.: pervichnyy analiz pravovogo regulirovaniya i pravoprimeneniya* [Electoral cycle 2011 – 2016: first analyses of the legal regulation and law enforcement], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2016, no. 12, pp. 47-50. (in Russ.).

Scheidler A. *Änderung der Gesetzgebungskompetenz im Versammlungsrecht – Erste Aktivitäten der Länder* [Changes to the legislative competence in the freedom of assembly law – first activities of the German federal states ('Bundesländer')], *Zeitschrift für Rechtspolitik*, 2008, iss. 5, pp. 151-153. (in German).

Stepanov D.I. *Ideologicheskaya neytral'nost' institutov konstitutsionnogo dizayna* [Ideological neutrality of constitutional design institutions], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2017, no. 3 (118), pp. 46-70. (in Russ.).

Symanyuk N.V. *Evolutsiya i formy konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya poryadka raspredeleniya kompetentsii v federativnykh sistemakh Rossii i Germanii* [Evolution and forms of the constitutional regulation of the competence distribution in the federative systems of Russia and Germany], *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2014, no. 2 (83), pp. 108-113. (in Russ.).

UN-Kinderrechtskonvention – Übereinkommen über die Rechte des Kindes. Bekanntmachung vom 10. Juli 1992 – BGBl. II S. 990 [Convention on the Rights of the Child. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 44/25 of 20.11.1989], available at: URL: https://zozukw.stadt-brandenburg.de/fileadmin/pdf/51/Kinderschutz/UN-Kd_rechts_konvention.pdf (accessed 12 May 2017). (in German). Entry into force for Germany 5.04.1992.

Казанцев М.Ф. Правовое регулирование в сфере биологических коллекций: система, состояние, развитие // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 1, с. 94–143.

УДК 340:57/59

DOI 10.17506/ryipl.2016.18.1.94143

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ БИОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ: СИСТЕМА, СОСТОЯНИЕ, РАЗВИТИЕ¹

Михаил Федорович Казанцев

доктор юридических наук,

заведующий отделом права

Института философии и права УрО РАН,

г. Екатеринбург, Россия. E-mail: kazan.m@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3492-2815

Материал поступил в редколлегию 14.12.2017 г.

В статье впервые в юридической науке получены системные данные о массиве правовых актов и, соответственно, о правовом регулировании в сфере биологических коллекций. В частности, описаны и проанализированы иерархическая и предметная системы правового регулирования в сфере биологических коллекций, дана оценка состояния правового регулирования (законодательства) в указанной сфере, сделан вывод о недопустимо низком уровне развития законодательства о биологических коллекциях, что выражается, по меньшей мере, в недостаточном уровне системности и полноты законодательства о биологических коллекциях, а также в том, что законодательство в сферах, связанных с биологическими коллекциями, далеко не всегда учитывает особенности биологических коллекций. На основе анализа определены направления развития правового регулирования в сфере биологических коллекций, даны отдельные конкретные предложения по совершенствованию законодательства и, прежде всего, разработаны базовые правовоположения о научных коллекциях.

Сформулированы оригинальные определения научных и биологических коллекций: «Научной коллекцией (биологической, археологической, этнографической, иной) признается целенаправленно собранная, упорядоченная совокупность объектов, которая организована на научной основе, имеет научную ценность и может быть использована в научной, научно-технической, инновационной, научно-просветительской или образовательной деятельности»; «Биологическая коллекция – это научная коллекция, которая образована совокупностью (фондом) зоологических, ботанических, микробиологических, генетических, иных биологических объектов и может быть использована в научной, научно-технической, инновационной, научно-просветительской или образовательной деятельности, в том

¹ Статья подготовлена в рамках программы поддержки и развития биоресурсных коллекций ФАНО России по дополнительной теме государственного задания Институту философии и права УрО РАН (№ 0403-2017-0001).

числе с целью сохранения биологического разнообразия и использования биологических ресурсов».

Ключевые слова: научная коллекция, биологическая (биоресурсная) коллекция, коллекционный объект (образец, экспонат), правовое регулирование в сфере биологических коллекций, законодательство о биологических коллекциях, правовой режим биологической коллекции, центр коллективного пользования.

Введение

Значение биологических коллекций для науки, экономики и в целом для человечества трудно переоценить, как, впрочем, и недооценить, ибо ценность биологических коллекций очевидна. Без биологических коллекций немислимы развитие биологии, медицины, сельского хозяйства, сохранение биологического разнообразия. Достаточно вспомнить коллекцию семян Вавилова, о которой знают не только специалисты, но и, наверное, большинство людей, особенно потрясающую историю спасения коллекции в блокадном Ленинграде. Представление о Вавиловской коллекции, других известных и крупных коллекциях, вообще о биологических коллекциях и отдельных их видах может дать специальная биологическая литература (см., например: Дзюбенко 2011; Темирбекова и др. 2011; Евтушенко и др. 2015; Озерская и др. 2006; Озерская 2012; Ткаченко 2015; Новикова 2015; Сохранение биологического разнообразия... 2011; Калакуцкий, Озерская 2011; Каменский и др. 2016).

Значительное количество биологических коллекций сосредоточено в академических научных организациях, ныне подведомственных Федеральному агентству научных организаций (ФАНО России). Понимая огромную ценность биологических коллекций, ФАНО России с 2016 года начало реализацию программы поддержки и развития биологических коллекций (в академических организациях их чаще называют биоресурсными коллекциями, сокращенно – БРК). Серьезный подход к программе поддержки и развития биологических коллекций предполагает серьезное научно-правовое сопровождение работ в рамках программы.

Состояние исследований правовых аспектов биологических коллекций. Как выяснилось, юридическая наука крайне мало занимается (точнее, почти не занимается) правовыми проблемами, связанными с биологическими коллекциями. Юридическая литература о биологических коллекциях скудна в плане количества и содержания (см., например: Пчельников 2016; Краев 2013; Слепенкова, Бирюкова 2003; Авдейко 2011).

Сложилась парадоксальная ситуация: специалисты-биологи, испытывая острую потребность в разработке правовых аспектов биологических коллекций, сами ставят и пытаются решить проблемы права собственности на биологические коллекции, их бухгалтерского учета и в целом формирования правового поля работы с биокolleкциями (см., например: Черешнев 2011; Калакуцкий 2011; Гельтман 2011: 137-138; Пинаев 2011: 147-148). Означенные попытки биологов заслуживают уважения, но их следует воспринимать и как горький, но справедливый упрек правоведам, – упрек,

который должен помочь повернуть юридическую науку лицом к проблемам биологических коллекций.

Задача исследования. Общая задача юридической науки в рассматриваемой области состоит в научно-юридическом обеспечении деятельности, связанной с биологическими коллекциями. Для ее решения необходимы как фундаментальные исследования, так и прикладные разработки, в том числе направленные на совершенствование правового регулирования в сфере биологических коллекций.

Задача настоящей статьи – провести системный анализ правового регулирования в сфере биологических коллекций, оценить его состояние и определить направления его развития. Эта задача носит фундаментальный характер и в отечественной юридической науке еще не ставилась. Но именно она является первоочередной в исследованиях правовых аспектов биологических коллекций, поскольку результаты решения этой задачи должны стать теоретико-методологической основой для дальнейшей научной разработки правовых проблем, связанных с биологическими коллекциями.

Логика исследования в рамках решения поставленной задачи требует: уяснить понятие и виды биологических коллекций;

выявить нормативные и иные правовые акты (отдельные положения таких актов – правоположения) о биологических коллекциях, в том числе акты, непосредственно касающиеся биологических коллекций, и акты, в той или иной мере связанные с биологическими коллекциями (далее указанные правовые акты и правоположения могут обобщенно именоваться как правовые акты о биологических коллекциях);

систематизировать правовые акты о биологических коллекциях в иерархическом и предметном аспектах и на этой основе выявить, описать и проанализировать иерархическую и предметную системы правового регулирования в сфере биологических коллекций;

на основе анализа иерархической и предметной систем правового регулирования в сфере биологических коллекций дать оценку состояния правового регулирования (законодательства) в указанной сфере, прежде всего с точки зрения его системности и полноты;

с учетом полученных данных определить направления развития правового регулирования в сфере биологических коллекций на федеральном, региональном, муниципальном и локальном уровнях, уделив при этом особое внимание созданию базовых законоположений о научных (в том числе биологических) коллекциях.

1. Понятие и виды биологических коллекций

Понятие биологических коллекций. Анализ правового регулирования в сфере биологических коллекций предполагает уяснение понятия биологической коллекции, что естественно, и его следовало бы начать с законодательного (иными словами – легального, нормативного) определения биологической коллекции. Однако это сделать невозможно, поскольку такого определения просто нет (хотелось бы надеяться – пока нет). При этом тер-

мин «биологическая коллекция» в законодательстве встречается, правда, на уровне федерального закона редко – всего в двух законах, причем в одном из них, Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (Кодекс... 2001), – в достаточно серьезном контексте.

Впрочем, есть законодательное определение одного из видов биологических коллекций – зоологических. Федеральный закон от 24 апреля 1995 года № 52-ФЗ «О животном мире» (Федеральный закон от 24 апреля 1995 г.) определяет зоологические коллекции как «фондовые научные коллекции зоологических институтов, университетов, музеев, а также собрания чучел, препаратов и частей объектов животного мира, живые коллекции зоопарков, зоосадов, цирков, питомников, аквариумов, океанариумов и других учреждений». К сожалению, процитированное определение, по сути, сведено к перечислению учреждений, которые имеют коллекции, а потому не может быть положено в основу определения биологических коллекций.

Отсутствие законодательного определения биологической коллекции влечет за собой необходимость выработки доктринального определения и, следовательно, обращения к научной литературе в надежде найти образцы дефиниций. Поиски в юридической литературе результатов не дали, что не удивительно, так как правоведением биологические коллекции практически оставлены без внимания. В биологической литературе дефиниции нашлись, что тоже вполне объяснимо, поскольку биологическая наука не может не заниматься биологическими коллекциями, во всяком случае она изучает их в гораздо большей мере, чем юридическая наука. Согласно одному из определений «биологическая коллекция – это систематизированное хранилище совокупности образцов биологического материала любого типа» (Каменский и др. 2016: 6). Процитированное определение дает представление о понимании биологических коллекций биологами (как к краткому биологическому определению претензий к нему нет, за исключением, пожалуй, сделанного в нем акцента на хранилище, в то время как коллекцией является собственно совокупность образцов биологического материала). Для анализа законодательства необходимо более системное и юридизированное определение биологической коллекции. В первом приближении его можно сформулировать следующим образом.

Биологическая коллекция – это научная коллекция, которая образована совокупностью (фондом) зоологических, ботанических, микробиологических, генетических, иных биологических объектов и может быть использована в научной, научно-технической, инновационной, научно-просветительской или образовательной деятельности, в том числе с целью сохранения биологического разнообразия и использования биологических ресурсов.

В законодательстве (пока на уровне подзаконных нормативных правовых актов) используется также термин «биоресурсная коллекция», например, в Федеральной научно-технической программе развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2017 года № 996 (Федеральная научно-техническая программа... 2017). Поскольку оба термина/понятия –

«биологическая коллекция» и «биоресурсная коллекция» – используются в правовых актах, важно установить их соотношение.

Надо полагать, соотношение названных коллекций обусловлено соотношением понятий «биологический объект» (объект биологической коллекции) и «биологический ресурс» (объект биоресурсной коллекции). Согласно Конвенции о биологическом разнообразии, заключенной 5 июня 1992 года в г. Рио-де-Жанейро (Конвенция о биологическом разнообразии... 1992), «биологические ресурсы включают генетические ресурсы, организмы или их части, популяции или любые другие биотические компоненты экосистем, имеющие фактическую или потенциальную полезность или ценность для человечества». Из процитированного определения вытекает, что, по сути, биологический ресурс (биоресурс) – это не что иное, как биологический объект, имеющий ценность для человечества (о полезности для человечества здесь можно и не упоминать, потому как она охватывается ценностью для человечества). А поскольку, пожалуй, любой биологический объект обладает фактической или потенциальной ценностью, то он одновременно является и биологическим ресурсом (во всяком случае – биологический объект, выступающий объектом научной биологической коллекции, так как сам факт включения биологического объекта в научную коллекцию свидетельствует о его ценности). И, разумеется, без всяких оговорок, любой биологический ресурс есть биологический объект.

Из сказанного следует: во-первых, бесспорно, любая биоресурсная коллекция является биологической коллекцией; во-вторых, термины/понятия «биологическая коллекция» и «биоресурсная коллекция» практически (особенно при употреблении в законодательстве) равнозначны. При этом термин «биологическая коллекция» воспринимается как более универсальный, употребительный и, так сказать, более законодательно официальный, чем термин «биоресурсная коллекция». В свою очередь термин «биоресурсная коллекция» может иметь привязку к определенным биологическим коллекциям, например к научным биологическим коллекциям с выраженным экономическим значением или к научным биологическим коллекциям с отраслевой (ведомственной) обособленностью. Так, научные биологические коллекции академических организаций, подведомственных ФАНО России, в научном обиходе и официальных документах именуется биоресурсными коллекциями (БРК), пример тому – Положение об Управлении международного взаимодействия и организации научно-технического сотрудничества, утвержденное Приказом ФАНО России от 18 октября 2016 года № 502 (Положение об Управлении... 2016).

Далее термины/понятия «биологическая коллекция» и «биоресурсная коллекция» используются как равнозначные, если иное специально не оговорено или явственно не следует из контекста. Впрочем, и при употреблении в законодательстве эти термины/понятия необходимо рассматривать как равнозначные – с теми же оговорками.

Виды биологических коллекций. Для анализа законодательства о биологических коллекциях и, шире, правового регулирования в сфере биологических коллекций важно рассмотреть их в «видовом разрезе».

За ориентир здесь можно взять классификацию биоресурсных коллекций, выработанную в ходе реализации под эгидой ФАНО России проекта по поддержке и развитию биоресурсных коллекций организаций, подведомственных ФАНО России. Эта классификация нашла отражение, в частности, в подготовленном в апреле 2017 г. отчете экспертов Рабочей группы по поддержке и развитию биоресурсных коллекций ФАНО России по итогам второго этапа инвентаризации биоресурсных коллекций ФАНО России (Итоги второго этапа... 2017), а также в Письме ФАНО России от 29 августа 2017 года № 007-18.2-11/МК-405 «О сборе информации по биоресурсным коллекциям в Системе “Парус” (2017 год)» (Письмо ФАНО России от 29 августа 2017 г.). В последнем перечислены следующие основные типы биоресурсных коллекций: коллекции микроорганизмов; коллекции клеток; коллекции сельскохозяйственных растений; коллекции диких животных; коллекции лабораторных животных; коллекции биологических материалов человека; музейные коллекции диких животных; коллекции гербариев; коллекции сельскохозяйственных животных; коллекции живых растений (ботанические сады).

Взяв за основу вышеперечисленные типы биоресурсных коллекций, для целей анализа законодательства о биологических коллекциях можно предложить следующую классификацию научных биологических коллекций:

- 1) коллекции микроорганизмов;
- 2) коллекции клеток;
- 3) коллекции растений, в том числе:
 - 3.1) коллекции сельскохозяйственных растений;
 - 3.2) коллекции гербариев;
 - 3.3) коллекции живых растений (ботанических садов);
- 4) коллекции животных, в том числе:
 - 4.1) коллекции лабораторных животных;
 - 4.2) музейные коллекции диких животных (неживые);
 - 4.3) коллекции диких животных (живые);
 - 4.4) коллекции сельскохозяйственных животных;
- 5) коллекции биоматериалов человека.

2. Иерархическая система правового регулирования в сфере биологических коллекций

Общие замечания об иерархической системе правового регулирования. Общее представление о правовом регулировании в сфере биологических коллекций, его контурах и состоянии лучше всего дает обзор правового регулирования с точки зрения его иерархической системы (структуры). Указанной структуре соответствуют следующие виды правовых актов о биологических коллекциях:

- международные правовые акты;
- внутригосударственные (российские) правовые акты;
- правовые акты, опосредующие гражданско-правовое договорное регулирование.

Международные правовые акты о биологических коллекциях удобно рассмотреть в рамках двух групп – общих международных правовых актов и международных правовых актов Содружества Независимых Государств (СНГ), выделив из числа последних модельные законы.

Общие международные правовые акты, содержащие положения непосредственно о биологических коллекциях, относительно немногочисленны. Как пример таких актов можно указать Международный договор о растительных генетических ресурсах для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства, подписанный в г. Риме 3 ноября 2001 года (Международный договор о растительных генетических ресурсах... 2001). Указанный договор (Россия в нем не участвует) включает статью 15, посвященную коллекциям ex-situ растительных генетических ресурсов для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства, находящимся в распоряжении центров международных сельскохозяйственных исследований Консультативной группы по международным сельскохозяйственным исследованиям и других международных учреждений.

Важное значение для биологических коллекций имеет (хотя и не содержит положений непосредственно о биологических коллекциях) ранее упоминавшаяся Конвенция о биологическом разнообразии 1992 года (Конвенция о биологическом разнообразии... 1992) (Россия в ней участвует). Указанную Конвенцию развивает Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения к Конвенции о биологическом разнообразии 2010 года (Нагойский протокол... 2010) (Россия не является стороной протокола).

Международные правовые акты СНГ представлены несколькими международными договорами, касающимися биологических коллекций. В их числе – Соглашение о сотрудничестве в области сохранения и использования генетических ресурсов культурных растений государств – участников СНГ, заключенное в г. Минске 4 июня 1999 года (Соглашение о сотрудничестве... 1999), и Конвенция о сохранении агробиоразнообразия, заключенная в г. Бишкеке 7 июня 2016 года (Конвенция о сохранении... 2016).

Модельные законы СНГ, непосредственно связанные с биологическими коллекциями, исчерпываются, пожалуй, Модельным законом о сохранении генетических ресурсов культурных растений и их рациональном использовании, принятым в г. Санкт-Петербурге 3 декабря 2009 года на пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (Модельный закон... 2009). Он интересен тем, что содержит значительное число норм о коллекциях генетических ресурсов культурных растений, в том числе об их категориях и типах (статья 13). По своей юридической природе модельный закон не является обязательным актом прямого действия. Его назначение – служить образцом для подготовки национальных законов, обеспечивающим их качество и единообразие.

Внутригосударственные (российские) правовые акты о биологических коллекциях методологически оправданно рассмотреть, взяв за

основу их территориально-иерархические уровни – федеральный, региональный, муниципальный и локальный.

На федеральном уровне биологическим коллекциям в большей или меньшей степени посвящены как федеральные законы, так и подзаконные правовые акты, в том числе акты Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федеральных министерств и других ведомств. Нормативные правовые акты перечисленных видов в своей совокупности образуют федеральное законодательство (в широком смысле этого слова).

Федеральные законы, полностью посвященные биологическим коллекциям, в действующем нормативно-правовом массиве отсутствуют. Но имеется несколько законов, включающих отдельные нормы о таких коллекциях. Наиболее значимый из них – Федеральный закон от 24 апреля 1995 года № 52-ФЗ «О животном мире» (Федеральный закон от 24 апреля 1995 г.), который в специальной статье (29-й) определяет основы правового положения зоологических коллекций. Следует также назвать:

Федеральный закон от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (Федеральный закон от 14 марта 1995 г.), устанавливающий норму, согласно которой дендрологические парки и ботанические сады являются особо охраняемыми природными территориями, созданными для формирования специальных коллекций растений в целях сохранения растительного мира и его разнообразия (статья 28);

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Кодекс... 2001), устанавливающий административную ответственность за нарушение установленного порядка создания, использования или транспортировки биологических коллекций (статья 8.34);

Федеральный закон от 24 июля 2009 года № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Федеральный закон от 24 июля 2009 г.), содержащий норму о реализации продукции охоты для сбора и пополнения коллекций (статья 15);

Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» (Федеральный закон от 23 июня 2016 г.), согласно которому экспертным учреждением из образцов клеточной линии (клеточных линий), представленных на экспертизу качества биомедицинского клеточного продукта, составляется коллекция постоянного хранения образцов стандартизованных клеточных линий, формирование, использование, хранение, учет и уничтожение которой осуществляются в порядке, установленном уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (статья 15).

Кроме того, имеется целая группа федеральных законов (числом не менее десяти), хотя и не упоминающих о биологических коллекциях, но в большей или меньшей степени оказывающих регулирующее воздействие на деятельность, связанную с коллекциями. В эту группу, в частности, входят:

Федеральный закон от 3 августа 1995 года № 123-ФЗ «О племенном животноводстве» (Федеральный закон от 3 августа 1995 г.);

Федеральный закон от 17 декабря 1997 года № 149-ФЗ «О семеноводстве» (Федеральный закон от 17 декабря 1997 г.);

Федеральный закон от 20 декабря 2004 года № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (Федеральный закон от 20 декабря 2004 г.).

Акты Президента Российской Федерации, относящиеся к биологическим коллекциям, немногочисленны и большей частью имеют форму стратегий и основ государственной политики. Примером здесь могут служить Основы государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. и дальнейшую перспективу, утвержденные Президентом Российской Федерации 1 ноября 2013 года (порушение № Пр-2573) (Основы государственной политики... 2013). Названным актом, в частности, установлено, что основными задачами государственной политики при осуществлении мониторинга химических и биологических рисков являются ведение, сохранение и защита от несанкционированного доступа национальных коллекций патогенных микроорганизмов, анализ и оценка иных биологических коллекций, в том числе используемых в исследовательских и прикладных целях (микробиологических, ботанических, генетических), для принятия решения о необходимости их сохранения и защиты от несанкционированного доступа (пункт 11).

Акты Правительства Российской Федерации, имеющие отношение к биологическим коллекциям, сравнительно многочисленны (более двух десятков), разнообразны по уровню (постановления, распоряжения) и виду (положения, правила, программы, прогнозы и др.). Чаще всего акты Правительства лишь частично затрагивают коллекционную тематику. Но есть и акты, полностью посвященные биологическим коллекциям, точнее, их отдельным видам, например Постановление Правительства Российской Федерации от 17 июля 1996 года № 823 «О порядке государственного учета, пополнения, хранения, приобретения, продажи, пересылки, вывоза за пределы Российской Федерации и ввоза на ее территорию зоологических коллекций» (Постановление Правительства Российской Федерации от 17 июля 1996 г.).

Некоторое представление о правительственных актах, частично затрагивающих биологические коллекции, могут дать:

Правила продажи отдельных видов товаров, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 января 1998 года № 55 (Правила продажи... 1998), предусматривающие особенности продажи животных и растений, являющихся частью зоологических коллекций (пункт 78);

Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года (ВП-П8-2322), утвержденная Председателем Правительства Российской Федерации 24 апреля 2012 года № 1853п-П8 (Комплексная программа развития... 2012) и установившая ряд мер по поддержке и развитию биологических коллекций (подраздел 6 раздела 3).

Акты федеральных министерств и иных ведомств наиболее многочисленны в массиве федеральных актов о биологических коллекциях. От-

ношения, связанные с биологическими коллекциями, активнее других регламентируют ведомства (министерства, службы, агентства), соприкасающиеся с природой, медициной и наукой (следовательно, так или иначе – с биологией), а именно Министерство природных ресурсов и экологии (Минприроды), Министерство сельского хозяйства (Минсельхоз), Министерство здравоохранения (Минздрав), Министерство образования и науки (Минобрнауки), Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор), Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор), Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор), Федеральное агентство научных организаций (ФАНО России).

Поскольку «биологических» (условно говоря) ведомств много, а изданных ими актов еще больше, здесь придется ограничиться перечнем характерных примеров ведомственных актов, содержащих положения о биологических коллекциях:

Положение о зоологических коллекциях, утвержденное Приказом Госкомэкологии России от 30 сентября 1997 года № 411 (Положение о зоологических коллекциях... 1997);

Положение о дендрологическом парке федерального значения «Дендрарий», утвержденное Приказом Минприроды России от 25 апреля 2016 года № 261 (Положение о дендрологическом парке... 2016) (в пунктах 3, 9-11, 17.1, 17.2 содержит ряд положений о ботанических коллекциях);

Положение о Сочинском общереспубликанском государственном природном заказнике, утвержденное Приказом Минсельхоза России от 24 декабря 2003 года № 1571 (Положение о Сочинском... 2003) (в пункте 2.2 содержит запрет на сбор зоологических, ботанических, минералогических коллекций, а также палеонтологических объектов);

Порядок оформления ветеринарных сопроводительных документов на бумажных носителях, утвержденный Приказом Минсельхоза России от 27 декабря 2016 года № 589 (Порядок оформления... 2016) (в пункте 4 и ряде приложений устанавливает требования к оформлению Ветеринарного сертификата формы № 5h на экспортируемые из Российской Федерации коллекции и образцы по зоологии, анатомии, палеонтологии);

Положение о Государственной коллекции патогенных микроорганизмов и клеточных культур на базе федерального государственного учреждения науки «Государственный научный центр прикладной микробиологии и биотехнологии» Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, утвержденное Приказом Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 27 июля 2010 года № 297 (Положение о Государственной коллекции... 2010);

Положение о Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Ботаническом саде-институте Дальневосточного отделения Российской академии наук как особо охраняемой природной территории федерального значения, утвержденное Приказом ФАНО России от 18 марта 2015 года № 5н (Положение о Федеральном... 2015) (пунктом 11 которого

задачей Ботанического сада-института провозглашается создание специальных коллекций растений в целях сохранения биоразнообразия и обогащения растительного мира, а также сохранение в искусственных условиях коллекций живых растений).

Особо следует сказать об уставах организаций – держателей биологических коллекций, подведомственных ФАНО России. Такие уставы утверждаются руководителем ФАНО России и потому по своей правовой природе являются ведомственными нормативными правовыми актами уровня ФАНО России, а не локальными, как можно было бы предположить, учитывая, что уставы устанавливают правовое положение конкретных организаций.

Уставы многих рассматриваемых организаций содержат положения, прямо или косвенно относящиеся к биологическим коллекциям, например Устав Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН (БИН РАН).

Представление об уставных положениях, связанных с биологическими коллекциями, может дать следующее извлечение из Устава Всероссийского национального научно-исследовательского института виноградарства и виноделия «Магарач» РАН:

«2. Цели, предмет и виды деятельности института. <...>

21.1. Проведение фундаментальных, поисковых и прикладных научных исследований по следующим направлениям:

– микробиологическая, биохимическая, технологическая и молекулярно-генетическая паспортизация природных и коллекционных штаммов микроорганизмов и расширение сферы их коммерческого применения. <...>

21.7. Сохранение и пополнение коллекции микроорганизмов виноделия, коллекции фитопатогенных микроорганизмов виноградного растения, базовой ампелографической коллекции, энотеки вин, имеющих научное и промышленно-ценное значение. <...>

21.14. Создание семенных фондов, обмен семенами, черенками, саженцами, живыми растениями и коллекционными культурами микроорганизмов с различными организациями в установленном порядке. <...>

21.21. Производство профильной для института продукции (посадочный материал, плоды, виноград, чистые культуры микроорганизмов для приготовления винодельческой, безалкогольной и слабоалкогольной продукции ...). <...>

21.22. Организация экспедиций и участие в экспедициях других организаций с целью изучения и мобилизации растительных ресурсов и пополнения коллекционных фондов».

Анализ данных о закреплении в уставах подведомственных ФАНО России организаций – держателей биологических коллекций положений, связанных с коллекциями, показывает, что имеются резервы для усиления регулирующего воздействия уставов на обеспечение сохранения и развития биологических коллекций.

На региональном уровне (то есть на уровне субъектов Российской Федерации) правовые акты о биологических коллекциях издаются по ограниченному кругу вопросов и в незначительном количестве (все же основной массив правотворческих полномочий в сфере биологических коллекций со-

средоточен на федеральном уровне). По составу правовых актов в указанной сфере субъекты Российской Федерации во многом схожи. Представление о типичных региональных актах, содержащих положения непосредственно о биологических коллекциях или положения с ними связанные, может дать следующий перечень:

Закон Новосибирской области от 26 сентября 2005 года № 325-ОЗ «Об особо охраняемых природных территориях в Новосибирской области» (Закон Новосибирской области от 26 сентября 2005 г.) (который, в частности, в статье 8 устанавливает ограничения на сбор зоологических и ботанических коллекций);

Положение об особо охраняемой природной территории областного значения «Природный парк “Малый Исток”», утвержденное Постановлением Правительства Свердловской области от 25 февраля 2004 года № 128-ПП (Положение об особо охраняемой природной территории... 2004) (пунктом 12 которого устанавливаются отдельные условия сбора биологических коллекций на территории парка);

Закон Московской области от 8 июня 2006 года № 87/2006-ОЗ «О ветеринарии в Московской области» (Закон Московской области от 8 июня 2006 г.) (который оказывает регулирующее воздействие на деятельность, связанную с биологическими коллекциями, прежде всего с коллекциями животных);

Краевая программа «Развитие биотехнологий в Алтайском крае на период до 2020 года», утвержденная Постановлением Администрации Алтайского края от 15 июля 2014 года № 329 (Краевая программа... 2014) (которой в качестве одного из приоритетных направлений развития биотехнологий выделены биологические коллекции и биоресурсные центры);

Приказ Департамента по охране животного мира Свердловской области от 3 марта 2016 года № 63 «Об утверждении Перечня должностных лиц Департамента по охране, контролю и регулированию использования животного мира Свердловской области, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях» (Приказ Департамента... 2016) (которым определены должностные лица, уполномоченные составлять протоколы об административных правонарушениях, совершенных с биологическими коллекциями, содержащими объекты животного мира).

На муниципальном уровне сфера правового регулирования, связанная с биологическими коллекциями, сужена еще более, нежели на региональном уровне, что, впрочем, вполне объяснимо: главная задача органов местного самоуправления – решать вопросы местного значения, в число которых вопросы биологических коллекций напрямую не входят. Но и в муниципальных образованиях есть место для коллекционного (фигурально выражаясь) правотворчества. Примером редких случаев такого правотворчества может служить Муниципальная программа «Предпринимательство городского округа Пущино» на 2017–2021 годы, утвержденная Постановлением администрации г. Пущино Московской области от 16 марта 2017 года № 112-п (Муниципальная программа... 2017). В программе запланировано развитие Всероссийской коллекции микроорганизмов (ВКМ), функционирующей в

Институте биохимии и физиологии микроорганизмов им. Г.К. Скрыбина РАН, и при этом отмечено, что развитию ВКМ будет уделяться особое внимание с учетом ее роли в создании первого в России Биологического ресурсного центра.

На локальном уровне правовое регулирование в сфере биологических коллекций привязано к конкретным коллекциям организаций – держателей коллекций, что, собственно, и свойственно локальному регулированию. Направления и интенсивность локального регулирования различны применительно к разным коллекциям. Для академических научных организаций, подведомственных ФАНО России, наиболее распространенными локальными актами являются:

положение о биологической коллекции (например, Положение о биологической коллекции «Биобанк населения Северной Евразии» Научно-исследовательского института медицинской генетики Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Томский национальный исследовательский медицинский центр Российской академии наук», утвержденное директором НИИ медицинской генетики Томского НИМЦ 28 февраля 2017 года (Положение о биологической коллекции... 2017));

положение о биологической коллекции как центре коллективного пользования (например, Положение о центре коллективного пользования «Коллекция уникальных экстремофильных микроорганизмов различных физиологических групп биотехнологического назначения (UNIQEM)», утвержденное директором Федерального исследовательского центра «Фундаментальные основы биотехнологии» РАН 2 марта 2017 года (Положение о центре... 2017));

регламент доступа к биологической коллекции (в том числе со статусом центра коллективного пользования).

В целом можно констатировать, что четкой системы локальных правовых актов организаций – держателей биологических коллекций, учитывающей особенности коллекций отдельных видов, пока не сложилось.

Правовые акты, опосредующие гражданско-правовое договорное регулирование отношений, связанных с биологическими коллекциями, – гражданско-правовые договоры – занимают особое место в системе правового регулирования и, соответственно, правовых актов. Договорное регулирование выступает как децентрализованное (автономное) регулирование, в отличие от централизованного регулирования, осуществляемого посредством законов, иных подобных односторонних, притом директивных, нормативных правовых актов.

Гражданско-правовые договоры заключаются организациями – держателями коллекций с третьими лицами (российскими и иностранными). С помощью договоров большей частью регулируется гражданско-правовой оборот биологических коллекций, точнее, коллекционных объектов (которые могут называться также единицами хранения, образцами, материалами или иначе), но не только. В связи с биологическими коллекциями заключаются договоры различных типов. В практике научных организаций, подведомственных ФАНО России, чаще других встречаются:

договоры купли-продажи коллекционных объектов (например, договоры купли-продажи образцов штаммов микроорганизмов, заключаемые в качестве продавца Федеральным исследовательским центром вирусологии и микробиологии – держателем Государственной коллекции микроорганизмов, вызывающих опасные, особо опасные, в том числе зооантропонозные и не встречающиеся на территории страны болезни животных);

договоры на безвозмездную передачу коллекционных объектов (например, договоры на безвозмездную передачу сортов риса, заключаемые в качестве передающей стороны Всероссийским научно-исследовательским институтом риса ФАНО России – держателем семенной коллекции «Генетические ресурсы риса»);

договоры на выполнение работ (например, договоры на возмездное выращивание и выдачу под заказ образцов клеточных линий, заключаемые в качестве исполнителя Институтом цитологии РАН – держателем Коллекции культур клеток позвоночных);

договоры на выполнение научно-исследовательских работ (например, договоры на выполнение научно-исследовательских работ, связанных с анализом устойчивости штаммов фитопатогенов, выделенных из образцов заказчика, заключаемые в качестве исполнителя Всероссийским научно-исследовательским институтом сельскохозяйственной микробиологии – держателем Ведомственной коллекции полезных микроорганизмов сельскохозяйственного назначения);

договоры на оказание услуг (например, договоры на оказание возмездных услуг по разморозке и культивированию клеточной линии, заключаемые в качестве исполнителя Институтом биологии развития им. Н.К. Кольцова РАН – держателем Объединенной коллекции лабораторных животных для фундаментальных исследований);

договоры на патентное депонирование объектов (например, договоры на возмездное патентное депонирование штаммов, заключаемые в качестве исполнителя Всероссийским научно-исследовательским институтом сельскохозяйственной микробиологии – держателем Ведомственной коллекции полезных микроорганизмов сельскохозяйственного назначения);

договоры о научном сотрудничестве (например, договор о научном сотрудничестве по обмену генофондом винограда, его изучению и выведению новых сортов, заключенный между Всероссийским национальным научно-исследовательским институтом виноградарства и виноделия «Магарач» РАН – держателем Коллекции микроорганизмов виноделия «Магарач» и Всероссийским научно-исследовательским институтом виноградарства и виноделия им. Я.И. Потапенко – держателем Донской ампелографической коллекции им. Я.И. Потапенко).

За пределами приведенного описания иерархической системы правового регулирования в сфере биологических коллекций остались некоторые виды правовых актов (например, судебные правовые акты и внутрироссийские публично-правовые договоры), но оно достаточно полно для того, чтобы приступить к анализу правового регулирования и, соответственно,

массива правовых актов в сфере биологических коллекций с точки зрения их предметной (содержательной) структуры.

3. Предметная система правового регулирования в сфере биологических коллекций

Общие замечания о предметной системе правового регулирования. Рассмотрение предметной системы правового регулирования в сфере биологических коллекций позволит провести содержательный анализ массива правовых актов (отдельных правоположений) о биологических коллекциях, оценить уровень развития правового регулирования (законодательства) в сфере биологических коллекций, и прежде всего с точки зрения его системности и полноты.

Кроме правоположений, установленных специально для биологических коллекций, правовой режим последних определяется также общими правоположениями, установленными для объектов (деятельности, процедур и т.п.), которые охватывают наряду с прочим и биологические коллекции. Например, общие ветеринарные правила распространяются и в отношении живых животных, являющихся объектами биологических коллекций. Поэтому означенные правоположения также должны учитываться при рассмотрении предметной системы правовых актов (законодательства) о биологических коллекциях.

Предметная система правовых актов о биологических коллекциях раскрывается (проявляется) в двух аспектах (плоскостях): с точки зрения степени общности правовых актов (содержащихся в них нормативных и ненормативных правоположений) и в плане предмета регулирования (содержания) правовых актов.

По степени общности правоположения о биологических коллекциях подразделяются на:

- правоположения, установленные для всех научных коллекций;
- правоположения, установленные для всех биологических коллекций;
- правоположения, установленные для биологических коллекций определенных видов;
- правоположения, установленные для конкретных биологических коллекций.

По предмету регулирования (содержанию) правоположения о биологических коллекциях распределяются по следующим группам:

- правоположения, определяющие базовые юридические параметры биологических (и вообще научных) коллекций (понятие коллекции, основные термины/понятия, связанные с коллекциями, структура коллекций, виды коллекций, формы собственности на коллекции и т.п.);
- правоположения, определяющие правовое положение (статус, правовой режим) биологических коллекций;
- правоположения, регулирующие создание, учет, хранение и ликвидацию биологических коллекций;
- правоположения, регулирующие использование и оборот биологических коллекций;

правоположения, определяющие правовое положение отдельных видов биологических коллекций;

правоположения, регулирующие поддержку и развитие биологических коллекций;

правоположения, регулирующие сферы деятельности, связанные с биологическими коллекциями (охрана окружающей среды, здравоохранение, ветеринария, карантин растений и др.).

Анализ правовых актов (прежде всего актов, составляющих законодательство) о биологических коллекциях с точки зрения степени их общности и предмета регулирования (содержания) позволяет судить о предметной системе правовых актов о биологических коллекциях, контуры которой приводятся ниже.

Правоположения, определяющие базовые юридические параметры биологических коллекций, общие для всех коллекций, в настоящее время отсутствуют как в международном праве, так и в российском законодательстве. Не установлено таких правоположений и для научных коллекций в целом.

Вместе с тем в международном праве имеются общие правоположения, тесно связанные с биологическими коллекциями и в той или иной мере оказывающие влияние на деятельность с биологическими коллекциями. Наиболее общие нормы содержит Конвенция о биологическом разнообразии 1992 года (Конвенция о биологическом разнообразии... 1992), направленная (как сказано в статье 1) на сохранение биологического разнообразия, устойчивое использование его компонентов и совместное получение на справедливой и равной основе выгод, связанных с использованием генетических ресурсов, в том числе посредством предоставления необходимого доступа к генетическим ресурсам и путем надлежащей передачи соответствующих технологий с учетом всех прав на такие ресурсы и технологии, а также путем должного финансирования. Конвенция, в частности, определяет такие важные для биологических коллекций понятия, как «биологическое разнообразие», «биологические ресурсы», «биотехнология», «экосистема», «генетический материал» и «генетические ресурсы» (статья 2).

Кроме того, надо сказать о проекте федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации» (Проект Федерального закона «О научной... 2017), в котором в пределах нескольких строк формулируются общие положения о научных коллекциях (часть 3 статьи 56). Их анализ будет дан ниже, когда речь пойдет о развитии законодательства о биологических коллекциях на федеральном уровне.

Правоположения, определяющие общие вопросы правового положения (статуса, правового режима) биологических коллекций тематически распределяются по следующим основным группам:

правотворческие и иные полномочия органов власти, других субъектов в сфере биологических коллекций (например, Положение о Министерстве здравоохранения Российской Федерации, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 июня 2012 года № 608 (Положение о Министерстве здравоохранения... 2012) в подпункте

5.2.207(20) содержит правоположение, согласно которому Министерство здравоохранения определяет порядок формирования, использования, хранения, учета и уничтожения коллекции постоянного хранения образцов стандартизованных клеточных линий);

правовое положение (статус, правовой режим) биологических коллекций, закрепляемое в специальных актах – положениях о биологических коллекциях (например, в таких как ранее упоминавшиеся Положение о зоологических коллекциях (Положение о зоологических коллекциях 1997) и Положение о Государственной коллекции патогенных микроорганизмов и клеточных культур (Положение о Государственной коллекции...2010));

биологические коллекции, зарегистрированные как центры коллективного пользования и уникальные научные установки (общие правоположения о них содержат Правила функционирования центров коллективного пользования научным оборудованием и уникальных научных установок, которые созданы и (или) функционирование которых обеспечивается с привлечением бюджетных средств, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 мая 2016 года № 429 (Правила функционирования центров... 2016), а специальные положения, относящиеся непосредственно к биологическим коллекциям, – Рекомендации по регистрации биоресурсной коллекции как центра коллективного пользования и (или) уникальной научной установки на сайте «Современная научная инфраструктура Российской Федерации» (scrf.ru) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (Рекомендации по регистрации... 2017));

правовой режим биологических коллекций как объектов права собственности и других вещных прав (относящихся к этому специальных правоположений, которые бы развивали общие нормы гражданского законодательства о вещных правах, тем более применительно к биологическим коллекциям организаций, подведомственных ФАНО России, практически нет, если не брать в расчет Положение о Федеральном агентстве научных организаций, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 октября 2013 года № 959 (Положение о Федеральном агентстве... 2013), согласно которому ФАНО России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по управлению федеральным имуществом подведомственных ему организаций, а также акты самого ФАНО России об особо ценном движимом имуществе подведомственных ему организаций, в которых затрагиваются музейные коллекции, например Приказ ФАНО России от 2 февраля 2017 года № 59 «Об определении перечней особо ценного движимого имущества федеральных государственных бюджетных и автономных учреждений, подведомственных Федеральному агентству научных организаций» (Приказ ФАНО России от 2 февраля 2017 г.));

правовой режим биологических коллекций (коллекционных объектов) как объектов интеллектуальных прав (определяющие его нормы сосредоточены, главным образом, в Гражданском кодексе Российской Федерации (часть четвертая) (Гражданский кодекс... 2006), а именно в главах 72

(Патентное право) и 73 (Право на селекционное достижение), причем первая из них включает, помимо прочего, статью 1350 (Условия патентоспособности изобретения), согласно которой в качестве изобретения охраняется техническое решение в любой области, относящееся к продукту (в частности, устройству, веществу, штамму микроорганизма, культуре клеток растений или животных);

ответственность, связанная с биологическими коллекциями (нормы об ответственности установлены, в частности, Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (Кодекс... 2001) – за нарушение установленного порядка создания, пополнения, хранения, использования, учета, продажи, приобретения, транспортировки или пересылки биологических коллекций (статья 8.34), а также Уголовным кодексом Российской Федерации (Уголовный кодекс... 1996) – за различного рода незаконные действия с биологическими ресурсами (статьи 226.1, 248, 249, 256-259).

Правоположения, регулирующие создание, учет, хранение и ликвидацию биологических коллекций, характеризуются прежде всего тем, что в настоящее время в законодательстве отсутствуют общие нормы, которые регулировали бы создание, учет, хранение и ликвидацию биологических коллекций в целом. Но такие нормы (за исключением норм о ликвидации) установлены для зоологических коллекций. Положение о зоологических коллекциях (Положение о зоологических коллекциях 1997) содержит специальные разделы: II. Государственный учет зоологических коллекций; III. Создание и пополнение зоологических коллекций; IV. Хранение зоологических коллекций.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что упомянутое Положение затрагивает только один вид учета зоологических коллекций – государственный, оставляя без внимания иные виды учета, в частности оперативный (текущий) учет коллекций, традиционно проводимый организациями – держателями коллекций.

Правоположения, регулирующие использование и оборот биологических коллекций, в той или иной мере закреплены как на международном, так и на внутригосударственном уровнях.

Первоочередное внимание уделяется нормативно-правовому обеспечению доступа к коллекциям. Из международных правовых актов этому посвящены Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам (Нагойский протокол... 2010) и Боннские руководящие принципы по обеспечению доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равноправной основе выгод от их применения, принятые шестым совещанием Конференции Сторон Конвенции о биологическом разнообразии в Гааге в апреле 2002 года (Боннские руководящие принципы... 2002).

Оборот биологических коллекций, включая их вывоз из России и ввоз в Россию, специально регламентирован применительно к зоологическим коллекциям в ряде нормативных правовых актов различной юридической силы, в частности в Постановлении Правительства Российской Федерации

от 17 июля 1996 года № 823 «О порядке государственного учета, пополнения, хранения, приобретения, продажи, пересылки, вывоза за пределы Российской Федерации и ввоза на ее территорию зоологических коллекций» (Постановлении Правительства Российской Федерации от 17 июля 1996 г.). Согласно этому постановлению приобретение, продажа и другие сделки с зоологическими коллекциями осуществляются в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации, если иное не предусмотрено федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (пункт 5); вывоз за пределы Российской Федерации и ввоз на ее территорию зоологических коллекций (как включенных, так и не включенных в реестр зоологических коллекций) допускаются на основании разрешений, выдаваемых Федеральной службой по надзору в сфере природопользования (пункт 6).

Правоположения об отдельных видах биологических коллекций многочисленны и делятся на нижеследующие группы сообразно ранее приведенной классификации коллекций.

Коллекции микроорганизмов получили специальную регламентацию во многом из-за свойств микроорганизмов (в том числе патогенных). Минздравом России был даже разработан проект специального федерального закона «О национальной коллекции патогенных микроорганизмов (Проект Федерального закона «О национальной... 2016).

Из принятых и действующих правовых актов важное значение для развития коллекций микроорганизмов сыграло Постановление Правительства Российской Федерации от 24 июня 1996 года № 725-47 «О мерах по сохранению и рациональному использованию коллекций микроорганизмов, культивируемых клеток высших растений, перевиваемых соматических клеток позвоночных» (Постановление Правительства Российской Федерации от 24 июня 1996 г.). Помимо прочего, указанным постановлением ряду биологических коллекций придан статус национальных коллекций, например Всероссийской коллекции микроорганизмов (ВКМ) Института биохимии и физиологии микроорганизмов им. Г.К. Скрыбина Российской академии наук (г. Пушкино Московской области).

Коллекции клеток (клеточных линий человека и животных) нашли нормативное отражение, в частности, в Федеральном законе от 23 июня 2016 года № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» (Федеральный закон от 23 июня 2016 г.), согласно которому экспертным учреждением из образцов клеточной линии (клеточных линий), представленных на экспертизу качества биомедицинского клеточного продукта, составляется коллекция постоянного хранения образцов стандартизованных клеточных линий, формирование, использование, хранение, учет и уничтожение которой осуществляются в порядке, установленном уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, то есть Минздравом России (часть 6 статьи 15).

Коллекции растений как объект правового регулирования характеризуются тем, что в нормативно-правовом массиве имеются как нормы, распространяющиеся на все коллекции растений, так и нормы, распро-

страняющиеся на отдельные их виды, в том числе коллекции сельскохозяйственных растений, коллекции гербариев и коллекции живых растений (ботанических садов).

По данному виду коллекций наиболее интенсивное (но не значит, что достаточное) правовое регулирование имеет место в отношении коллекций сельскохозяйственных растений. В этой связи можно упомянуть хотя бы Соглашение о сотрудничестве в области сохранения и использования генетических ресурсов культурных растений государств – участников СНГ.

Коллекции животных (зоологические коллекции), как и коллекции растений, структурированы по видам. Соответственно, правовые положения о коллекциях животных распределяются по следующим группам: общие положения о коллекциях животных; коллекции лабораторных животных; музейные коллекции диких животных (неживые); коллекции диких животных (живые); коллекции сельскохозяйственных животных.

Правовой режим коллекций животных (зоологических коллекций) по сравнению с другими видами коллекций наиболее развит как в иерархическом, так и в предметном аспектах. Юридическая база зоологических коллекций заложена Федеральным законом «О животном мире» (Федеральный закон от 24 апреля 1995 г.), на его основе издан ряд подзаконных нормативных правовых актов о зоологических коллекциях, в том числе Постановление Правительства Российской Федерации «О порядке государственного учета, пополнения, хранения, приобретения, продажи, пересылки, вывоза за пределы Российской Федерации и ввоза на ее территорию зоологических коллекций» (Постановление Правительства Российской Федерации от 17 июля 1996 г.) и Положение о зоологических коллекциях, утвержденное Приказом Госкомэкологии России (Положение о зоологических коллекциях 1997).

Коллекции биоматериалов человека испытывают незначительное воздействие правовых актов. Федеральный закон «О биомедицинских клеточных продуктах» (Федеральный закон от 23 июня 2016 г.) определяет биологический материал как биологические жидкости, ткани, клетки, секреты и продукты жизнедеятельности человека, физиологические и патологические выделения, мазки, соскобы, смывы, биопсийный материал (статья 2). Другой пример правового акта, имеющего отношение к коллекциям биоматериалов человека, – Правила ввоза на территорию Российской Федерации и вывоза за пределы территории Российской Федерации биологических материалов, полученных при проведении клинического исследования лекарственного препарата для медицинского применения, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 сентября 2010 года № 673 (Правила ввоза... 2010).

Правовые положения, регулирующие поддержку и развитие биологических коллекций, в большинстве своем содержатся в стратегиях, программах, планах и других подобных актах. Примером такого рода актов может служить Программа фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 годы, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2012 года

№ 2237-р (Программа фундаментальных научных исследований... 2012), которая, помимо прочего, предусматривает ряд мер по сохранению и развитию биологических коллекций, и в частности создание коллекций уникальных генофондов растений (раздел VI. Биологические науки).

Особо следует сказать о мерах по поддержке и развитию биологических коллекций, предпринимаемых ФАНО России. Не все подобного рода меры находят отражения в правовых актах. Нашедшие же отражение можно встретить в Плане деятельности Федерального агентства научных организаций на 2016–2021 годы, утвержденном руководителем ФАНО России 27 июня 2016 года (План деятельности... 2016). В названном плане предусмотрено формирование нормативных затрат на выполнение работ и оказание услуг, относящихся к научным сервисам, функционированию центров коллективного пользования и уникальных установок, использованию коллекций (пункт 57).

Правоположения, регулирующие сферы деятельности, связанные с биологическими коллекциями, зачастую непосредственно коллекций не касаются, но влияют на деятельность с биологическими коллекциями. К указанным сферам деятельности, в частности, относятся охрана окружающей среды, здравоохранение, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения, ветеринария, карантин растений, генно-инженерная деятельность, геномная регистрация, лабораторная практика, техническое регулирование, таможенное регулирование.

Правоположения рассматриваемой группы можно проиллюстрировать на примере Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (Таможенный кодекс... 2017), а также Правил по борьбе с гриппом птиц, утвержденных Приказом Минсельхоза России от 27 марта 2006 года № 90 (Правил по борьбе... 2006). Согласно Правилам при проведении на объекте противоэпизоотических мероприятий при подозрении на грипп птиц может быть приостановлена отгрузка продукции убоя (кроме зоологических садов, вивариев, коллекций птицы, питомников птицы, выставок, рынков живой птицы).

4. Состояние правового регулирования (законодательства) в сфере биологических коллекций

Общая оценка состояния правового регулирования (законодательства) в сфере биологических коллекций базируется на представленных выше контурах иерархической и предметной систем правового регулирования в данной сфере.

Уровень развития законодательства о биологических коллекциях недопустимо низок, что наиболее явно выражается в следующем.

Во-первых, недостаточен уровень системности законодательства о биологических коллекциях. Отсутствуют базовые правовые положения, определяющие юридические параметры биологических коллекций (или научных коллекций в целом), общие для всех биологических/научных коллекций.

Во-вторых, недостаточен уровень полноты законодательства о биологических коллекциях. Законодательство о биологических коллекциях фрагментарно и страдает пробельностью.

В-третьих, законодательство в сферах, связанных с биологическими коллекциями (в частности, таможенное законодательство), далеко не всегда учитывает особенности биологических коллекций).

Отдельные проявления недостаточного развития правового регулирования в сфере биологических коллекций могут быть проиллюстрированы хотя бы на примере биологических коллекций, зарегистрированных как центры коллективного пользования (ЦКП) и уникальные научные установки (УНУ).

По своей правовой природе центр коллективного пользования (точнее, центр коллективного пользования научным оборудованием, как предусмотрено статьей 5 Федерального закона от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (Федеральный закон от 23 августа 1996 г.)) является субъектом права в форме подразделения научной организации, а находящееся в его ведении научное оборудование – объектом права.

Правовая природа уникальной научной установки в контексте статьи 5 упомянутого закона иная, нежели правовая природа центра коллективного пользования. Уникальная научная установка – комплекс научного оборудования, не имеющий аналогов в Российской Федерации, функционирующий как единое целое и созданный научной организацией и (или) образовательной организацией в целях получения результатов, достижение которых невозможно при использовании другого оборудования. Уникальная научная установка является объектом права (а не субъектом права, как центр коллективного пользования). Субъектом, осуществляющим управление уникальной научной установкой, является организация, создавшая установку.

Применительно к биологическим коллекциям, зарегистрированным как центры коллективного пользования, место научного оборудования занимают биологические коллекции, а функции структурного подразделения (ЦКП) выполняет подразделение организации – держателя коллекции, осуществляющее ведение коллекции. При этом биологическая коллекция сохраняет свою правовую природу как объект права, а правовой режим биологической коллекции дополняется правоположениями, присущими правовому положению центра коллективного пользования.

Аналогичным образом применительно к биологической коллекции, зарегистрированной как уникальная научная установка, место уникальной научной установки занимает биоресурсная коллекции, а функции структурного подразделения, обеспечивающего функционирование коллекции как уникальной научной установки, выполняет подразделение организации – держателя коллекции, осуществляющее ведение коллекции. При этом правовой режим биологической коллекции дополняется правоположениями, присущими правовому режиму уникальной научной установки.

В ситуации, когда биологические коллекции регистрируются как центры коллективного пользования или уникальные научные установки,

обращает на себя внимание то обстоятельство, что биологические коллекции не являются ни научным оборудованием, ни уникальными научными установками. Строго говоря, это обстоятельство выступает юридическим препятствием для регистрации биологических коллекций в качестве центров коллективного пользования и уникальных научных установок.

Кроме того, правовые режимы ЦКП и УНУ очень схожи между собой, причем настолько, что во многих случаях определяются одними и теми же правоположениями. В этой связи возникает вопрос о целесообразности регистрации биологических коллекций не только как ЦКП, но и в качестве УНУ. Объективного, юридически значимого признака, позволяющего определить, какие биологические коллекции соответствуют критериям ЦКП, а какие – УНУ, нет. Для «нормальных» (то есть ориентированных на научное оборудование) ЦКП и УНУ таким признаком служат свойства (виды) научного оборудования: ЦКП соответствует научное оборудование, как включающее, так и не включающее в свой состав уникальную научную установку, УНУ – только уникальная научная установка. Для ЦКП и УНУ, ориентированных на биологические коллекции, этот признак не применим, так как биологические коллекции не являются оборудованием. Поскольку объективного, юридически значимого критерия разграничения биологических ЦКП и УНУ нет, то выбор между ними является юридически не связанным (не регламентированным). С учетом того что правовые режимы ЦКП и УНУ в настоящее время во многом одинаковы или похожи и не имеют видимых преимуществ по отношению друг к другу, при выборе между ними нет и существенных оснований для предпочтений в пользу УНУ.

5. Развитие правового регулирования в сфере биологических коллекций

Направления развития правового регулирования в сфере биологических коллекций во многом предопределяются его обозначенными выше недостатками, что естественно, поскольку исправление недостатков в законодательстве означает его совершенствование. Сообразно этому главным направлением развития законодательства о биологических коллекциях должно стать повышение уровня системности и полноты этого законодательства, а также усиление учета в других отраслях законодательства особенностей биологических коллекций как объекта гражданских и иных прав и обязанностей.

Могут быть выделены два укрупненных, притом взаимосвязанных направления совершенствования правового регулирования в сфере биологических коллекций (в зависимости от характера работ):

- 1) научное обеспечение совершенствования правового регулирования в сфере биологических коллекций;
- 2) совершенствование нормативных и иных правовых актов, опосредующих правовое регулирование в сфере биологических коллекций.

В рамках научного обеспечения совершенствования правового регулирования в сфере биологических коллекций необходимо проведение как фун-

даментальных исследований правовых аспектов биологических коллекций (в том числе научно-теоретической, концептуальной разработки вопросов правового регулирования в сфере биологических коллекций), так и прикладных научно-исследовательских работ (включая научно-методическое обеспечение развития правового регулирования в сфере биологических коллекций).

В рамках совершенствования нормативных и иных правовых актов, опосредующих правовое регулирование в сфере биологических коллекций, в свою очередь, могут быть выделены следующие детализированные направления с учетом иерархического уровня правового регулирования:

- 1) совершенствование правового регулирования в сфере биологических коллекций на федеральном уровне;
- 2) совершенствование правового регулирования в сфере биологических коллекций на региональном уровне;
- 3) совершенствование правового регулирования в сфере биологических коллекций на муниципальном уровне;
- 4) совершенствование правового регулирования в сфере биологических коллекций на локальном уровне.

В пределах указанных направлений (или в качестве самостоятельных направлений) могут быть определены направления и (или) приоритеты совершенствования правового регулирования в сфере биологических коллекций в зависимости от предмета (сферы, содержания) правового регулирования.

Для организационного обеспечения совершенствования правового регулирования в сфере биологических коллекций желательна разработка программ работ по совершенствованию правового регулирования в данной сфере, в которых бы определялись содержательные, временные, организационные и финансовые параметры указанных работ.

Организационное обеспечение совершенствования правового регулирования в сфере биологических коллекций возможно и в рамках общей программы (программ) по поддержке и развитию биологических коллекций в виде соответствующей подпрограммы общей программы или ее раздела.

Наиболее эффективной была бы программа (подпрограмма) работ по совершенствованию правового регулирования в сфере биологических коллекций, принятая на уровне Российской Федерации. Но более реальна (и тоже эффективна) программа (подпрограмма), принятая на уровне отрасли (ведомства), в которой имеются биологические коллекции, в частности на уровне Федерального агентства научных организаций.

Развитие правового регулирования в сфере биологических коллекций на федеральном уровне. Основной массив правотворческих полномочий в сфере биологических коллекций сосредоточен на федеральном уровне. Совершенствование законодательства о биологических коллекциях логично было бы начать с разработки отсутствующих в настоящее время базовых правоположений, определяющих юридические параметры биологических, а еще лучше научных коллекций (в целом), общих для всех научных (в том числе биологических) коллекций.

Создание базовых законоположений о научных (в том числе биологических) коллекциях возможно двумя путями: разработать и принять отдельный федеральный закон о научных коллекциях (специальный головной закон) или же базовые законоположения о научных коллекциях включить в структуру профильного закона. Вторым путем реалистичнее, тем более что сейчас разрабатывается проект профильного закона – федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации» (Проект федерального закона «О научной... 2017). Научным коллекциям в этом проекте посвящена часть 3 статьи 56 «Научное оборудование и научные коллекции», текст которой исчерпывается одним лаконичным абзацем:

«3. Научными коллекциями являются уникальные коллекционные фонды, для которых федеральным законом или актом Правительства Российской Федерации установлены требования по обеспечению их сохранности и развития, определены условия доступа к ним, установлены требования к обеспечению информационной открытости в части информации о коллекционных фондах и услугах по доступу к коллекционным фондам».

Процитированные положения не могут претендовать на роль базовых законоположений о научных коллекциях. Они страдают явной неполнотой, так как, по сути, ограничиваются одним определением научных коллекций. Кроме того, объединение положений о научных коллекциях и научном оборудовании в одной статье является неоправданным. Наконец, само предлагаемое определение научных коллекций не соответствует логическим правилам определения понятия. Определение содержит один признак, который выражен словами «для которых федеральным законом или актом Правительства Российской Федерации установлены требования по обеспечению их сохранности и развития, определены условия доступа к ним, установлены требования к обеспечению информационной открытости в части информации о коллекционных фондах и услугах по доступу к коллекционным фондам» и по требованиям логики должен служить видовым отличием. Но этот признак не отграничивает научные коллекции от других видов коллекций.

Головной закон о научных коллекциях должен занять место основного (базового) закона среди нормативных правовых актов, полностью или частично посвященных научным коллекциям как в целом, так и их отдельным видам, в том числе биологическим (биоресурсным) коллекциям.

В этом своем качестве головной закон должен стать нормативно-правовой основой для научных коллекций и, соответственно, для других нормативных правовых актов о научных коллекциях вообще и их видовых проявлениях. В настоящее время означенной нормативно-правовой основы в российском законодательстве не существует.

Чтобы выполнить функцию нормативно-правовой основы законодательства о научных коллекциях, головной закон должен содержать общие положения о научных коллекциях, которые распространялись бы на научные коллекции всех видов или, в допустимых пределах, – на отдельные, наиболее значимые виды научных коллекций. При этом общие положения

должны достаточно системно и полно (но без излишней детализации и конкретизации) охватывать основные аспекты (стороны) научных коллекций, такие как понятие, структура, объекты, субъекты, виды, наиболее значимые элементы правового положения (статуса, правового режима), включая право собственности, иные вещные права на коллекции, полномочия органов власти и других субъектов по установлению правил (требований) в отношении научных коллекций.

Все другие федеральные законы и иные нормативные правовые акты, содержащие правила о научных коллекциях (их отдельных видах) должны исходить из общих положений головного закона о научных коллекциях.

Состав и содержание базовых правоположений о научных коллекциях могли бы быть следующими (при этом сначала курсивом приводится краткое обозначение правоположения, далее в кавычках формулируется предлагаемое правоположение, а в заключение даются пояснения к нему).

Правоположение, предусматривающее определение научной коллекции:

«Научной коллекцией (биологической, археологической, этнографической, иной) признается целенаправленно собранная, упорядоченная совокупность объектов, которая организована на научной основе, имеет научную ценность и может быть использована в научной, научно-технической, инновационной, научно-просветительской или образовательной деятельности».

В приведенном определении научных коллекций в качестве родового избрано понятие «совокупность объектов», несмотря на то что, строго говоря, таковым выступает понятие «коллекция». Сделано это потому, что законодательная практика, опасаясь тавтологии, в ущерб логике старается избегать определений через понятие, когда в термине, его обозначающем, присутствует такое же слово, как и в термине, обозначающем определяемое понятие. В данном случае это термины «научная коллекция (определяемое понятие)» и «коллекция» (родовое понятие). Опасение напрасное, но с устойчивыми законодательными установками, пусть и ошибочными, приходится считаться.

При определении научной коллекции через ближайшее родовое понятие «коллекция» законодательное определение могло бы быть следующим:

«Научной коллекцией (биологической, археологической, этнографической, иной) признается коллекция, которая организована на научной основе, имеет научную ценность и может быть использована в научной, научно-технической, инновационной, научно-просветительской или образовательной деятельности».

Возможно также определение научной коллекции через общее понятие коллекции с раскрытием его признаков, а именно:

«Научной коллекцией (биологической, археологической, этнографической, иной) признается коллекция (то есть целенаправленно собранная, упорядоченная совокупность объектов), которая организована на научной основе, имеет научную ценность и может быть использована в научной, научно-технической, инновационной, научно-просветительской или образовательной деятельности».

В предложенном законодательном определении научной коллекции в скобках перечислены отдельные виды научных коллекций (биологические, археологические, этнографические). С точки зрения логики делать это было не обязательно, но желательно для лучшего уяснения определяемого понятия.

Правоположение, определяющее соотношение научной коллекции с коллекциями, для которых установлен специальный правовой режим:

«Научной коллекцией может быть признана музейная, библиотечная (книжная), иная коллекция, в отношении которой в целом, а равно для составляющих ее объектов установлен специальный правовой режим, если такая коллекция обладает всеми признаками научной коллекции. К указанным коллекциям правила о научных коллекциях применяются в части, не противоречащей специальному правовому режиму коллекции, если иное не установлено федеральным законом, актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности».

Коллекциями, в отношении которых установлен специальный правовой режим, являются, например, музейные коллекции, правовой режим которых установлен Федеральным законом от 26 мая 1996 года № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (Федеральный закон от 26 мая 1996 г.). Предусмотрено, что коллекция, в отношении которой в целом, а равно для составляющих ее объектов установлен специальный правовой режим (музейная, библиотечная, иная), может быть признана научной коллекцией, если обладает всеми признаками научной коллекции. При этом предложено к указанным коллекциям правила о научных коллекциях применять в части, не противоречащей специальному правовому режиму коллекции, если иное не установлено федеральным законом, иными определенными нормативными правовыми актами.

Правоположение, определяющее структуру научной коллекции:

«Коллекционные объекты (единицы хранения, экспонаты), составляющие научную коллекцию, в совокупности образуют фонд коллекции (коллекционный фонд). Фонд научной коллекции может включать два или более фонда, образуемых частями коллекции, состоящими из однородных объектов».

Правоположением нормативно характеризуется структура научной коллекции и ее первичный элемент – коллекционный объект, который с учетом традиций и правил о коллекциях отдельных видов может именоваться единицей хранения, экспонатом или иным образом. Предусматривается также понятие фонда коллекции (коллекционного фонда).

Правоположение о научном коллекционном фонде Российской Федерации:

«Совокупность фондов научных коллекций образует научный коллекционный фонд Российской Федерации. Положение о научном коллекционном фонде Российской Федерации утверждается Правительством Российской Федерации».

Правоположением предусматривается новое для российского законодательства понятие – научный коллекционный фонд Российской Федерации – по аналогии с уже существующими музейным фондом Российской Федерации и архивным фондом Российской Федерации.

Правоположения об организации (лице) – держателе (владельце) научной коллекции:

«Ведение научной коллекции (в том числе обеспечение ее сохранности и функционирования) осуществляется организацией (лицом) – держателем (владельцем) коллекции.

Научная коллекция может состоять из объектов, принадлежащих двум или более организациям – держателям. В этом случае определяется головная организация – держатель коллекции».

Правоположением для системного нормативно-правового моделирования общих положений о научных коллекциях фиксируются основной связанный с коллекцией субъект – организация (лицо) – держатель (владелец) коллекции, а также основная деятельность, осуществляемая этим субъектом в отношении коллекции, – ведение научной коллекции, содержание которого прежде всего составляют обеспечение сохранности и функционирования коллекции.

В абзаце втором регламентируется ситуация, когда научная коллекция состоит из объектов, принадлежащих нескольким организациям – держателям коллекции. В этом случае должна быть определена головная организация – держатель коллекции.

Правоположения о формах собственности, иных вещных правах на научные коллекции:

«Научные коллекции могут находиться в государственной, муниципальной или частной собственности.

Научные коллекции, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства, могут находиться исключительно в федеральной государственной собственности.

Отчуждение научной коллекции, находящейся в государственной или муниципальной собственности, отдельных объектов такой коллекции в частную собственность не допускается, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

Организации и граждане могут иметь в частной собственности научные коллекции, созданные ими самостоятельно, а также приобретенные у других лиц, обладающих коллекциями на праве частной собственности, или в результате отчуждения в случаях, предусмотренных абзацем третьим настоящей части.

Научные коллекции, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, закрепляются на праве оперативного управления или хозяйственного ведения за государственными или муниципальными научными и иными организациями – держателями научных коллекций».

Правоположениями устанавливаются формы собственности на научные коллекции – государственная, муниципальная и частная. На практике

научные коллекции находятся преимущественно в государственной собственности. Несмотря на это в интересах разнообразия и свободы творческой деятельности юридически не исключаются муниципальная собственность и даже частная собственность на научные коллекции.

В абзаце пятом устанавливаются формы ограниченных вещных прав (производных от права государственной или муниципальной собственности) на научные коллекции – право оперативного управления (для научных и иных организаций, созданных в организационно-правовой форме государственного или муниципального учреждения) и право хозяйственного ведения (для научных и иных организаций, созданных в организационно-правовой форме государственного или муниципального унитарного предприятия).

Правоположения о категориях научных коллекций:

«Научные коллекции по своему научному, экономическому и (или) социально-культурному значению подразделяются на следующие категории:

1) научные коллекции федерального значения – научные коллекции, обладающие научным, экономическим и (или) социально-культурным значением для Российской Федерации;

2) научные коллекции регионального значения – научные коллекции, обладающие научным, экономическим и (или) социально-культурным значением для субъекта Российской Федерации;

3) научные коллекции местного (муниципального) значения – научные коллекции, обладающие научным, экономическим и (или) социально-культурным значением для муниципального образования;

4) научные коллекции локального значения – научные коллекции, обладающие научным, экономическим и (или) социально-культурным значением для организации (лица) – держателя (владельца) коллекции или для двух и более организаций, которым принадлежат объекты, образующие коллекцию, либо которые связаны между собой общими научными и иными интересами.

Отдельные научные коллекции федерального значения, обладающие особым научным, экономическим и (или) социально-культурным значением для Российской Федерации или также для всего мира, могут быть признаны национальным достоянием России.

Критерии и порядок отнесения научных коллекций к указанным категориям устанавливаются Правительством Российской Федерации».

Правоположениями устанавливаются категории научных коллекций в зависимости от научного, экономического и (или) социально-культурного значения, а именно научные коллекции федерального, регионального, муниципального и локального значения. Помимо этого отдельные научные коллекции федерального значения, обладающие особым научным, экономическим и (или) социально-культурным значением для Российской Федерации или также для всего мира, могут быть признаны национальным достоянием России.

Деление научных коллекций по категориям позволит реализовать дифференцированный подход при определении порядка государственного

учета, пополнения, хранения, вывоза из Российской Федерации и ввоза в нее научных коллекций (отдельных коллекционных объектов), а также при осуществлении мер по поддержке и развитию научных коллекций.

Правоположение о государственном учете научных коллекций:

«Научные коллекции подлежат государственному учету в порядке, установленном Правительством Российской Федерации».

Правоположением предусматривается необходимость государственного учета научных коллекций в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Государственный учет научных коллекций должен служить повышению значимости коллекций и упорядочению реализации мер по их поддержке и развитию.

Правоположения об обеспечении доступа к научным коллекциям заинтересованных лиц (пользователей):

«К научным коллекциям как компоненту научной инфраструктуры должен быть обеспечен доступ заинтересованных лиц (пользователей) в порядке, установленном Правительством Российской Федерации с учетом общепринятого в международном научном сообществе принципа свободного доступа к научной информации.

Доступ к научным коллекциям, имеющим статус центра коллективного пользования научным имуществом, осуществляется в порядке, установленном для центра коллективного пользования.

Доступ к научной коллекции может быть ограничен в случаях, предусмотренных федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации».

Правоположениями закрепляются базовые положения об обеспечении доступа к научным коллекциям заинтересованных лиц (пользователей).

Особо оговаривается специфика доступа к научным коллекциям, имеющим статус центра коллективного пользования научным имуществом.

Кроме того, допускается ограничение доступа к научной коллекции.

Правоположения о мерах по государственной поддержке и развитию научных коллекций:

«Правительство Российской Федерации, федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности, органы исполнительной власти, осуществляющие функции и полномочия собственников имущества, в состав которого входят научные коллекции, и органы местного самоуправления осуществляют меры по государственной (муниципальной) поддержке и развитию научных коллекций, в том числе в рамках соответствующих государственных (муниципальных) программ».

Правоположениями предусматриваются общие нормы о мерах по государственной (муниципальной) поддержке и развитию научных коллекций, в том числе в рамках соответствующих государственных (муниципальных) программ. При этом перечисляются органы государственной власти и местного самоуправления, обязанные осуществлять меры по государственной (муниципальной) поддержке и развитию научных коллекций. Среди них

указывается и органы исполнительной власти, осуществляющие функции и полномочия собственников имущества, в состав которого входят научные коллекции. К этим органам относится и ФАНО России, которому подведомственно большое количество научных организаций РАН – держателей научных коллекций, в том числе национального значения.

Правоположения, определяющие полномочия органов власти и других субъектов по установлению правил (требований) в отношении научных коллекций:

«На основании и в развитие настоящего Федерального закона федеральными законами, актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности, а также актами иных федеральных органов исполнительной власти в случаях, предусмотренных федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, в отношении научных коллекций устанавливаются общие правила (требования), в частности правила создания, учета, хранения, использования, оборота, вывоза из России и ввоза в Россию, поддержки и развития коллекций, а также специальные правила (требования), учитывающие особенности отдельных видов научных коллекций (биологических, археологических, этнографических, иных).

Собственники научных коллекций (органы, осуществляющие функции и полномочия собственников имущества, в состав которого входят научные коллекции) в случаях и порядке, предусмотренных федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, устанавливают правила (требования) в отношении научных коллекций, находящихся в их собственности.

Организация – держатель научной коллекции в случаях и порядке, предусмотренных федеральными законами, актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности собственника научной коллекции (органа, осуществляющего функции и полномочия собственника имущества, в состав которого входит научная коллекция), устанавливает правила (требования) в отношении научной коллекции, владельцем (держателем) которой она является.

Общие правила о научных коллекциях применяются, если иное не установлено специальными правилами».

Правоположениями определяются полномочия органов власти и других субъектов по установлению правил (требований) в отношении научных коллекций, в том числе:

общих правил (требований), в частности правил создания, учета, хранения, использования, оборота, вывоза из России и ввоза в Россию, поддержки и развития коллекций, а также специальных правил (требований),

учитывающих особенности отдельных видов научных коллекций (биологических, археологических, этнографических, иных);

правил (требований), устанавливаемых собственниками научных коллекций (органами, осуществляющими функции и полномочия собственников имущества, в состав которого входят научные коллекции) в отношении научных коллекций, находящихся в их собственности;

правил (требований), устанавливаемых организациями – держателями научных коллекций в отношении научных коллекций, держателями которых они являются.

Кроме того, формулируется важное положение, согласно которому общие правила о научных коллекциях применяются, если иное не установлено специальными правилами.

На основе базового закона о научных коллекциях совершенствуется законодательство о биологических (биоресурсных) коллекциях как в части общих положений о биологических коллекциях, так и в части законодательства об отдельных видах биологических коллекций.

Далее, поскольку ранее отдельные проявления недостаточного развития правового регулирования в сфере биологических коллекций были проиллюстрированы на примере биологических коллекций, зарегистрированных как центры коллективного пользования и уникальные научные установки, логично вновь затронуть эту тему – уже в контексте развития правового регулирования.

Совершенствование правового положения биологических коллекций, зарегистрированных как центры коллективного пользования и уникальные научные установки, возможно, в частности, в рамках реализации следующих первоочередных мер:

1) устранение несоответствия между биологическими коллекциями, которые не являются научным оборудованием, и центрами коллективного пользования научным оборудованием и уникальными научными установками, которые ориентированы на научное оборудование, что можно было бы сделать, в частности, путем расширения центров коллективного пользования научным оборудованием до центров коллективного пользования научным имуществом (научным имуществом биологические коллекции, безусловно, являются) или хотя бы посредством распространения правового режима центров коллективного пользования на биологические коллекции и, при необходимости, на иное научное имущество помимо научного оборудования (без изменения общих правил о центрах коллективного пользования);

2) регистрация биологических коллекций только как центров коллективного пользования и тем самым устранение неоправданного многообразия форм коллективного доступа к биологическим коллекциям;

3) адаптация правового режима центров коллективного пользования (законодательства о центрах коллективного пользования) к биологическим коллекциям, зарегистрированным как центры коллективного пользования, прежде всего путем внесения в законодательство изменений, учитывающих особенности биологических коллекций.

Развитие правового регулирования в сфере биологических коллекций на региональном уровне. Как отмечалось ранее, на региональном уровне правовые акты о биологических коллекциях издаются по ограниченному кругу вопросов и в незначительном количестве. Объясняется это узостью предмета регионального правового регулирования и малым количеством биологических коллекций, находящихся в ведении (в собственности) субъектов Российской Федерации. Точных данных о количестве региональных биологических коллекций нет, но вряд ли будет ошибкой предположить, что далеко не у каждого субъекта Российской Федерации есть биологические коллекции. Указанное обстоятельство все же не лишает смысла вопрос о правовом регулировании в сфере биологических коллекций на региональном уровне.

Правовое регулирование в сфере биологических коллекций на региональном уровне возможно в отношении коллекций, находящихся как в региональной, так и в федеральной или муниципальной собственности. Однако интенсивность правового регулирования в указанных случаях различна.

Наиболее обширна сфера регионального правового регулирования в отношении региональных биологических коллекций, поскольку они находятся в собственности субъектов Российской Федерации, что существенно расширяет круг региональных правотворческих полномочий и, соответственно, предмет правового регулирования. В отношении своих биологических коллекций субъект Российской Федерации вправе принимать нормативные правовые акты, в частности регламентирующие:

- 1) правовое положение биологических коллекций, включая правовой режим биологических коллекций как объектов региональной государственной собственности;
- 2) создание, учет, хранение и ликвидацию биологических коллекций;
- 3) использование и обращение биологических коллекций;
- 4) правовое положение отдельных видов биологических коллекций;
- 5) поддержку и развитие биологических коллекций.

Что касается биологических коллекций, не находящихся в региональной собственности, то в отношении этих коллекций возможности правового регулирования у субъектов Российской Федерации ограничиваются практически только сферой поддержки коллекций за счет финансовых средств, иного имущества субъекта Российской Федерации. Но и эти возможности необходимо использовать. Организации – держатели биологических коллекций (в том числе организации, подведомственные ФАНО России) сами или через ФАНО России (его региональные подразделения), Российскую академию наук (ее региональные отделения) могли бы обращаться в органы государственной власти субъектов Российской Федерации с инициативой о принятии региональных правовых актов, предусматривающих меры по поддержке коллекций.

Развитие правового регулирования в сфере биологических коллекций на муниципальном уровне. Правовое регулирование в сфере биологических коллекций на муниципальном уровне (как уже говорилось)

предметно ограничено, причем в большей степени, чем на региональном уровне, поскольку в число вопросов местного значения биологические коллекции практически не входят, если в собственности муниципального образования нет биологических коллекций. Однако и в муниципальных образованиях возможно правовое регулирование, связанное с биологическими коллекциями, особенно если последние имеются в муниципальной собственности.

В случаях, когда в собственности муниципального образования биологические коллекции имеются, органы местного самоуправления в отношении этих коллекций могут издавать нормативные правовые акты, в частности регламентирующие:

- 1) правовое положение биологических коллекций, включая правовой режим биологических коллекций как объектов муниципальной собственности;
- 2) создание, учет, хранение и ликвидацию биологических коллекций;
- 3) использование и обращение биологических коллекций;
- 4) правовое положение отдельных видов биологических коллекций;
- 5) поддержку и развитие биологических коллекций.

В отношении биологических коллекций, не находящихся в собственности муниципального образования, но расположенных на его территории, возможности муниципального правового регулирования исчерпываются практически только сферой поддержки коллекций за счет финансовых средств, иного имущества муниципального образования. Эти возможности можно использовать таким же образом, как и в случае с региональным правовым регулированием. Организации – держатели биологических коллекций сами или через свои ведомства могли бы обращаться в органы местного самоуправления с инициативой о принятии муниципальных правовых актов, предусматривающих меры по поддержке коллекций.

Развитие правового регулирования в сфере биологических коллекций на локальном уровне. Правовое регулирование в сфере биологических коллекций на локальном уровне обладает, пожалуй, даже большей свободой, чем на региональном и муниципальном уровнях. Обусловлено это тем, что биологические коллекции находятся в непосредственном ведении (с точки зрения вещных прав – чаще всего в оперативном управлении) субъектов локального правового регулирования, а именно организаций – держателей коллекций, которые обеспечивают формирование и функционирование коллекций, и сами же (в основном) используют их в своей деятельности. Как владельцы организации – держатели соответствующих коллекций имеют широкие возможности регламентации формирования, учета, обеспечения сохранности, использования, пополнения, иных вопросов ведения коллекций.

Задача по совершенствованию локального правового регулирования в сфере биологических коллекций масштабна. Прежде всего необходимо разработать систему локальных правовых актов организаций – держателей биологических коллекций, учитывающую особенности коллекций отдельных видов. В эту систему наряду с другими локальными актами должны

входить положение о биологической коллекции и положение о структурном подразделении научной организации, обеспечивающем ведение биологической коллекции.

Заключение

Итог. В результате решения поставленной в статье задачи впервые в юридической науке получены системные данные о массиве правовых актов и, соответственно, о правовом регулировании в сфере биологических коллекций, в частности выявлены, описаны и проанализированы иерархическая и предметная системы правового регулирования в сфере биологических коллекций, дана оценка состояния правового регулирования (законодательства) в указанной сфере, сделан вывод о недопустимо низком уровне развития законодательства о биологических коллекциях, что выражается, по меньшей мере, в недостаточном уровне системности и полноты законодательства о биологических коллекциях, а также в том, что законодательство в сферах, связанных с биологическими коллекциями, далеко не всегда учитывает особенности биологических коллекций. На основе анализа определены направления развития правового регулирования в сфере биологических коллекций, даны отдельные конкретные предложения по совершенствованию законодательства и прежде всего разработаны базовые правовые положения о научных коллекциях.

Перспективы. Общая задача по научно-юридическому обеспечению деятельности, связанной с биологическими коллекциями, масштабна. Работы должны быть продолжены. Результаты уже проведенных исследований могут служить научной базой для дальнейшей углубленной разработки правовых аспектов биологических коллекций.

Благодарности. Автор статьи благодарит:

руководителя Рабочей группы по поддержке и развитию биоресурсных коллекций при НКС ФАНО России академика Н.А. Колчанова, начальника Управления академического взаимодействия и обеспечения деятельности НКС ФАНО России доктора медицинских наук Е.В. Степанову – за содействие в проведении исследований, в том числе в сборе материалов по более чем шестидесяти биологическим коллекциям;

ученых-биологов Л.Л. Войту, Д.В. Гельтмана, Л.И. Евтушенко, Н.Г. Ерохина, Л.В. Калакуцкого, М.П. Мошкина, Н.В. Пименова и других – за ценную для исследования информацию;

компанию «Консультант Плюс» – за многолетнее безвозмездное предоставление одноименной справочной правовой системы, с помощью которой поиск правовых актов о биологических коллекциях проводился в информационных банках Российское законодательство (Версия Проф), Эксперт-приложение, Международное право, Проекты нормативных правовых актов, Сводное региональное законодательство и других (в общей сложности насчитывающих более 15 млн документов), что позволило выявить более двухсот правовых актов, относящихся к теме исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК¹

Авдейко А.Г. и др. 2011. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный) / А.Г. Авдейко, С.Н. Антонов, И.Л. Бачило [и др.]; под общ. ред. Н.Г. Салищевой. 7-е изд. М. : Проспект. 1296 с. Комментар. к ст. 8.34 «Нарушение установленного порядка создания, использования или транспортировки биологических коллекций».

Гельтман Д.В. 2011. Гербарные коллекции России: значение для изучения биологического разнообразия растений и грибов, современное состояние, проблемы и перспективы // Вопросы правового обеспечения научно-технической и инновационной деятельности : информ.-аналит. сб. по материалам выездн. расшир. заседания и «круглого стола» / Федер. Собрание РФ, Гос. Дума, Комитет по науке и наукоемким технологиям ; под общ. ред. В.А. Черешнева [и др.]. М. : Изд. Гос. Думы. С. 132-139.

Дзюбенко Н.И. 2011. Вавиловская коллекция культурных растений: история и современность // Сохранение биологического разнообразия России – основа устойчивого развития науки и наукоемких производств : [материалы слушаний на тему «Биологические коллекции России – основа устойчивого развития науки и наукоемких производств», состоявшихся 1 марта 2011 г. в Обществ. палате РФ]. М. : Всерос. селекц.-технол. ин-т садоводства и питомниководства Россельхозакадемии. С. 80-109.

Евтушенко Л.И. и др. 2015. Всероссийская коллекция микроорганизмов: путь к биологическому ресурсному центру / Л.И. Евтушенко, В.И. Голубев, С.М. Озерская, А.П. Соколов, Л.В. Калакуцкий // История науки и техники. № 5. С. 19-36.

Итоги второго этапа инвентаризации биоресурсных коллекций ФАНО России, 2017 : Отчет экспертов Рабочей группы по поддержке и развитию биоресурсных коллекций ФАНО России. [Б. м.]. 114 с. Не опубликовано.

Калакуцкий Л.В. 2011. Коллекции культур: от неустойчивого существования к устойчивому развитию // Вопросы правового обеспечения научно-технической и инновационной деятельности : информ.-аналит. сб. по материалам выездн. расшир. заседания и «круглого стола» / Федер. Собрание РФ, Гос. Дума, Комитет по науке и наукоемким технологиям ; под общ. ред. В.А. Черешнева [и др.]. М. : Изд. Гос. Думы. С. 113-118.

Калакуцкий Л.В., Озерская С.М. 2011. Биологические ресурсные центры: современное состояние в России и мире, проблемы организации, перспективы

В библиографическом списке используются (помимо общепринятых и нормативно-установленных) следующие сокращения:

Бюл. междунар. дог. – Бюллетень международных договоров;

Бюл. нормат. актов федеральн. орг. исполн. власти – Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти;

Информ. банк Комментарии зак-ва – Информационный банк Комментарии законодательства;

Информ. банк Междунар. право – Информационный банк Международное право;

Информ. банк Рос. зак-во (Версия Проф) – Информационный банк Российское законодательство (Версия Проф);

Информ. банк Сводн. регион. зак-во – Информационный банк Сводное региональное законодательство;

Информ. банк Эксперт-прилож. – Информационный банк Эксперт-приложение;

обновл. – обновление;

Собрание зак-ва РФ – Собрание законодательства Российской Федерации;

СПС – Справочная правовая система;

РФ – Российская Федерация.

развития // Вестн. биотехнологии и физико-химической биологии им. Ю.А. Овчинникова. Т. 7, № 1. С. 28-40.

Каменский П.А. и др. 2016. Биологические коллекции: стремление к идеалу // Acta Naturae (русскоязычная версия) / П.А. Каменский, А.Э. Сазонов, А.А. Федянин, В.А. Садовничий. Т. 8, № 2 (29). С. 6-10.

Краев Н.В. 2003. Правовое регулирование действий с зоологическими коллекциями [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Комментарии зак-ва / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 18 нояб. 2017 г. Статья подгот. для системы КонсультантПлюс, 2003.

Новикова Л.А. (ред.) 2015. Ботанические коллекции – национальное достояние России : [материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., посвящ. 120-летию гербария им. И.И. Спрыгина и 100-летию Рус. ботанич. о-ва, Пенза, 17–19 февр. 2015 г.] / под ред. Л.А. Новиковой. Пенза : Пенз. гос. ун-т. 408 с.

Озерская С.М. 2012. Грибы в коллекциях культур: фундаментальные и прикладные аспекты : автореф. дис. ... д-ра биолог. наук. М. 50 с.

Озерская С.М. и др. 2006. Состояние коллекций микроорганизмов в России / С.М. Озерская, Г.А. Кочкина, Н.Е. Иванушкина, К.М. Запрометова, С.С. Еремина, Е.В. Князева // Вестн. биотехнологии. Т. 2, № 3. С. 51-61.

Пинаев Г.П. 2011. Состояние «Российской коллекции клеточных культур» (Междуведомств. объединения специализир. коллекций) // Вопросы правового обеспечения научно-технической и инновационной деятельности : информ.-аналит. сб. по материалам выездн. расшир. заседания и «круглого стола» / Федер. Собрание РФ, Гос. Дума, Комитет по науке и наукоемким технологиям ; под общ. ред. В.А. Черешнева [и др.]. М. : Изд. Гос. Думы. С. 144-148.

Пчельников М.В. 2016. Правовое регулирование создания, использования и транспортировки биологических коллекций (биологических объектов) // Академ. вестн. Ростов. фил. Рос. таможенной акад. № 4 (25). С. 73-77.

Слепенкова О.А., Бирюкова Т.А. 2013. Комментарий к Федеральному закону от 24 апр. 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» (постатейный) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Комментарии зак-ва / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 18 нояб. 2017 г. Подгот. для системы КонсультантПлюс, 2013. Комментар. к ст. 29 «Зоологические коллекции».

Сохранение биологического разнообразия России – основа устойчивого развития науки и наукоемких производств, 2011 : [материалы слушаний на тему «Биологические коллекции России – основа устойчивого развития науки и наукоемких производств», состоявшихся 1 марта 2011 г. в Обществ. палате РФ]. М. : Всерос. селекц.-технолог. ин-т садоводства и питомниководства Россельхозакадемии. 130 с.

Темирбекова С.К. и др. 2011. О мировой коллекции генетических ресурсов растений Н.И. Вавилова / С.К. Темирбекова, И.М. Куликов, О.Г. Казаков, А.А. Курило // Сохранение биологического разнообразия России – основа устойчивого развития науки и наукоемких производств : [материалы слушаний на тему «Биологические коллекции России – основа устойчивого развития науки и наукоемких производств», состоявшихся 1 марта 2011 г. в Обществ. палате РФ]. М. : Всерос. селекц.-технолог. ин-т садоводства и питомниководства Россельхозакадемии. С. 27-33.

Ткаченко К.Г. 2015. Живые коллекции ботанических садов – база для изучения и сохранения биологического разнообразия // Ботанические коллекции – национальное достояние России : [материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., посвящ. 120-летию гербария им. И.И. Спрыгина и 100-летию Рус. ботанич. о-ва, Пенза, 17–19 февр. 2015 г.] / под ред. Л.А. Новикова. Пенза : Пенз. гос. ун-т. С. 280-282.

Черешнев В.А. 2011. О совершенствовании законодательного обеспечения сохранения биологических коллекций для развития биотехнологической отрасли Российской Федерации // Вопросы правового обеспечения научно-технической и инновационной деятельности : информ.-аналит. сб. по материалам выездн. расшир. заседания и «круглого стола» / Федер. Собрание РФ, Гос. Дума, Комитет по науке и наукоемким технологиям ; под общ. ред. В.А. Черешнева [и др.]. М. : Изд. Гос. Думы. С. 106-108.

Конвенция о биологическом разнообразии. Заключена 5 июня 1992 г. в г. Рио-де-Жанейро. Вступила в силу 29 дек. 1993 г. Ратифицирована Россией Федеральным законом от 17 февр. 1995 г. № 16-ФЗ. Вступила в силу для России 4 июля 1995 г. // Собрание зак-ва РФ. 1996. № 19. Ст. 2254.

Соглашение о сотрудничестве в области сохранения и использования генетических ресурсов культурных растений государств – участников СНГ. Заключено в г. Минске 4 июня 1999 г. // Бюл. междунар. дог. 2000. № 11. С. 21-25.

Международный договор о растительных генетических ресурсах для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства. Подписан в г. Риме 3 нояб. 2001 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Междунар. право / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 7 дек. 2017 г. Россия в договоре не участвует.

Боннские руководящие принципы по обеспечению доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равноправной основе выгод от их применения. Приняты шестым совещанием Конференции Сторон Конвенции о биологическом разнообразии в Гааге в апр. 2002 г. / Секретариат Конвенции о биологическом разнообразии. Монреаль, 2002.

Модельный закон о сохранении генетических ресурсов культурных растений и их рациональном использовании. Принят в г. Санкт-Петербурге 3 дек. 2009 г. Постановлением № 33-8 на 33-ем пленарном заседании Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ // Информ. бюл. Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 2010. № 46. С. 61-82.

Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения к Конвенции о биологическом разнообразии. Подписан 29 окт. 2010 г. в г. Нагое (Россия не является стороной протокола). Вступил в силу 12 окт. 2014 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Междунар. право / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 7 дек. 2017 г.

Конвенция о сохранении агробиоразнообразия. Заключена в г. Бишкеке 7 июня 2016 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Междунар. право / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 7 дек. 2017 г.

Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, заключенному в г. Москве 11 апр. 2017 г.). Вступил в силу с 1 января 2018 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Рос. зак-во (Версия Проф) / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 7 дек. 2017 г.

Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание зак-ва РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Федеральный закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ) // Собрание зак-ва РФ. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 1.

Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая. Федеральный закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание зак-ва РФ. 2006. № 52, ч. 1. Ст. 5496.

Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» // Собрание зак-ва РФ. 1995. № 12. Ст. 1024.

Федеральный закон от 24 апр. 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» // Собрание зак-ва РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.

Федеральный закон от 3 авг. 1995 г. № 123-ФЗ «О племенном животноводстве» // Собрание зак-ва РФ. 1995. № 32. Ст. 3199.

Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // Собрание зак-ва РФ. 1996. № 22. Ст. 2591.

Федеральный закон от 23 авг. 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание зак-ва РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

Федеральный закон от 17 дек. 1997 г. № 149-ФЗ «О семеноводстве» // Собрание зак-ва РФ. 1997. № 51. Ст. 5715.

Федеральный закон от 20 дек. 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» // Собрание зак-ва РФ. 2004. № 52, ч. 1. Ст. 5270.

Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание зак-ва РФ. 2009. № 30. Ст. 3735.

Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» // Собрание зак-ва РФ. 2016. № 26, ч. 1. Ст. 3849.

Проект федерального закона «О национальной коллекции патогенных микроорганизмов. Подготовлен Минздравом России». Редакция на 14 сент. 2016 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Проекты нормативных правовых актов / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 7 дек. 2017 г. (Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://regulation.gov.ru/> по состоянию на 14.09.2016).

Проект федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации» (подгот. Минобрнауки России. Ред. на 31 июля 2017 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Проекты нормативных правовых актов / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 7 дек. 2017 г. (Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://regulation.gov.ru/> по состоянию на 31.07.2017).

Основы государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. и дальнейшую перспективу. Утв. Президентом Российской Федерации 1 нояб. 2013 г. (поручение № Пр-2573) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Рос. зак-во (Версия Проф) / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 7 дек. 2017 г.

Постановление Правительства Российской Федерации от 24 июня 1996 г. № 725-47 «О мерах по сохранению и рациональному использованию коллекций микроорганизмов, культивируемых клеток высших растений, перевиваемых соматических клеток позвоночных» (акт ограниченного доступа; официально не опубл.).

Постановление Правительства Российской Федерации от 17 июля 1996 г. № 823 «О порядке государственного учета, пополнения, хранения, приобретения, продажи, пересылки, вывоза за пределы Российской Федерации и ввоза на ее территорию зоологических коллекций» // Собрание зак-ва РФ. 1996. № 31. Ст. 3718.

Правила продажи отдельных видов товаров. Утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 янв. 1998 г. № 55 // Собрание зак-ва РФ. 1998. № 4. Ст. 482.

Правила ввоза на территорию Российской Федерации и вывоза за пределы территории Российской Федерации биологических материалов, полученных при проведении клинического исследования лекарственного препарата для медицинского применения. Утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 сент. 2010 г. № 673 // Собрание зак-ва РФ. 2010. № 37. Ст. 4688.

Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 г. (ВП-П8-2322). Утв. Председателем Правительства Российской Федерации 24 апр. 2012 г. № 1853п-П8 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс». Информ. банк Рос. зак-во (Версия Проф) / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 7 дек. 2017 г.

Положение о Министерстве здравоохранения Российской Федерации. Утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 608 // Собрание зак-ва РФ. 2012. № 26. Ст. 3526.

Программа фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 годы. Утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 дек. 2012 г. № 2237-р // Собрание зак-ва РФ. 2012. № 50, ч. 6. Ст. 7089.

Положение о Федеральном агентстве научных организаций. Утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 окт. 2013 г. № 959 // Собрание зак-ва РФ. 2013. № 44. Ст. 5758.

Правила функционирования центров коллективного пользования научным оборудованием и уникальных научных установок, которые созданы и (или) функционирование которых обеспечивается с привлечением бюджетных средств. Утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 17 мая 2016 г. № 429 // Собрание зак-ва РФ. 2016. № 22. Ст. 3208.

Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы. Утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 авг. 2017 г. № 996 // Собрание зак-ва РФ. 2017. № 36. Ст. 5421.

Положение о дендрологическом парке федерального значения «Дендрарий». Утв. Приказом Минприроды России от 25 апр. 2016 г. № 261 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Рос. зак-во (Версия Проф) / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 7 дек. 2017 г.

Положение о Сочинском общереспубликанском государственном природном заказнике. Утв. Приказ Минсельхоза России от 24 дек. 2003 г. № 1571 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Эксперт-прилож. / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 7 дек. 2017 г.

Правила по борьбе с гриппом птиц. Утв. Приказом Минсельхоза России от 27 марта 2006 г. № 90 Rules for fighting bird flu. // Бюл. нормат. актов федер. органов исполн. власти. 2006. № 19.

Порядок оформления ветеринарных сопроводительных документов на бумажных носителях. Утв. Приказом Минсельхоза России от 27 дек. 2016 г. № 589 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Рос. зак-во (Версия Проф) / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 7 дек. 2017 г.

Положение о зоологических коллекциях. Утв. Приказом Госкомэкологии России от 30 сент. 1997 г. № 411 // Бюл. нормат. актов федер. органов исполн. власти. 1998. № 9.

Положение о Государственной коллекции патогенных микроорганизмов и клеточных культур на базе федерального государственного учреждения науки «Государственный научный центр прикладной микробиологии и биотехнологии» Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. Утв. Приказом Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 27 июля 2010 г. № 297 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Эксперт-прилож. / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 7 дек. 2017 г.

Положение о Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Ботаническом саде-институте Дальневосточного отделения Российской академии наук как особо охраняемой природной территории федерального значения. Утв.

Приказом ФАНО России от 18 марта 2015 г. № 5н [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Рос. зак-во (Версия Проф) / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 7 дек. 2017 г.

План деятельности Федерального агентства научных организаций на 2016–2021 годы. Утв. руководителем ФАНО России 27 июня 2016 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Рос. зак-во (Версия Проф) / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 7 дек. 2017 г.

Положение об Управлении международного взаимодействия и организации научно-технического сотрудничества. Утв. Приказом ФАНО России от 18 окт. 2016 г. № 502 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Рос. зак-во (Версия Проф) / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 18 нояб. 2017 г.

Приказ ФАНО России от 2 февр. 2017 г. № 59 «Об определении перечней особо ценного движимого имущества федеральных государственных бюджетных и автономных учреждений, подведомственных Федеральному агентству научных организаций» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Рос. зак-во (Версия Проф) / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 7 дек. 2017 г.

Письмо ФАНО России от 29 авг. 2017 г. № 007-18.2-11/МК-405 «О сборе информации по биоресурсным коллекциям в Системе “Парус” (2017 год)» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Эксперт-прилож. / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 18 нояб. 2017 г.

Рекомендации по регистрации биоресурсной коллекции как центра коллективного пользования и (или) уникальной научной установки на сайте «Современная научная инфраструктура Российской Федерации» (scr-rg.ru) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (размещены на сайте ФАНО России 26 июня 2017 г. без указания реквизитов) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАНО России. URL: http://fano.gov.ru/ru/documents/card/?id_4=66812 (дата обращения: 07.12.2017).

Краевая программа «Развитие биотехнологий в Алтайском крае на период до 2020 г.». Утв. Постановлением Администрации Алтайского края от 15 июля 2014 г. № 329 [Электронный ресурс] // Сборник законодательства Алтайского края, 2014, № 219, ч. 1, с. 256; СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Сводн. регион. зак-во (Алтайский край) / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 7 дек. 2017 г.

Закон Московской области от 8 июня 2006 г. № 87/2006-ОЗ «О ветеринарии в Московской области» [Электронный ресурс] // Ежедневные Новости. Подмосковье. 2006. № 107; СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Сводн. регион. зак-во (Московская обл.) / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 7 дек. 2017 г.

Закон Новосибирской области от 26 сент. 2005 г. № 325-ОЗ «Об особо охраняемых природных территориях в Новосибирской области» [Электронный ресурс] // Ведомости Новосиб. обл. Совета депутатов. 2005. № 40; СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Сводн. регион. зак-во (Новосибирская обл.) / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 7 дек. 2017 г.).

Положение об особо охраняемой природной территории областного значения «Природный парк “Малый Исток”». Утв. Постановлением Правительства Свердловской области от 25 февр. 2004 г. № 128-ПП [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Сводн. регион. зак-во (Свердловская обл.) / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 7 дек. 2017 г.

Приказ Департамента по охране животного мира Свердловской области от 3 марта 2016 г. № 63 «Об утверждении Перечня должностных лиц Департамента по охране, контролю и регулированию использования животного мира Свердловской области, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях»

[Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Информ. банк Сводн. регион. зак-во (Свердловская обл.) / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 7 дек. 2017 г.

Муниципальная программа «Предпринимательство городского округа Пушкино» на 2017–2021 годы. Утв. Постановлением администрации г. Пушкино Московской области от 16 марта 2017 г. № 112-п [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс». Информ. банк Сводн. регион. зак-во (Московская обл.) / Компания «Консультант Плюс». Последн. обновл. 7 дек. 2017 г.

Положение о биологической коллекции «Биобанк населения Северной Евразии» Научно-исследовательского института медицинской генетики Федер. гос. бюджет. науч. учреждения «Томский национальный исследовательский медицинский центр Российской академии наук». Утв. директором НИИ медицинской генетики Томского НИМЦ 28 февр. 2017 г. 5 с. Не опубл. (копия подлинника).

Положение о центре коллективного пользования «Коллекция уникальных экстремофильных микроорганизмов различных физиологических групп биотехнологического назначения (UNIQEM)». Утв. директором Федерального исслед. центра «Фундаментальные основы биотехнологии» РАН 2 марта 2017 г. М. 24 с. Не опубл. (копия подлинника).

M. Kazantsev. *Pravovoye regulirovaniye v sfere biologicheskikh kollektсий: sistema, sostoyaniye, razvitiye* [Legal regulation in the sphere of biological collections: system, state, development], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 94–143. (in Russ.).

Mikhail F. Kazantsev, Doctor of Law, Head of Law Division, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, Russia.
E-mail: kazan.m@mail.ru.
ORCID ID: 0000-0003-3492-2815

Article received 14.12.2017, accepted 16.02.2018, available online 01.04.2018

THE LEGAL REGULATION IN THE SPHERE OF BIOLOGICAL COLLECTIONS: SYSTEM, STATE, DEVELOPMENT

Abstract. For the first time in the legal science, the article obtains the system data on the array of legal acts and, accordingly, on the legal regulation in the field of biological collections. Particularly, it describes and analyses the hierarchic and substantive system of legal regulation in the sphere of biological collections. The article estimates current legal regulation (legislation) in this field, and concludes on the unacceptably low level of development of legislation on biological collections. At least, it is expressed in the lack of consistency and completeness of legislation on biological collections, as well as in the fact that the legislation in the areas related to biological collections not always takes into account the specifics of biological collections. Based on the conducted analysis, the article defines further developments in the biological collections' legislation, provides concrete proposals for improvement of the legislation, and, what is mostly important, formulates the basic legal statements on the scientific collections.

Original definitions of the scientific and biological collections elaborated in the article are the following: "Scientific collection (biological, archeological, ethnographical, other)

is recognized as purposefully collected, ordered set of objects, which is organized on the scientific basis, has scientific value, and can be used in scientific, scientific-technical, innovative, scientific-educational activities”: “Biological collection is a scientific collection, which is formed by the set (fund) of zoological, botanical, microbiological, genetic, and other biological objects, can be used in scientific, scientific-technical, innovative, scientific-educational activities, including the purpose of preserving biological diversity and use of biological resources”.

Keywords: scientific collection; biological (bio-resource) collection; collection object (sample, exhibited object); legal regulation in sphere of biological collections; legislation on biological collections; legal regime of biological collection; center for collective use.

References

Avdeyko A.G., Antonov S.N., Bachilo I.L. et al. *Kommentariy k Kodeksu Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyyakh (postateynnyy)* [Commentaries on the Code of the administrative offences of the Russian Federation (article-by-article)], Moscow, Prospekt, 2011, 1296 p. (in Russ.).

Bonnskie rukovodyashchie printsipy po obespecheniyu dostupa k geneticheskim resursam i sovmestnogo ispol'zovaniya na spravedливoy i ravnopravnoy osnove vygod ot ikh primeneniya. Prinyaty shestym soveshchaniem Konferentsii Storon Konventsii o biologicheskoy raznoobrazii v Gaage v apr. 2002 g. [Bonn Guidelines on Access to Genetic Resources and Fair and Equitable Sharing of the Benefits Arising out of their Utilization. Adopted by the Conference of the Parties to the Convention on Biological Diversity at its sixth Meeting in Hague in April 2002], Montreal, Sekretariat Konventsii o biologicheskoy raznoobrazii, 2002. (in Russ.).

Chereshnev V.A. *O sovershenstvovaniy zakonodatel'nogo obespecheniya sokhraneniya biologicheskikh kollektsey dlya razvitiya biotekhnologicheskoy otrasli Rossiyskoy Federatsii* [On the improvement of the legislative providing the biological collections for the development of the biotechnological branch of the Russian Federation], V.A. Chereshnev i dr. (red.), *Voprosy pravovogo obespecheniya nauchno-tekhnicheskoy i innovatsionnoy deyatel'nosti : inform.-analit. sb. po materialam vyezd. rasshir. zasedaniya i «kruglogo stola»*, Moscow, Izd. Gos. Dumy, 2011, pp. 106-108. (in Russ.).

Dzyubenko N.I. *Vavilovskaya kolleksiya kul'turnykh rasteniy: istoriya i sovremennost'* [Vavilov collection of the cultural herbs: history and modernity], *Sokhraneniye biologicheskogo raznoobraziya Rossii – osnova ustoychivogo razvitiya nauki i naukoemkikh proizvodstv : materialy slushaniy*, Moscow, Vseros. selekts.-tekhnol. in-t sadovodstva i pitomnikovodstva Rossel'khozakademii, 2011, pp. 80-109. (in Russ.).

Evtushenko L.I., Golubev V.I., Ozerskaya S.M., Sokolov A.P., Kalakutskiy L.V. *Vserossiyskaya kolleksiya mikroorganizmov: put' k biologicheskomu resursnomu tsentru* [All-Russia collection of microorganisms: way to the biological resource center], *Istoriya nauki i tekhniki*, 2015, no. 5, pp. 19-36. (in Russ.).

Federal'naya nauchno-tekhnicheskaya programma razvitiya sel'skogo khozyaystva na 2017–2025 gody. Utverzhdena Postanovleniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 25 avg. 2017 g. № 996 [Federal Scientific and Technical Program for the Development of Agriculture for 2017-2025. Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of 25 August. 2017 No. 996], *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2017, no. 36, art. 5421. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 14 marta 1995 g. № 33-FZ «Ob osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriyakh» [Federal Law on March 14, 1995 No. 33-FZ on the specially protected natural areas], *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 1995, no. 12, art. 1024.

Federal'nyy zakon ot 17 dek. 1997 g. № 149-FZ «O semenovodstve» [Federal Law on December 17, 1997 No. 149-FZ on the Seed Industry], *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 1997, no. 51, art. 5715. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 20 dek. 2004 g. № 166-FZ «O rybolovstve i sokhraneniі vodnykh biologicheskikh resursov» [Federal Law on December 20, 2004 No. 166-FZ on the Fishing Industry and preserving the water biological resources], *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2004, no. 52, pt. 1, art. 5270. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 23 avg. 1996 g. № 127-FZ «O nauke i gosudarstvennoy nauchno-tekhnicheskoy politike» [Federal Law on August 23, 1996 No. 127-FZ on the Science and state technical scientific politics], *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 1996, no. 35, art. 4137. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 23 iyunya 2016 g. № 180-FZ «O biomeditsinskikh kletochnykh produktakh» [Federal Law on June 23, 2016 No. 180-FZ on the biomedical cell products], *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2016, no. 26, pt. 1, art. 3849. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 24 apr. 1995 g. № 52-FZ «O zhivotnom mire» [Federal Law on April 24, 1995 No 52-FZ on the animal world], *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 1995, no. 17, art. 1462. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 24 iyulya 2009 g. № 209-FZ «Ob okhote i o sokhraneniі okhotnich'ikh resursov i o vneseniі izmeneniі v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law on July 24, 2009 No. 209-FZ on the Hunting and on the Preserving the Hunting Resources and on the Changing the Particular Legislative Acts of the Russian Federation], *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2009, no. 30, art. 3735. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 26 maya 1996 g. № 54-FZ «O Muzeynom fonde Rossiyskoy Federatsii i muzeyakh v Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law on May 26, 1996 No. 54-FZ on the Museum Fund of the Russian Federation and Museums in the Russian Federation], *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 1996, no. 22, art. 2591. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 3 avg. 1995 g. № 123-FZ «O plemennom zhivotnovodstve» [Federal Law on August 3, 1995 No. 123-FZ on the livestock breeding], *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 1995, no. 32, art. 3199. (in Russ.).

Geltman D.V. *Gerbarnye kolleksii Rossii: znachenie dlya izucheniya biologicheskogo raznoobraziya rasteniy i gribov, sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy* [Gerbarium collections of Russia: meaning for studying the biological diversity of herbs and mushrooms, modern situation, problems and prospects], V.A. Chereshev i dr. (red.), *Voprosy pravovogo obespecheniya nauchno-tekhnicheskoy i innovatsionnoy deyatel'nosti : inform.-analit. sb. po materialam vyezdn. rasshir. zasedaniya i «kruglogo stola»*, Moscow, Izd. Gos. Dumy, 2011, pp. 132-139. (in Russ.).

Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast' chetvertaya. Federal'nyy zakon ot 18 dek. 2006 g. № 230-FZ [Civil Code of the Russian Federation. Part 4. Federal Law on December 18, 2006 No. 230-FZ], *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2006, no. 52, pt. 1, art. 5496. (in Russ.).

Itogi vtorogo etapa inventarizatsii bioresursnykh kolleksiy FANO Rossii : Otchet ekspertov Rabochey gruppy po podderzhke i razvitiyu bioresursnykh kolleksiy FANO Rossii [Results of the second stage of the bioresource collections inventory of FASO Russia: Report of experts of the work group on the support and development of the bioresource collections of FASO Russia], 2017, 114 p. Unpublished. (in Russ.).

Kalakutskiy L.V. *Kolleksii kul'tur: ot neustoychivogo sushchestvovaniya k ustoychivomu razvitiyu* [Collection of cultures: from the unsustainable existence to sustainable development], V.A. Chereshev i dr. (red.), *Voprosy pravovogo obespecheniya nauchno-tekhnicheskoy i innovatsionnoy deyatel'nosti : inform.-analit. sb. po materialam vyezdn. rasshir. zasedaniya i «kruglogo stola»*, Moscow, Izd. Gos. Dumy, 2011, pp. 113-118. (in Russ.).

Kalakutskiy L.V., Ozerskaya S.M. *Biologicheskie resursnye tsentry: sovremennoe sostoyanie v Rossii i mire, problemy organizatsii, perspektivy razvitiya* [Biological resource centers: the current situation in Russia and world, the organizational problems, prospects of development], *Vestnik biotekhnologii i fiziko-khimicheskoy biologii im. Yu.A. Ovchinnikova*, 2011, vol. 7, no. 1, pp. 28-40. (in Russ.).

Kamenskiy P.A., Sazonov A.E., Fedyanin A.A., Sadovnichiy V.A. *Biologicheskije kollektzii: stremenie k idealu* [Biological collections: intention to the ideal], *Acta Naturae (russkoyazychnaya versiya)*, 2016, vol. 8, no. 2 (29), pp. 6-10. (in Russ.). (in Russ.).

Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh (Federal'nyy zakon ot 30 dek. 2001 g. № 195-FZ) [Code of the Russian Federation on the administrative offences. Federal Law on December 30, 2001 No. 195-FZ], *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2002, no. 1, pt. 1, art. 1. (in Russ.).

Kompleksnaya programma razvitiya biotekhnologiy v Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 g. (VP-P8-2322). Utverzhdena Predsedatelem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii 24 apr. 2012 g. № 1853p-P8 [Complex program of the biotechnology development in the Russian Federation for the period until 2020 (VP-P8-2322). Approved by the Chairman of the Government of the Russian Federation on April 24, 2012 No. 1853p-P8], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Ros. zakonodatel'stvo (Versiya Prof) (accessed 7 December 2017). (in Russ.).

Konventsiya o biologicheskom raznoobrazii. Zaklyuchena 5 iyunya 1992 g. v g. Rio-de-Zhaneyro. Vstupila v silu 29 dek. 1993 g. Ratifitsirovana Rossiey Federal'nym zakonom ot 17 fevr. 1995 g. № 16-FZ. Vstupila v silu dlya Rossii 4 iyulya 1995 g. [The Convention on Biological Diversity. Signed on June 5, 1992 in Rio de Janeiro. Entered into force on December 29, 1993. Ratified by Federal Law on February 17, 1995 No 16-FZ. Entered into force for Russia on July 4, 1995], *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 1996, no. 19, art. 2254. (in Russ.).

Konventsiya o sokhraneniі agrobioraznoobraziya. Zaklyuchena v g. Bishkeke 7 iyunya 2016 g. [Convention on the agrobiodiversity. Signed in Bishkek on June 4, 2016], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Mezhdunarodnoe pravo (accessed 7 December 2017). (in Russ.).

Kraev N.V. *Pravovoe regulirovanie deystviy s zoologicheskimi kollektsiyami* [Legal regulation of the actions with zoological collections], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Kommentarii zakonodatel'stva, 2003 (accessed 18 November 2017). (in Russ.).

Kraevaya programma «Razvitie biotekhnologiy v Altayskom krae na period do 2020 g.» Utverzhdena Postanovleniem Administratsii Altayskogo kraya ot 15 iyulya 2014 g. № 329 [Regional program “Development of the biotechnologies in the Altai Area for the period until 2020”. Approved by the Decree of the Administration of the Altai Area of July 15, 2014 No. 329], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Svodn. region. zak-vo (Altayskiy kray) (accessed 7 December 2017). (in Russ.).

Mezhdunarodnyy dogovor o rastitel'nykh geneticheskikh resursakh dlya proizvodstva prodovol'stviya i vedeniya sel'skogo khozyaystva. Podpisan v g. Rime 3 noyab. 2001 g. [International treaty on the plant genetic resources for food and agriculture. Signed in Rome on November 3, 2001], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Mezhdunarodnoe pravo (accessed 7 December 2017). (in Russ.).

Model'nyy zakon o sokhraneniі geneticheskikh resursov kul'turnykh rasteniy i ikh ratsional'nom ispol'zovanii. Prinyat v g. Sankt-Peterburge 3 dek. 2009 g. Postanovleniem № 33-8 na 33-em plenarnom zasedanii Mezhpaplament. Assamblei gosudarstv – uchastnikov SNG [Model Law on the preservation of genetic resources of the cultural plants and their rational applying. Adopted in St. Petersburg on December 3, 2009, Resolution No.33-8 of 33th plenary meeting of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member Nations], *Inform. byulleten' Mezhpaplament'skoy Assamblei gosudarstv – uchastnikov SNG*, 2010, no. 46, pp. 61-82. (in Russ.).

Munitsipal'naya programma «Predprinimatel'stvo gorodskogo okruga Pushchino» na 2017–2021 gody. Utverzhdena Postanovleniem administratsii g. Pushchino Moskovskoy oblasti ot 16 marta 2017 g. № 112-p [Municipal program “Entrepreneurship of the Pushchino urban district” for 2017-2021. Approved by the Resolution of the Administration of the Pushchino City of the Moscow Region of March 16, 2017 No. 112-p], available at: SPS

«Konsul'tantPlyus». Inform. bank Svodn. region. zak-vo (Moskovskaya obl.) (accessed 7 December 2017). (in Russ.).

Nagoyskiy protokol regulirovaniya dostupa k geneticheskim resursam i sovmestnogo ispol'zovaniya na spravedlivoy i ravnoy osnove vygod ot ikh primeneniya k Konventsii o biologicheskom raznoobrazii. Podpisan 29 okt. 2010 g. v g. Nagoe (Rossiya ne yavlyayetsya storonoy protokola). Vstupil v silu 12 okt. 2014 g. [The Nagoya Protocol on Access to Genetic Resources and the Fair and Equitable Sharing of Benefits Arising from their Utilization to the Convention on Biological Diversity. Signed on October 29, 2010 in Nagoya (Russia isn't the Protocol Party). Entered into force on October 12, 2014], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Mezhdunarodnoe pravo (accessed 7 December 2017). (in Russ.).

Novikova L.A. (ed.) *Botanicheskie kollektsii – natsional'noe dostoyanie Rossii : materialy Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf.* [Botanical collections as the national heritage], Penza, Penz. gos. un-t, 2015, 408 p. (in Russ.).

Osnovy gosudarstvennoy politiki v oblasti obespecheniya khimicheskoy i biologicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 g. i dal'neyshuyu perspektivu. Utv. Prezidentom Rossiyskoy Federatsii 1 noyab. 2013 g. (poruchenie № Pr-2573) [Fundamentals of the state politics in the sphere of providing the chemical and biological safety of the Russian Federation for the period until 2025 and future perspective. Adopted by the President of the Russian on November 1, 2013 (assignment № Pr-2573)], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Ros. zakonodatel'stvo (Versiya Prof). Posledn. obnovl. (accessed 7 December 2017). (in Russ.).

Ozerskaya S.M. *Griby v kollektsiyakh kul'tur: fundamental'nye i prikladnye aspekty : avtoref. dis. ... d-ra biolog. nauk* [Mushrooms in the collections of cultures: fundamental and application-oriented aspects: abstr. of diss.], Moscow, 2012, 50 p. (in Russ.).

Ozerskaya S.M., Kochkina G.A., Ivanushkina N.E., Zaprometova K.M., Eremina S.S., Knyazeva E.V. *Sostoyanie kollektsiy mikroorganizmov v Rossii* [The state of the microorganism collections in Russia], *Vestnik biotekhnologii*, 2006, vol. 2, no. 3, pp. 51-61. (in Russ.).

Pchel'nikov M.V. *Pravovoe regulirovanie sozdaniya, ispol'zovaniya i transportirovki biologicheskikh kollektsiy (biologicheskikh ob'ektov)* [The legal regulation of the forming, applying and transporting the biological collections (biological objects)], *Akadem. vestnik Rostovskogo filiala Ros. tamozhennoy akademii*, 2016, no. 4 (25), pp. 73-77. (in Russ.).

Pinaev G.P. *Sostoyanie «Rossiyskoy kollektsii kletochnykh kul'tur» (Mezhdovedomstv. ob»edineniya spetsializir. kollektsiy)* [The state of the Russian collection of cell cultures (of the Interdepartmental organization of the special-purpose collections)], V.A. *Chereshnev i dr. (red.), Voprosy pravovogo obespecheniya nauchno-texnicheskoy i innovatsionnoy deyatel'nosti : inform.-analit. sb. po materialam vyezdn. rasshir. zasedaniya i «kruglogo stola»*, Moscow, Izd. Gos. Dumy, 2011, pp. 144-148. (in Russ.).

Pis'mo FANO Rossii ot 29 avg. 2017 g. № 007-18.2-11/MK-405 «O sbore informatsii po bioresursnym kollektsiyam v Sisteme "Parus" (2017 god)» [Letter of the FASO of Russia on August 29, 2017 No. 007-18.2-11/MK-405 on the accumulation of information on the bioresource collections in the Parus System (2017)], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Ekspert-prilozh (accessed 18 November 2017). (in Russ.).

Plan deyatel'nosti Federal'nogo agentstva nauchnykh organizatsiy na 2016–2021 gody. Utverzhen rukovoditelem FANO Rossii 27 iyunya 2016 g. [Plan of activity of the Federal Agency of Scientific Organizations for 2016-2021. Approved by the head of the FASO of Russia on June 27, 2016], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Ros. zak-vo (Versiya Prof) (accessed 7 December 2017). (in Russ.).

Polozhenie o biologicheskoy kollektsii «Biobank naseleniya Severnoy Evrazii» Nauchno-issledovatel'skogo instituta meditsinskoy genetiki Feder. gos. byudzh. nauch. uchrezhdeniya «Tomskiy natsional'nyy issledovatel'skiy meditsinskiy tsentr Rossiyskoy akademii nauk».

Utv. direktorom NII meditsinskoj genetiki Tomskogo NIMTs 28 fevr. 2017 g. 5 s. Ne opubl. (kopiya podlinnika) [Regulations on the Biological Collection “Biobank of the Population of Northern Eurasia” of the Research Institute of the Medical Genetics of the Federal State budget scientific “Tomsk National Research Medical Center of the Russian Academy of Sciences”. Approved by the director of the Research Institute of the Medical Genetics of Tomsk NIMC of Feb. 28, 2017. 5 p. Not published. (a copy of the original)]. (in Russ.).

Polozhenie o dendrologicheskom parke federal'nogo znacheniya «Dendrariy». Utv. Prikazom Minprirody Rossii ot 25 apr. 2016 g. № 261 [Regulations on the dendrological park of federal importance «Arboretum.» Approved by the Order of the Ministry of Natural Resources of Russia of April 25, 2016 No. 261], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Ros. zak-vo (Versiya Prof) (accessed 7 December 2017). (in Russ.).

Polozhenie o Federal'nom agentstve nauchnykh organizatsiy. Utv. Postanovleniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 25 okt. 2013 g. № 959 [Regulations on the Federal Agency of Scientific Organizations. Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of October 25, 2013 No. 959], *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2013, no. 44, art. 5758. (in Russ.).

Polozhenie o Federal'nom gosudarstvennom byudzhetnom uchrezhdenii nauki Botanicheskoy sade-institute Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk kak osobo okhranyaemoy prirodnoy territorii federal'nogo znacheniya. Utv. Prikazom FANO Rossii ot 18 marta 2015 g. № 5n [Regulations on the Federal State Budgetary Institution of Science Botanical Garden-Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences as a specially protected natural area of federal significance. Approved by the Order of the FASO of Russia of March 18, 2015 No. 5n], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Ros. zak-vo (Versiya Prof) (accessed 7 December 2017). (in Russ.).

Polozhenie o Gosudarstvennoy kollektzii patogennykh mikroorganizmov i kletochnykh kul'tur na baze federal'nogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya nauki «Gosudarstvennyy nauchnyy tsentr prikladnoy mikrobiologii i biotekhnologii» Federal'noy sluzhby po nadzoru v sfere zashchity prav potrebiteley i blagopoluchiya cheloveka. Utv. Prikazom Federal'noy sluzhby po nadzoru v sfere zashchity prav potrebiteley i blagopoluchiya cheloveka ot 27 iyulya 2010 g. № 297 [Regulations on the State Collection of Pathogenic Microorganisms and Cell Cultures on the Base of the Federal State Institution of Science «State Scientific Center of the Applied Microbiology and Biotechnology» of the Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Welfare. Approved by the Order of the Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Welfare of July 27, 2010 No. 297], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Ekspert-priloz. (accessed 7 December 2017). (in Russ.).

Polozhenie o Ministerstve zdravookhraneniya Rossiyskoy Federatsii. Utv. Postanovleniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 19 iyunya 2012 g. № 608 [Regulations on the Ministry of Health of the Russian Federation. Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of June 19, 2012 No. 608], *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2012, no. 26, art. 3526. (in Russ.).

Polozhenie o Sochinskom obshchepublikanskom gosudarstvennom prirodnom zakaznike. Utv. Prikaz Minsel'khoza Rossii ot 24 dek. 2003 g. № 1571 [The Provision on the Sochi State Nature Reserve. Approved by the Order of the Ministry of Agriculture of Russia of Dec. 24, 2003 No. 1571], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Ekspert-prilozh (accessed 7 December 2017). (in Russ.).

Polozhenie o tsentre kollektivnogo pol'zovaniya «Kollektsiya unikal'nykh ekstremofil'nykh mikroorganizmov razlichnykh fiziologicheskikh grupp biotekhnologicheskogo naznacheniya (UNIQEM)». Utv. direktorom Federal'nogo issled. tsentra «Fundamental'nye osnovy biotekhnologii» RAN 2 marta 2017 g. Ne opubl. (kopiya podlinnika) [Regulations on the Center for Collective Use «Collection of the unique extremophilic microorganisms of the various physiological groups of biotechnological purposes (UNIQEM)». Approved by the

Director of the Federal Research Center “Fundamentals of Biotechnology” RAS of March 2, 2017)], Moscow, 24 p. Not published (a copy of the original). (in Russ.).

Polozhenie o zoologicheskikh kollektsiyakh. Utv. Prikazom Goskomekologii Rossii ot 30 sent. 1997 g. № 411 [Regulations on zoological collections. Approved by the Order of the State Committee for Ecology of Russia of September 30, 1997 No. 411], *Byulleten' normat. aktov feder. organov ispoln. vlasti*, 1998, no. 9. (in Russ.).

Polozhenie ob osobo okhranyaemoy prirodnoy territorii oblastnogo znacheniya «Prirodnyy park “Malyy Istok”». Utv. Postanovleniem Pravitel'stva Sverdlovskoy oblasti ot 25 fevr. 2004 g. № 128-PP [Regulations on a specially protected natural area of regional importance “Maliy Istok Natural Park”. Approved by the Decree of the Government of the Sverdlovsk Region of February 25, 2004 No. 128-PP], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Svodn. region. zak-vo (Sverdlovskaya obl.) (accessed 7 December 2017). (in Russ.).

Polozhenie ob Upravlenii mezhdunarodnogo vzaimodeystviya i organizatsii nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva. Utv. Prikazom FANO Rossii ot 18 okt. 2016 g. № 502 [Regulations on the Department of the International Cooperation and Organization of the Scientific and Technical Cooperation. Approved by the Order of FASO of Russia of October 18, 2016 No. 502], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Ros. zak-vo (Versiya Prof) (accessed 18 November 2017). (in Russ.).

Poryadok oformleniya veterinarnykh soprovoditel'nykh dokumentov na bumazhnykh nositelyakh. Utverzhen Prikazom Minsel'khoza Rossii ot 27 dek. 2016 g. № 589 [The order of registration of the veterinary accompanying documents on the paper carriers. Approved by the Order of the Ministry of Agriculture of Russia of December 27, 2016 No. 589], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Ros. zak-vo (Versiya Prof) (accessed 7 December 2017). (in Russ.).

Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 17 iyulya 1996 g. № 823 «O poryadke gosudarstvennogo ucheta, popolneniya, khraneniya, priobreteniya, prodazhi, peresytki, vyoza za predely Rossiyskoy Federatsii i vvoza na ee territoriyu zoologicheskikh kollektsiy» [Decree of the Government of the Russian Federation on July 17, 1996 No. 823 on the order of the state accounting, refilling, safekeeping, purchase, sailing, transfer, exportation from the Russian Federation and importation onto its territory], *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 1996, no. 31, art. 3718. (in Russ.).

Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 24 iyunya 1996 g. № 725-47 «O merakh po sokhraneniyu i ratsional'nomu ispol'zovaniyu kollektsiy mikroorganizmov, kul'tiviruemykh kletok vysshikh rasteniy, perevivaemykh somaticheskikh kletok pozvonochnykh» (akt ogranichennogo dostupa; ofitsial'no ne opubl.) [Decree of the Government of the Russian Federation on June 24, 1996 No. 725-47 on the measures on preservation and rational use of the collections of microorganisms, cultured cells of higher plans, continuous somatic cells of vertebrata (act of limited access, officially not published). (in Russ.).

Pravila funktsionirovaniya tsentrov kollektivnogo pol'zovaniya nauchnym oborudovaniem i unikal'nykh nauchnykh ustanovok, kotorye sozdany i (ili) funktsionirovanie kotorykh obespechivaetsya s privilecheniem byudzhetnykh sredstv. Utv. postanovleniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 17 maya 2016 g. № 429 [Rules for the operation of centers for the collective use of the scientific equipment and unique scientific installations that are created and (or) operated by the budget funds. Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of May 17, 2016 No. 429], *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2016, no. 22, art. 3208. (in Russ.).

Pravila po bor'be s grippom ptits. Utv. Prikazom Minsel'khoza Rossii ot 27 marta 2006 g. № 90 [Rules for fighting bird flu. Approved by the Order of the Ministry of Agriculture of Russia of March 27, 2006 No. 90], *Byulleten' normat. aktov feder. organov ispoln. vlasti*, 2006, no. 19. (in Russ.).

Pravila prodazhi ot del'nykh vidov tovarov. Utv. Postanovleniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 19 yanv. 1998 g. № 55 [Rules on sailing the particular items of goods. Approved by Decree of the Government of the Russian Federation on January 19, 1998 No. 55], *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 1998, no. 4, art. 482. (in Russ.).

Pravila vvoza na territoriyu Rossiyskoy Federatsii i vyvoza za predely territorii Rossiyskoy Federatsii biologicheskikh materialov, poluchennykh pri provedenii klinicheskogo issledovaniya lekarstvennogo preparata dlya meditsinskogo primeneniya. Utv. Postanovleniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 3 sent. 2010 g. № 673 [Rules on exportation from the Russian Federation and importation onto its territory of the biological materials, which are received through clinical research of the medical product for medical use. Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation on September 3, 2010 No. 673], *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2010, no. 37, art. 4688. (in Russ.).

Prikaz Departamenta po okhrane zhivotnogo mira Sverdlovskoy oblasti ot 3 marta 2016 g. № 63 «Ob utverzhdenii Perechnya dolzhnostnykh lits Departamenta po okhrane, kontrolyu i regulirovaniyu ispol'zovaniya zhivotnogo mira Sverdlovskoy oblasti, upolnomochennykh sostavlyat' protokoly ob administrativnykh pravonarusheniyakh» [Order of the Department for the Protection of Fauna of the Sverdlovsk Region of March 3, 2016 No. 63 "On the Approval of the List of Officials of the Department for the Protection, Control and Regulation of the Use of Wildlife of the Sverdlovsk Region, authorized to draw up protocols on administrative offences"], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Svodn. region. zak-vo (Sverdlovskaya obl.) (accessed 7 December 2017). (in Russ.).

Prikaz FANO Rossii ot 2 fevr. 2017 g. № 59 «Ob opredelenii perechney osobo tsennogo dvizhimogo imushchestva federal'nykh gosudarstvennykh byudzhethnykh i avtonomnykh uchrezhdeniy, podvedomstvennykh Federal'nomu agentstvu nauchnykh organizatsiy» [Order of the FASO of Russia of February 2, 2017 No. 59 on the lists of the especially valuable movable property of federal state budget and autonomous organizations, subordinated to the Federal Agency of Scientific Organizations], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Ros. zak-vo (Versiya Prof) (accessed 7 December 2017). (in Russ.).

Proekt federal'nogo zakona «O natsional'noy kollektzii patogennykh mikroorganizmov. Podgotoven Minzdravom Rossii». Redaktsiya na 14 sent. 2016 g. [Draft Federal Law on the National Collection of pathogenic microorganisms. Prepared by the Ministry of Health of the Russian Federation. As amended on September 14, 2016], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Proekty normativnykh pravovykh aktov (accessed 7 December 2017). (in Russ.).

Proekt federal'nogo zakona «O nauchnoy, nauchno-tekhnicheskoy i innovatsionnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii» (podgot. Minobrnauki Rossii. Red. na 31 iyulya 2017 g.) [Draft Federal Law on the Scientific, Scientific Technical and Innovative Activity in the Russian Federation. Prepared by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. As amended on July 31, 2017], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Proekty normativnykh pravovykh aktov (accessed 7 December 2017). (in Russ.).

Programma fundamental'nykh nauchnykh issledovaniy gosudarstvennykh akademiya nauk na 2013–2020 gody. Utverzhdena Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 3 dek. 2012 g. № 2237-r [The program of the fundamental scientific research of the state academies of sciences for 2013–2020. Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of December 3, 2012 No. 2237-r], *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2012, no. 50, pt. 6, art. 7089. (in Russ.).

Rekomendatsii po registratsii bioresursnoy kollektzii kak tsentra kollektivnogo pol'zovaniya i (ili) unikal'noy nauchnoy ustanovki na sayte «Sovremennaya nauchnaya infrastruktura Rossiyskoy Federatsii» (ckp-rf.ru) v informatsionno-telekommunikatsionnoy seti «Internet» (razmeshcheny na sayte FANO Rossii 26 iyunya 2017 g. bez ukazaniya rekvizitov) [Recommendations on the registration of the bioresource collection as a

center for the collective use and (or) a unique scientific installation on the site “Modern Scientific Infrastructure of the Russian Federation” (срк-rf.ru) in the information-and-telecommunication network “Internet” (posted on the website of FASO of Russia on June 26, 2017) without specifying the requisites)], available at: URL: http://fano.gov.ru/ru/documents/card/?id_4=66812 (accessed 7 December 2017). (in Russ.).

Slepenkova O.A., Biryukova T.A. *Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 24 apr. 1995 g. № 52-FZ «O zhivotnom mire» (postateyny)* [Commentaries on the Federal Law of April 24, 1995 No. 52-FZ on the animal world (article-by-article)], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Kommentarii zakonodatel'stva, 2013 (accessed 18 November 2017). (in Russ.).

Soglasenie o sotrudnichestve v oblasti sokhraneniya i ispol'zovaniya geneticheskikh resursov kul'turnykh rasteniy gosudarstv – uchastnikov SNG. Zaklyucheno v g. Minske 4 iyunya 1999 g. [Collaboration agreement in the sphere of preserving and applying the genetic resources of cultural herbs of state-members of CIS. Signed in Minsk on June 4, 1999], *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2000, no. 11, pp. 21-25. (in Russ.).

Sokhranenie biologicheskogo raznoobraziya Rossii – osnova ustoychivogo razvitiya nauki i naukoemkikh proizvodstv : materialy slushaniy na temu «Biologicheskie kollektsii Rossii – osnova ustoychivogo razvitiya nauki i naukoemkikh proizvodstv» [Preserving biological diversity of Russia as the base for sustainable development of science and science absorbing industries], Moscow, Vseros. selekts.-tekhnolog. in-t sadovodstva i pitomnikovodstva Rossel'khozakademii, 2011, 130 p. (in Russ.).

Tamozhenny kodeks Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza (prilozhenie № 1 k Dogovoru o Tamozhennom kodekse Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza, zaklyuchennomu v g. Moskve 11 apr. 2017 g.). Vstupil v silu s 1 yanvarya 2018 g. [The Customs Code of the Eurasian Economic Union (attachment No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union, concluded in Moscow on April 11, 2017), available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Ros. zakonodatel'stvo (Versiya Prof) (accessed 7 December 2017). (in Russ.).

Temirbekova S.K., Kulikov I.M., Kazakov O.G., Kurilo A.A. *Omirovoy kollektsii geneticheskikh resursov rasteniy N.I. Vavilova* [On the world collection of the genetic resources of herbs of N.N. Vavilov], *Sokhranenie biologicheskogo raznoobraziya Rossii – osnova ustoychivogo razvitiya nauki i naukoemkikh proizvodstv : materialy slushaniy*, Moscow, Vseros. selekts.-tekhnolog. in-t sadovodstva i pitomnikovodstva Rossel'khozakademii, 2011, pp. 27-33. (in Russ.).

Tkachenko K.G. *Zhivye kollektsii botanicheskikh sadov – baza dlya izucheniya i sokhraneniya biologicheskogo raznoobraziya* [Living collection of the botanical gardens as the base for studying and preserving the biological diversity], L.A. Novikov (red.), *Botanicheskie kollektsii – natsional'noe dostoyanie Rossii : materialy Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf.*, Penza, Penz. gos. un-t, 2015, pp. 280-282. (in Russ.).

Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Federal'nyy zakon ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ [Criminal Code of the Russian Federation. Federal Law on June 13, 1996 No. 63-FZ], *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 1996, no. 25, art. 2954. (in Russ.).

Zakon Moskovskoy oblasti ot 8 iyunya 2006 g. № 87/2006-OZ «O veterinarii v Moskovskoy oblasti» [Law of the Moscow region of 8 June, 2006 No. 87/2006-OZ on the Veterinary in the Moscow region], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Svodn. region. zak-vo (Moskovskaya obl.) (accessed 7 December 2017). (in Russ.).

Zakon Novosibirskoy oblasti ot 26 sent. 2005 g. № 325-OZ «Ob osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriyakh v Novosibirskoy oblasti» [The law of the Novosibirsk region of September 26, 2005 No. 325-OZ on the Specially Protected Natural Territories in the Novosibirsk Region], available at: SPS «Konsul'tantPlyus». Inform. bank Svodn. region. zak-vo (Novosibirskaya obl.) (accessed 7 December 2017). (in Russ.).

Требования к авторам

1. Автор отправляет на редакционную почту admin@instlaw.uran.ru рукопись статьи в электронном варианте в формате .doc.

2. Статьи должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском языке.

3. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.

4. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование: имена автора и рецензентов не раскрываются друг другу. К рецензированию привлекаются как члены редакционной коллегии и международного редакционного совета, так и внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Срок рассмотрения статей – не более 2-х месяцев с момента поступления рукописи в редакцию.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена автору на доработку или отклонена. В случае принятия к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплектует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

7. Рекомендуемый объем статьи – 30–60 тысяч знаков (с пробелами). Шрифт (гарнитура) Times New Roman, 14 кегль, 1,5 интервала, текст должен быть отформатирован по ширине без переносов, абзацный отступ – 1 см, левое поле – 3 см, правое поле – 1,5 см, верхнее и нижнее поля – 2 см. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант («»). Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».

8. Все иллюстрации, графики, таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

9. Название статьи форматируется по центру, выделяется полужирным шрифтом, 14 кеглем, все буквы прописные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, занимаемая

должность, место работы, электронная почта. В левом верхнем углу указывается код УДК.

После названия приводится аннотация статьи, раскрывающая ее гипотезу, основные положения и выводы. Объем аннотации не менее 2000 знаков с пробелами. После аннотации статьи приводится список ключевых слов (5–10).

10. Внутритекстовые ссылки оформляются в круглых скобках, в которых указываются фамилия (фамилии) автора или составителя (главного или ответственного редактора), или основное заглавие (если авторство нельзя установить), далее через пробел указывается год издания, затем через двоеточие – страницы цитаты, либо статьи правового акта, на который ссылается автор. Например: (Булгаков 1994: 203-204).

11. Библиографический список представлен двумя блоками – Списком литературы и References.

В Списке литературы указываются научные источники, первоначально авторские работы на русском языке в алфавитном порядке, затем источники на иностранных языках. При наличии нескольких источников одного автора, вышедших в одном календарном году, данная группа записей располагается по алфавиту заглавий, а к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c, d, что отражается и во внутритекстовых ссылках.

References – список литературы, где источники на кириллице даны в транслитерации и в переводе на английский язык (фамилия автора, название журнала, сборника – в транслитерации; заглавие монографии или статьи, место издания – в переводе), английские источники приводятся без изменений. Источники на иных языках также даются в переводе на английский язык. Весь массив записей располагается в алфавитном порядке.

При ссылке на книги указывается количество страниц в книге. При ссылке на статью указывается диапазон страниц (например: С. 13-29).

12. К статье должны быть приложены переводы на английский язык: имени и фамилии автора; должности и места работы; контактной информации; названия статьи; аннотации и ключевых слов.

13. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.

14. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к авторам и примерами оформления рукописей можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript conditions

1. Manuscript in doc. format should be sent to the editorial board's email admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscript submitted to the Journal should relate to Journal's subject areas, which include philosophy, political science and law.

3. Previously published papers are unacceptable.

Manuscripts should be submitted in Russian only.

4. If the paper doesn't comply with the subject-matter of the Journal or formal requirements it excludes from further consideration, the author is notified about it.

5. Every manuscript submitted to the Journal is a subject for double-blind review, which means that the identities of reviewers are concealed from the author, and vice versa. Reviewers are experts in the same subject area as the paper submitted. The paper is assigned for reviewing to experts, who are members of the editorial board or the international editorial council, as well as to independent experts. If the first reviewer accepts the paper, while the second reviewer rejects it, the paper will be passed for evaluation to the third reviewer or the decision on acceptance or rejection will be made by the editorial board itself. The procedure for review and approval of papers takes no more than two months.

After reviewing the article may be accepted for publication, sent to the author for revision or rejected. If accepted for publication the paper is placed in the portfolio of editorial board for further publication.

6. The editorial board retains reviews during 5 years. If needed, the editorial board sends reviews or notes of reasoned refusal to the authors. If requested, the editorial board sends copies of reviews to the Ministry of education and science of the Russian Federation.

7. The Journal normally publishes papers between 30000 and 60000 characters in length (with spaces). The texts should be typed using Times New Roman, font size 14, 1.5 spaced, justified alignment, 1 cm. paragraph indention, 3 cm. left margin, 1,5 cm. right margin, 2 cm. top and foot margins. French quotation marks «», dash «-», hyphen « - » should be used in the text.

8. Illustrations, diagrams and tables should be numbered and named. Illustrations, diagrams and tables should be both placed within the text of the manuscript and provided in a separate file.

9. Titles of papers should be centered, capitalized, semi-bold and typed using Times New Roman, font size 14. The author's personal data (full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail) should be placed in the top-right corner above the title of the manuscript. UDC, if possible, should be placed in the top-left corner of the manuscript.

The abstract should be placed below the paper's title and be no less than 2 000 characters (with spaces). It should summarize the hypothesis and key results presented in the paper. From 5 to 10 keywords are also required.

10. References should be placed within the text in round brackets (). In-text references should include the author's last name or the editor's last name, or the title of the source (for sources with no author named), as well as the year of publication and page reference (or article of the normative legal act). Example: (Jameson 2009: 167).

11. After-text bibliography includes the List of sources and References.

The List of sources should be composed alphabetically. It should be organized in the following order: sources in Russian (books and articles); sources in foreign languages (books and articles). If there are two or more sources by the same author in the same year, lower-case letters (a, b, c, d) with the year should be used. The lower-case letters with the year should be added to the in-text references as well.

References is the List of sources which should be transliterated and translated into English (author's last name, title of the journal or collection should be transliterated; title of the monograph or article, and the place of publication should be translated into English). Titles in other languages should be translated into English as well. List of References should be alphabetized.

Description of books and articles listed in after-text bibliography should contain number of pages, while description of articles should contain page ranges. Example: P. 13-29.

12. The author should also submit a separate file containing the following information in English: full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail, as well as title of the paper, abstract and keywords.

13. Publication of accepted papers is free of charge. Honorarium is not paid to the author.

14. In addition to the manuscript, the author provides written consent to display published paper in the electronic databases, as well as written consent to make public his/her personal data.

More detailed information for authors as well as samples of papers, abstracts et al. are provided at the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

**НАУЧНЫЙ ЕЖЕГОДНИК
ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Том 18

Выпуск 1

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск
В.С. Мартьянов, В.В. Эмих

Редактор *Н.М. Юркова*
Корректоры *А.И. Никонова, Е.М. Олову*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовский*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать 27.03.2018 г. Формат 70x100/16
Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 11,1 Уч.-изд. л. 10,4
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт философии и права УрО РАН.
620990. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134